

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИСТИКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет**

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИСТИКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Курган 2011

УДК 9(063)

ББК 63лО

М 54

Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 220 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

В. И. Усанов, д-р ист. наук, профессор Тюменской высшей школы милиции Министерства внутренних дел Российской Федерации

И. В. Неупокоев, канд. ист. наук, доцент Уральской академии государственной службы

Настоящее издание представляет сборник научных статей ученых Урало-Сибирского региона.

В сборник включены статьи, посвященные проблемам историописания, историографии, теории и методологии истории. Кроме того, имеется раздел, посвященный локальной истории. А так же представлены материалы исследований актуальных проблем истории Урала и Южного Зауралья.

Ответственный редактор: И.С. Менщиков.

ISBN 978-5-4217-0118-7

© Курганский
государственный
университет, 2011
© Авторы, 2011

ИСТОРИОПИСАНИЕ/ ИСТОРИОГРАФИЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Слово «историописание» относительно недавно проникло в русский язык, в частности язык историков. Естественно, возникает несколько вопросов по поводу необходимости его существования. Прежде всего, есть устоявшийся термин «историография». Следует ли вводить еще один? Однако сам термин «историография» многозначен, а содержание его несколько размыто. Классическое определение его гласит, что историография - это история исторической науки. Однако существуют и другие значения. В частности, это и все, что написано (то есть сами тексты), и то, что изучено в истории по данной теме (историография проблемы), и исторические школы (либеральная историография), и национальные исторические направления (английская историография).

Подобная многозначность порождает неясность. Как справедливо отмечает М.С. Бобкова, «говоря, например, "античная историография", одни сегодня понимают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности»¹.

Считается, что понятие «историография» как история исторической науки пришло в отечественную историческую науку из германской где-то в середине XIX века и прочно закрепилось в советское время. Спустя сто лет стали говорить об историографии в узком и широком смыслах, а концу XX столетия всё активнее стало использоваться новое слово - историописание, как альтернативное указанному термину. Историописание существовало до того, как появились основные правила, приемы, принципы и методы современной исторической науки в совокупности со вспомогательными историческими дисциплинами, способами критики и прочтения документов и т.д. Тем не менее, применение термина «историописание» в этом смысле (непрофессиональная историография, созданная до оформления истории как науки к XIX веку) едва ли оправдано, поскольку в трудах историков «донаучного» периода и истории, и науки порой куда больше чем в научных опусах наших современников. Следовательно, необходимо либо сразу признать, что вся история исторического знания делится два периода – научный (историография) и донаучный (исто-

¹ Бобкова М.С. От традиционных курсов по историографии к курсам по истории исторической культуры //Как изучают историю в высшей школе: опыт перспективы дискуссии. М., 2007. С.264.

риописание), либо рассматривать эти два термина как синонимичные. Тогда опять возникает вопрос о том, надо ли умножать термины без нужды?

Кроме указных выше значений встречается и получает все большее распространение еще одно. Речь идет о создании исторических текстов, то есть в прямом смысле о писании истории. Это отсылает нас к пресловутому разговору об историческом нарративе, его функции и познавательных возможностях.

Для западной историографии стал устоявшимся тезис о том, что историописание – это труды, созданные историками, а историография есть процесс изучения историописания¹. Подходит ли для нашей исторической науки такая коннотация смыслов? На наш взгляд, это создаст лишнюю путаницу. Вместо того, чтобы прояснить и точнее определить обозначаемое, происходит дальнейшее усложнение смыслов. Ведь по сути «историописание» - это калька слова «историография». Термин «историописание» получается почти столь же многозначным, как и привычный для нас термин «историография». Принимая во внимание консерватизм мышления и языка (разумный консерватизм), часть исторического сообщества просто не примет его. Опыт диалога и обмена мнениями, который имел место в ИВИ РАН в ходе круглого стола «Определение границ понятия “историописание”» (13-14 апреля 2009 г.) в общем только подтверждает сказанное.

И.С. Меницков

¹ См.: Бобкова М. С. Указ соч.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

За исключением цифр, нет ничего более обманчивого, чем факты.

Сидней Смит

Исторический факт – одно из самых сложных и неуловимых понятий в языке историка. С одной стороны, любой человек, профессионально занимающийся историей, понимает, что такое факт. С другой стороны, этому термину довольно трудно дать определение. Понятие «факт» можно уподобить понятию «атом»: в XIX веке атом был стабилен, целостен и в прямом смысле слова неделим. XX век расширил наше понимание. Атом (т.е «неделимый») стал делиться, дробиться и распадаться на другие элементарные частицы. Сходным образом и термин «факт» стал более неуловимым и сложным. Факты состоят из других фактов, более мелких, а те - из еще более мелких.

Факт почти никем не рассматривается как целостная, независимая от нашего сознания единица, возник вопрос о соотношении понятий «факт» и «событие». Событие рассматривается как некая отдельная единица исторического процесса. Оно является неким сырьем для историка. Многие события канули в Лету, не будучи зафиксированными в источниках. Сохранившиеся (так или иначе) события имеют разный масштаб и разное значение. Хорошо известны слова Талейрана, сказанные о смерти Наполеона: «Это - не событие, это просто новость»¹. Этим старый дипломат хотел сказать, что в политическом смысле Наполеон умер давно и пришедшее известие никак не повлияет на политическое и историческое развитие Франции.

Долгое время в советской историографии и теории истории было принято сблизать или даже отождествлять факты и события, как это будет показано ниже. В настоящее время от этой упрощенной схемы отказались. Событие в большинстве случаев рассматривается как то, что произошло в действительности, а факт – как отражение этого события в сознании автора источника или историка². Более четкое и жесткое противопоставление факта и события характерно в большей мере для французской историографии³. Мы же будем придерживаться уже предложенного разделения факта и события и попытаемся определить место факта в историческом исследовании и историческом дискурсе.

¹ Лодей Д. Талейран. М., 2009. С. 449..

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. Конструирование прошлого. М., 2003. С. 475 – 477.

³ Коломийцев В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М.,2001. С.43.

Попытаемся рассмотреть эволюцию взглядов и подходов к данной проблеме, и показать, как отдельные исторические факты используются в качестве аргументов в историко-политическом дискурсе и как они кочуют из одного учебника в другой, служа не подтверждению исторической истины, а в той или иной форме – идеологической схеме.

Слово «факт» этимологически восходит к латинскому «factum», что означает «сделанное», и в Средние века использовалось наряду со словами «acta» и «gesta» в значении «деяния» как синонимы. Выбор конкретного термина зависел от вкусов и образованности автора¹.

В XIX столетии слово «факт» получило новую жизнь, этот век смело можно назвать веком факта. Именно тогда под влиянием позитивистской философии факт стал базовой научной категорией, а установление фактов – одной из основных функций науки. Под этим термином понимали определенное, точное и доказанное знание. С этого времени в европейском сознании утвердились аксиомы: «факты – упрямая вещь», «с фактом не поспоришь», «факты говорят сами за себя». Таким образом «факт превратился в фетиш для ученых»².

Одним из главных аспектов критики исторического знания той поры стало утверждение, что в истории нет научных фактов, нет выявления закономерностей, нет инструментария и методов, которыми пользуются «нормальные» науки. Ведущие теоретики истории во многом согласились с этими замечаниями и по сути дела попытались свести историю к источниковедению. Вот что пишет по этому поводу Сеньобос: «История – это не наука, это всего лишь познавательный приём... вместо того, чтобы наблюдать факты непосредственно, историк наблюдает их опосредованно через умозаключения о документах». Рассуждая о природе исторического факта, он продолжает: «В окружающей действительности нет фактов, которые были бы историческими по своей природе, подобно тому, как бывают факты психологические или биологические... историческими факты бывают только по своему положению. Историческим является всякий факт, который мы не можем больше наблюдать непосредственно. У фактов не бывает неотъемлемого от них исторического характера, историческим может быть лишь способ их познания»³.

В своей фундаментальной работе «Введение в изучение истории», написанной в соавторстве с Ш.-Л. Ланглуа он развивает эту мысль: «Следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их ему положительно нечего наблюдать: дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь прийти к наиболее правильным выво-

¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С.26.

² Методологические проблемы истории/ Под общ. ред. В.Н. Сидорцова. Минск, 2006.

³ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.71.

дам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкой отправления, а факты прошлого – конечной целью исследования»¹. Метод наблюдения прошлого (исторический), по мнению авторов указанной книги, гораздо менее ценен, поскольку не даёт гарантированного достоверного результата, но у историков иного метода нет. Факт, таким образом, отражен в историческом источнике и может пребывать там в двух видах. «Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование»². Таким образом, они солидаризируются с теорией, которая делит остатки прошлого на следы (первый случай) и предания (второй). Документы не имеют ценности сами по себе, они являются результатом сложной психологической работы авторов, и даже те из них, которые традиционно пользуются большим доверием историков (законы, договоры и т.д.), не выходят за эти пределы. Чтобы судить по письменному документу о факте, надо установить отношения, связующие этот документ с фактом. Нужно представить и воссоздать всю нить действий, совершенных автором, начиная с наблюдения факта и заканчивая написанием источника³. «Историк должен извлекать пользу из очень смутных свидетельств, которыми не удовлетворился бы ни один другой ученый»⁴. По их мнению, факты конструируются из источников раз и навсегда, это камни, из которых потом строится здание под названием «история». Факт – это своего рода Америка, которая лежит за морем и ждет своего Колумба, что бы он её открыл. Обнаружив упоминание о факте в источнике, проверив подлинность документа и установив, посредством сравнения с другими источниками, истинность факта, историк может успокоиться и, соединив полученное в связное изложение, выдать научно-исторический труд. В общественном мнении благодаря этому прочно укоренилось убеждение в том, что история состоит из фактов и что их надо знать. История сводится к каркасу из дат и фактов. Заучивать факты – это и значит учить историю⁵. Выстраивается цепочка: документ – критика – факт.

Такое радикальное понимание сути факта и задачи исторической науки довольно скоро вызвало вполне резонную критику. Одним из первых критиков во Франции стал Анри-Ирене Марру. Он говорит, что такого сорта историки уверены, будто в их карточках и картотеках накапливается чистое зерно фактов, то есть свидетельства, которые признаны достоверными. Историк не конструирует историю, он её обретает. Факты надо лишь отыскивать в документах,

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 49.

² Там же. С.50.

³ Там же. С.50 – 51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Про А. Указ. соч. С.57.

подобно тому, как археолог очищает черепок от облепившей его земли¹. С этим немного ироничным замечанием трудно не согласиться. Ведь даже установив истинность фактов и выстроив их в логическую цепочку, не всегда можно получить именно историю. Можно получить бездарный компилятивный текст в худшем смысле этого слова. Здесь уместно вспомнить слова Р. Арона: «Подборка истинных фактов – это еще не наука»². В более поздних своих работах по теории истории (к сожалению, мало известных российскому исследователю) А.-И. Марру развивает свои критические мысли о позитивистском толковании факта и работы историка. Он, в частности, пишет, что работа историка не есть механический процесс производства истинного знания с опорой на источники, историк не есть некий станок, куда запускаются документы, а посредством критического анализа и интерпретации он перерабатывает «и выдает исторические факты с установленным коэффициентом достоверности. Это – карикатурная схема»³. Истинное знание устанавливается, по его мнению, на тонкой нити связующей структуры прошлого и «умом, который её реконструирует»⁴. История – это «наука единичного»⁵, в ней большую роль играет интуиция исследователя. Необходимо схватывать документ, понимать его целиком, а не выделять посредством негативной критики некие отдельные частные факты. В истории существует традиция, некий «акт веры», система ценностей и постулатов с которых и начинается историческое знание. Предвосхищая появление фоменковщины, он пишет, что если появятся «гиперкритики», которые поставят под вопрос факт существования Наполеона и Декарта, позитивистскому историку трудно будет обнаружить ложность их заключений или «опровергнуть их реальными обязательными очевидностями»⁶.

Не менее резко высказался по поводу такой трактовки фактов и событий и Р. Коллингвуд в своем знаменитом пассаже о мастерах ножниц и клея: «Историограф... оставался компилятором, человеком ножниц и клея. В сущности, его задача сводилась к тому, чтобы знать, что по этому поводу сказали авторитеты»⁷. По его мнению, мало обнаружить истинные факты, необходимо конструктивное воображение, своего рода каркас прошлого. Именно с его легкой руки вошло в обиход выражение «историческая конструкция». Это своего рода сеть, натянутая между определенными точками, представленными в распоря-

¹ Там же С.75

² Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000. С.149.

³ Цит. по: Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.С. 115.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.116.

⁶ Там же. С.92.

⁷ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.367.

жение историка источниками¹. Для Коллингвуда исторический факт не есть некая данность, заключенная в источнике, а то, что получается в ходе целенаправленной работы историка: «историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатации исторических фактов, а как основание для своих суждений»².

Критическую позицию по отношению к позитивистскому пониманию факта заняли и основатели школы «Анналов». В их сочинениях мы также можем обнаружить суждение о том, что факты в исторической науке конструируются самим исследователем. Так, Л. Февр сказал в своей знаменитой лекции «Суд совести истории и историка» следующее: «Установить факт – значит выработать его. Иными словами, отыскать определенный ответ на определенный вопрос»³. Это объясняет, как, опираясь на одни и те же свидетельства, можно сконструировать различные факты, о чем речь пойдет ниже. А из сконструированных фактов можно сконструировать вполне научную гипотезу или теорию, которая опирается на установленные факты. В настоящее время мысль о том, что без вопросов к источнику, без постановки проблемы нет фактов, нет истории, стала практически общепризнанной⁴.

В отечественной историографии начала XX века заметный след оставила трактовка исторического факта, данная А.С. Лаппо-Данилевским. Он уделяет особое внимание установлению связи между теорией истории, методологией источниковедения и методологией истории. Рассматривая источники, он делает акцент на то, что они являются продуктами человеческой психики. Факт в его понимании – это воздействие, оказанное на окружающую среду⁵. Историк изучает воздействие индивидуальностей на среду и «обращает внимание преимущественно на психический характер этого воздействия»⁶. Под индивидуальностями он понимает не только отдельное лицо, «но и все человечество, поскольку оно в качестве носителя сознания воздействует на окружающую его среду, а его воздействие признано главным историческим фактом»⁷. Под средой же можно понимать и окружающую природу, «мертвую или органическую, или общественную среду в частности»⁸.

Особое внимание А.С. Лаппо-Данилевский обращает на то, что факт – это именно результат, «продукт человеческого действия», а не само воздействие на

¹ Там же. С.231.

² Там же. С.261.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.15.

⁴ Про А. Указ. соч. С 81.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С.253.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.254.

⁸ Там же.

среду¹. Факты по большей части восстанавливаются из исторических источников, и в этом процессе огромную роль играет источниковедческая критика и методология источниковедения². Источник может быть сам историческим фактом или же свидетельством о нем³. Выбор зависит от историка и того вида критики, который он применяет, хотя он вполне может применять оба подхода одновременно. Первый вид применим в большей мере к следам, второй – к преданиям. В первом случае необходимо установить истинность или поддельность источника-факта⁴. Новаторство подходов А.С. Лаппо-Данилевского, не совсем обоснованно зачисленного в неокантианцы, не было востребовано. Новый политический строй и идеология исторического материализма потребовали иного и более однозначного толкования исторического факта.

Возвращение к осмыслению понятия «исторический факт» наметилось только в самом конце 60-х годов XX века, когда появилась серия статей, посвященных данному предмету⁵. Во многих работах имелась тенденция обосновать, что исторические и природные факты имеют одинаковую природу или очень близки по своему происхождению. Отсюда стремление сблизить понятия «факт» и «событие»⁶. Хорошо известно в этой связи высказывание академика Е.М. Жукова: «Историк воспроизводит минувшую действительность на основе исторических фактов». Он полагал совершенно неверным противопоставлять факт и событие, поскольку факт – это и есть некий кусочек исторической реальности, применять термин «реконструкция» к исторической науке также недопустимо⁷.

Резюмируя сказанное в этих статьях, академик Ковальченко определяет факт как содержательную основу всякой науки. Это – «конкретное проявление действительности в её прошлом или текущем состоянии, т.е. объективная действительность»⁸. Другой смысл этого понятия, по его мысли, связан с процессом научного познания. В этом смысле факты являются отражением действительности «в сознании ученого изучаемой реальности»⁹. Рассматривая факт, И.Д. Ковальченко выделил три его основных типа: факт исторической действительности, факт исторического источника (сообщение) и научно-исторический факт (знание). Факт в первом значении, согласно И.Д. Ковальченко, близок к понятию «событие», они объективны и по отношению к источнику и по отно-

¹ Там же. С.256.

² Там же. С. 404

³ Там же С.407.

⁴ Там же. С.411-412,480.

⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.,2003. С.140.

⁶ Методологические проблемы истории. С. 168.

⁷ Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980. С.209 – 211.

⁸ Там же. С.150.

⁹ Там же.

шению к исследователю, именно в них проявляется многообразие человеческой деятельности. Эти факты однозначны и неизменны в своей сущностной завершенности. Второй тип – факт является отражением первого в сознании автора источника. Оно – субъективно, как и всякое отражение, но объективно как конкретное воспроизводство действительности. Такое толкование довольно близко, на наш взгляд, к позитивистскому. Наконец, третий тип – дважды субъективированное отражение прошлого: отражение в сознании историка отраженной в сознании автора источника действительности. Особенностью этого типа факта является его незавершенность и способность к изменению и обогащению в процессе познания¹. Последнее замечание имеет важный аспект, поскольку во многом отходит от вульгарно-материалистического понимания сложного научного понятия и открывает, вместе с тем, возможность рассматривать факт в более современном ключе, близком к тому, что сформировалось, как было указано выше, на Западе. Стремясь избежать противоречия между понятиями «факт» и «событие» и следовать установленным историческим материализмом нормам (или догмам), И.Д. Ковальченко довольно долго и глубоко рассуждает о природе исторического факта и вслед за М.А. Баргом говорит о сложных фактах и простых, из которых первые складываются. Так, например, Русская революция 1905- 1907 гг. есть исторический факт, но «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года также является фактом и входит в большой факт революции 1905 – 1907 гг. При этом академик Ковальченко еще раз подчеркивает, что и сложный факт есть реальность, а не умственная конструкция. Однако историк должен выделять эти факты: «Критерий здесь один – учет той качественной определенности, которая присуща всем фактам исторической действительности. Это требует установления тех пространственных и временных границ, в которых заключена качественная определенность того или иного сложного исторического факта»².

В современной российской исторической науке сложилось представление о факте как интеллектуальном конструкте исследователя³. Хотя, следует признать, что и схема, предложенная И.Д. Ковальченко, работает и используется во многих учебниках по методологии истории.

Если исходить из того, что факт является конструктом нашего интеллекта и тем самым уже включает в себя некую интерпретацию «того, что было на самом деле», то и результаты интерпретации фактов, а тем самым и получаемая картина реальности могут быть самыми разными⁴. Как отмечают И.М. Савель-

¹ Там же. С. 143.

² Там же.

³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С.256-257.

⁴ Там же. С. 258

ева и А.В. Полетаев: «На основе одних и тех же исходных данных и даже одного набора фактов можно сконструировать самые разные дискурсы»¹. В этом, конечно, нет особой опасности, опасность начинает возникать тогда, когда факт понимается как некая данность, своего рода абсолютная истина. Тогда она входит в этом качестве в учебники по истории и историческое сознание и активно используется в политическом и историко-политическом дискурсе, в политическом и идеологическом споре. При этом факт выступает как та самая «упрямая вещь», против которой «не попрешь». На основе этого создаются историографические мифы, которые воспринимаются как вполне реальные исторические факты. Рассмотрим два таких факта из французской и американской истории, которые прочно вошли в учебные пособия.

Наверное, почти в любом отечественном учебнике, в котором рассматривается эпоха французского абсолютизма, говорится, что Людовик XIV был крайне высокого мнения о своей персоне, любил, чтобы его называли «король-солнце» и при случае повторял фразу: «Государство – это я!» Оставим в стороне первые две части этого суждения и остановимся более подробно на последней. Итак, общепризнанным историческим фактом является то, что король произнес эту знаменитую фразу. Впрочем, более осторожные авторы добавляют, что ему приписывают эту фразу. Возникает, правда, вопрос о том, зачем повторять, оговариваясь, что не совсем уверен в достоверности факта. Однако здесь в силу вступает идеологическая составляющая. Поэтому таких «осторожных» авторов можно приравнять к тем, кто передает сплетни, приговаривая: «Хотя, вообще-то, я в это очень верю».

В наиболее полном виде этот исторический факт представлен так. 13 апреля 1655 король Людовик XIV (напомним, королю всего шестнадцать лет) во время охоты в Венсенском лесу, узнал, что высший суд страны – Парижский парламент – отказался зарегистрировать серию королевских указов. В гневе он поворачивает кавалькаду в Париж, врывается во Дворец правосудия в запыленном охотничьем костюме, с хлыстом в руке и в очень резких выражениях (некоторые говорят – в бранных выражениях) приказывает утвердить указы и не смеет обсуждать его королевскую волю. Когда президент парламента Помпонн говорит ему о традиции, об интересах государства, король-солнце резко обрывает его: «Вы, господа, думаете, что государство это вы? Ошибаетесь! Государство – это я!»

Но ни в одном источнике об этом не сказано. В самом общем виде сообщения источников ограничиваются следующей информацией. Король приехал в парламент в обычной своей одежде, а не в мантии, как было принято. Не со-

¹ Там же.

блюдая принятые формальности, он воспользовался своим правом «королевского заседания» и потребовал прекратить обсуждения и зарегистрировать указы, на что он опять-таки имел законное право. Единственное, что возмутило судебские чины парламента – форма заявления. Поэтому к королю была направлена депутация, которая высказала неудовольствия парламента в связи со странным поведением монарха, нарушавшего традицию. Депутация была хорошо принята королем и кардиналом Мазарини. Последний вступил в переговоры с верхушкой судебного сословия и уступил в некоторых требованиях. Президент Помпонн получил 300 тыс. ливров в дар от короля, прочие – несколько меньшие суммы. Ни о каком «Государство – это я!» никто не упоминает¹. Один из самых крупных специалистов по эпохе Старого режима в современной Франции, Франсуа Блюш, комментирует этот исторический факт следующим образом: «Людовик XIV никогда не мог бы так воскликнуть..., он не сделал бы этого по той простой причине, что никогда так не думал, даже будучи в зените своей славы и могущества. Он будет считать себя слугой государства. Но он ни в коей мере не будет считать, что воплощает государство»². На протяжении всего своего объемистого труда Ф. Блюш доказывает, и весьма убедительно, это своё утверждение.

Другой крупнейший специалист по истории Старого режима Ж.-К. Птифис относится к «королю – солнцу» более критически, чем Ф. Блюш. Ему чужд оправдательный пафос его коллеги. Однако и для него историческая истина выше, чем исторический анекдот, превративший в исторический (или историографический) факт. Он приводит буквально слова короля, в которых нет и намёка на те, которые ему приписали. «Вышеупомянутая сцена, - пишет он, - обросла вымыслом... Из-за неё на свет появилась идея об автократической монархии и абсолютной деспотической власти Людовика XIV – что далеко от действительности»³. Тем самым, Птифис признает, что вымысел стал историческим фактом, который используется в историческом и идеологическом дискурсе в качестве аргумента в попытке доказать существования того, чего никогда не было, а именно упрощенной схемы об абсолютистской монархии, которая с утра до ночи круглый год только то и делала, что угнетала народ. Таким образом, Французская революция была неизбежным и закономерным явлением, а все, что было до неё – сплошной век деспотизма, угнетения, мрака. «Как трудно расстаться со старыми ярлыками!» – восклицает Ф. Блюш⁴ по этому поводу и продолжает, что напрасно ученые диссертации, защищенные в Сорбонне, и

¹ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С.92 - 93.

² Там же С. 93.

³ Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. С.71.

⁴ Блюш Ф. Указ. соч. С.3.

сотни серьёзных новых работ опровергают сложившийся миф¹. Многие поколения французов (и не только французов, добавим мы) находятся в плену «всяких высказываний-клише из учебных пособий. Чего там только нет! Что Фуке никогда никому не причинял зла, что Железная Маска – символ жестокого произвола режима, что Людовик XIV утверждал: «Государство – это я!», - и воевал исключительно ради удовольствия². И следующим шагом может быть знаменитая схема: «Царь был злой. Народ жил плохо. Революция была неизбежна».

Если в случае с Людовиком XIV мы имеем дело с вымыслом, обретшим статус исторического факта, то другой пример показывает, как интерпретация факта-события придаёт ему совершенно иной смысл и становится аргументом в борьбе «сил прогресса с силами реакции».

Речь идет о скандальном деле, получившем название «Обезьяний процесс» (Monkey trial) имевшем место в штате Теннесси в 1925 г. Процесс привлек широкое внимание журналистов и по сию пору является хрестоматийным примером торжества реакции на американском Юге и наступления на научное мировоззрение. Он кочует из одного учебника в другой без детальных комментариев. Остановимся на нем подробнее.

В марте 1925 г. в штате Теннесси был принят закон, запрещавший преподавать теорию эволюции в школе. Некий бизнесмен по имени Джордж Рапплея из городка Дейтон с населением 1800 человек решил спровоцировать судебный процесс, чтобы сделать город известным. Рапплея уговорил своего друга, 24-летнего Джона Скоупса, который работал в то время тренером школьной футбольной команды в округе Реа, но в апреле 1925 г. временно заменял преподавателя естествознания, заявить, что на одном из уроков он рассказывал об эволюционной теории (было ли это на самом деле — до сих пор неизвестно). В мае 1925 г. против Скоупса было возбуждено дело (причем сначала обвинителями взялись быть два приятеля Скоупса — местные прокуроры братья Герберт и Сью Хикс). В июне того же года, после шумного судебного процесса, освещавшегося всей национальной прессой, Скоупс был признан присяжными виновным в нарушении закона и приговорен судьей к штрафу в 100 долл. В январе 1927 г., после поданной защитой апелляции, Верховный суд штата отменил приговор, сославшись на техническую причину — по тогдашним законам Теннесси штраф в размере свыше 50 долл. должно было назначать жюри присяжных, а не судья³.

¹ Там же. С. 4.

² Там же.

³ Случай излагается по : Савельева И.М. , Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 263.

В итоге городок Дейтон действительно стал знаменитым, и надолго. Что касается злополучного закона, то он был отменен в Теннесси в 1967 г., а в 1968 г. Верховный суд США принял решение, запрещающее принимать законы, связанные с религией¹. На данном примере можно видеть, как типично американское явление – создать себе или городу паблисити превратилось в историографический факт.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что профессионализм историка должен служить прочным заслоном от конструирования таких фактов и помнить, что неверно интерпретированное событие попадает в учебники, где обретает статус исторической истины. Если учитель или преподаватель использует уже готовые факты, то исследователь должен их устанавливать.² Именно поэтому столь важно указывать источник знания, указывать, на основании чего историк сформировал факт. Именно поэтому грамотный историк столько внимания ссылкам и сносам. Именно поэтому следует перепроверять всякое расхожее утверждение. Следует помнить известное высказывание Р. Арона: «Объяснение должно уважать природу события»³.

Завершить данную статью хотелось бы еще одной цитатой А. Про, которая во многом натолкнула на написание всего вышесказанного и определила её название: «Факты – неоспоримый, жесткий момент дискурса историков.... Забота о фактах – это забота о доказательности»⁴.

В.В. Меницков

КОНСТРУИРУЮЩАЯ РОЛЬ ЛОКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Сегодня разговоры о кризисе исторической науки, прежде всего, отечественной, стали общим местом. Уже двадцать лет историки и представители других гуманитарных наук пытаются дать характеристику, найти истоки и пути выхода из этого кризисного состояния. Не отказываясь принципиально от данной характеристики, все же предложим иное определение, на наш взгляд, более точно отражающее состояние исторической науки в России – *методологический переход*.⁵ Как говорил известный литературный и кинематографический

¹ Там же.

² Про А. Указ соч. С.6.

³ Арон Р. Введение в философию истории. С.375.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 58.

⁵ Существуют и иные характеристики этого состояния. Например, «историографическая революция». См.: Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли// Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004.

персонаж, разруха, прежде всего, в головах людей. Так и кризис, ощущение дискомфорта от осознания его – это субъективная реакция историков на изменившиеся социальные и методологические условия, центральное место среди которых занимает теоретико-методологический плюрализм. Освоение новых подходов требует времени, и если расширение тематики исследований – дело довольно быстрое, то реализация новых исследовательских практик (т.е. собственно методологический переход) требует действительно много времени, по сути смены целого поколения исследователей.

В рамках осмысления указанного методологического перехода, как нам кажется, решающее значение имеет определение места истории в научном познании, функций исторической науки. При всем многообразии выделяемых исследователями функций большинство сводит их, по определению известных отечественных специалистов И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, к четырем ключевым понятиям: поддержание образцов, легитимация, идентификация и открытие *Другого*.¹

К первой функции можно отнести «морализацию и накопление социального опыта»². Ко второй относится то, что связано с потребностью в самоутверждении. «Становление национальных государств, формирование национального самосознания, подъем национализма – все эти процессы стимулировали легитимизирующую функцию истории»³. Третья реализуется через стремление к удовлетворению «потребности личности и общества, вплоть до «человечества», в самопознании»⁴. И последняя связана с бескорыстным стремлением познания и погружения в иную социальную реальность, отличную от современной.

Любопытно, что выделенные известными отечественными исследователями функции почти совпадают с четырьмя современными задачами истории, отмеченными американским историком А. Мегиллом. Он формулирует их следующим образом: формирование идентичности, которую он считает основной; проповедование (евангелизация); развлечение; польза⁵. Обращает на себя внимание то, что большая часть функций или задач исторического познания так или иначе связаны с потребностями современного состояния общества. Именно это и является отправной точкой в процессе конструирования исторического знания.

Развитие науки в XX веке убедительно показало принципиальную зависимость результатов познания от исследовательского инструментария познава-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 362.

² Там же.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 370.

⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 440.

тельной деятельности. Не случайно один из наиболее оригинальных отечественных философов Г.П. Щедровицкий еще в 1980-х гг. назвал грядущий XXI век веком методологии. Современное состояние естественнонаучного и, в особенности, гуманитарного знания подтверждает это пророческое высказывание. Наиболее актуальные и эвристически плодотворные дискуссии в сфере социогуманитарных наук идут в области методологии. Процесс познания сложен сам по себе, а особенно прошлой исторической реальности, которая не дана нам непосредственно, поэтому теоретико-методологическая составляющая любого конкретного исследования приобретает самостоятельное значение.

Описание прошедшей исторической реальности производится современным языком, историки используют современный понятийный аппарат. Это приводит к формированию серьезной проблемы адекватности исторического знания. Ретроспективный характер исторического познания неизбежно создает интеллектуальные ловушки модернизации и архаизации реконструируемых (конструируемых) образов исторической реальности. Историк в процессе познания обречен идти, как по лезвию бритвы, стараясь, с одной стороны, не впасть в соблазн презентизма, а с другой – не раствориться в изучаемом объекте (архаизироваться), иначе, к примеру, древнеегипетскую цивилизацию можно было бы описать исключительно древнеегипетским языком. Таким образом, возникает вопрос: до каких пределов, а главное – каким образом мы можем элиминировать влияние современных представлений на конечный адекватный результат исторического познания? Не претендуя на всеохватный ответ, скажем, что проблема должна быть не только вербализирована, но и раз за разом артикулироваться с целью выявления все новых и новых аспектов и нюансов ее понимания.

Еще одним истоком исторического конструирования может выступать то обстоятельство, что сама социальная реальность, изучаемая историками, является результатом осознанной целенаправленной деятельности людей. Это довольно убедительно показано в работах ряда отечественных историков – П.Ю. Уварова, Н.Е. Копосова и др. Весьма показателен в этом смысле сборник, вышедший в 2001 г., под названием «Конструирование социального»¹.

Однако не только социальность, или, по крайней мере, то, что мы сегодня под ней подразумеваем, но и ряд других феноменов могут быть результатом конструирования. Тот же П.Ю. Уваров в другой своей статье с присущей ему изящной категоричностью утверждает, что «национальная идентичность

¹ Конструирование социального. Европа. V-XVI вв./Сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. М., 2001.

может рассматриваться как конструкт, а не как сущность»¹. И вновь речь идет о рубеже XVI-XVII вв. Поэтому очевидно, что «превращение национальной идентичности из важного, но сугубо контекстуального и ситуационного качества в абстрактную самодостаточную категорию произошло в одно и то же время и по одним и тем же причинам, что и рождение социальных категорий»². Одним из обстоятельств этого, как пишет П.Ю. Уваров, стало то, что «метафора единого мистического тела рассыпалась»³. И вот здесь мы вновь сталкиваемся с ключевым понятием для самого процесса конструирования – *метафорой*. Рождается новая пространственная метафора (картезианско-ньютоновское пространство). Об этом довольно обстоятельно писал Н.Е. Копосов⁴. П.Ю. Уваров так характеризует его в высшей степени оригинальное исследование: «Пространство, которое само является конструктом сознания, используется как материал для конструирования других объектов, среди которых особое место занимают абстрактные понятия (общество, государство). Влияние на них пространственных парадоксов – основное содержание книги»⁵. Что же касается метафоры пространства, то «пространственные образы обладают силой принуждения по отношению к мышлению, метафоры суггестивны. Конституирование истории как абстрактного объекта, как интеллигибельного целого неразрывно связано с работой пространственного воображения»⁶.

Как мы уже отмечали выше, XX век в гуманитарном познании был ознаменован рядом глубоких интеллектуальных кризисов, в том числе и идеи универсализма. Социальные катаклизмы, кризис идеи прогресса и ряд других не менее масштабных и сложных явлений дали импульс к развитию неклассических философских концепций. Все, что ранее рассматривалось как частное, случайное, а потому не существенное оказалось в центре гуманитарного исследовательского интереса. Еще одной достаточно очевидной характеристикой современной эпохи является то, что глобализирующееся человеческое общество становится все более фрагментированным, что привело к появлению довольно парадоксального для «классического» мировоззрения неологизма – глокализация. Глобальный и локальный аспекты оказались равноправны в исследовательской востребованности. В данном контексте становится актуальным со-

¹ Уваров П.Ю. Конфессиональные идентичности и рождение социальных классификаций во Франции конца XVI - начала XVII вв.// Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 88.

² Там же.

³ Там же. С. 95.

⁴ Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.

⁵ Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001)// Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 309.

⁶ Там же. С. 324.

держание понятий «локальность», «локальный объект» и их операциональные возможности в рамках исторического познания.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, попытаемся определить лишь контуры возможного описания указанных понятий. Историк С.И. Маловичко (один из руководителей центра «Новой локальной истории») замечает, что «сам вопрос о предмете и объекте локальной истории является не вполне прояснённым¹. Тем не менее, в том или ином виде акцент делается на пространственно-географической составляющей. Но не только на ней. С.И.Маловичко отмечает, что «локальная история позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны... Речь идёт о социальной роли индивидуума, стереотипах поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. В то же время важной стороной исследования новой локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства в единстве вышеуказанных контекстов»².

Истоки локальности как объекта исторического исследования заключены в том, что «национальному тождеству, основанному на континуитете с прошлой мифологизированной историей, бросила вызов коллективная память локальных сообществ, не вписанных в эту национальную историю, но стремящихся выйти на локальный уровень»³. Это и привело к формированию так называемой «новой локальной истории», предмет которой – «это субъект исторического действия, не тождественный государству и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве»⁴.

Таким образом, «локальность» может пониматься не только в территориальном, человеческом (индивидуальном) измерении, но и в темпоральном аспекте. Эта всесторонность, в известном смысле универсализм, может придавать локальному историческому объекту самостоятельный онтологический статус.

Однако наиболее привычным для нас является пространственный или даже более определенно – территориальный – смысл термина «локальность». Территориальные (пространственные) рамки являются одним из наиболее важных параметров значительной части, а в имплицитном виде, пожалуй, всех ис-

¹Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории//<http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Malovichko>.

² Там же.

³ Маловичко С.И. Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории// Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2008. С. 144.

⁴ Там же.

торических исследований. Можно выделить несколько уровней исторического пространства, становящегося предметом изучения. Современные исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют четыре таковых: всемирная история, региональная, страновая и локальная¹. Однако в конкретно-историческом контексте, как нам представляется, территориальные рамки (пространство) становятся самостоятельно действующими в трех масштабных единицах – страновая (национально-государственная), субстратовая (административно-территориальная единица, регион) и локальная (город, село, местность и т.п.). С одной стороны, определение территориальных рамок исследования выглядит довольно банальной, даже в чем-то рутинной операцией, относящейся, скорее, к «ритуальным» действиям (в первую очередь это касается диссертационных работ). С другой стороны, эта процедура тесно связана с корректным определением предмета (рамок) исследования и соответствующим набором исследовательского инструментария. В данном случае уместно обратить внимание на теоретико-методологическую составляющую указанных выше процедур. Как отмечает современный исследователь С. Каспэ, «способы производства интеллектуальных операций крайне редко становятся предметом авторской рефлексии и еще реже эксплицируются... Но ведь только такая рефлексия и экспликация сообщает той или иной науке статус *дисциплины*, то есть мысли строгой, подчиненной известным нормам и правилам...»².

Обращаясь к смысловому анализу территориальных рамок (параметров) исторического исследования, в качестве ключевого понятия мы выделяем категорию «пространство». Применительно к исследованиям социальной сферы эта категория выступает в качестве метафоры. Как только человеческое сознание в осмыслении или описании социальной реальности начинает использовать категории «вертикальности» и «горизонтальности», можно смело утверждать о переносе качеств физического пространства на общественное, то есть происходит своеобразное конституирование понятия социального пространства. В данном случае мы оставляем в стороне последствия для социального познания этого переноса. Указанная выше процедура определения территориальных рамок в большей степени или, по крайней мере, первоначально связана с механизмом соединения или взаимодействия социального и физического (географического) пространств. «Историческое пространство мы понимаем, – отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, – как взаимодействие социального пространства с географическим применительно к прошлому»³. В зависимости от характеристик

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 175.

² Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007. С. 7-8.

³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 160.

предметной области исследования формируется соответствующая модель данного взаимодействия: либо социальное пространство является доминирующей составляющей, а физическое (географическое) пространство выступает в качестве пассивного начала, испытывающего конструирующее воздействие первого, либо – наоборот. В значительной части работ западных и отечественных исследователей, посвященных анализу этих взаимодействий, «физическое пространство последовательно предстает как сравнительно пассивный объект социальных – и прежде всего властных, сакральных и политических – воздействий, как подлежащий и поддающийся обработке материал»¹. С другой стороны, как утверждает А.В. Ремнев, «не стоит подменять историю регионов историей народов, в них проживающих, стоит взглянуть на регион как на целостную социокультурную, экономическую и политико-административную систему»². Данный выбор определяет, на наш взгляд, конкретный характер территориальных границ исторического исследования – политические (административно-территориальные) или региональные. И вновь предмет исследования влияет на выбор конкретного типа территориальных границ. По мнению современного российского географа В.Л. Каганского, «страна и государство — онтологически разные образования, которые не могут состоять из одних и тех же частей... Страна — реальный («естественный», в некотором смысле) макрорегион культурного ландшафта, государство — институциональная конструкция, ее проекцией в пространство является государственная территория»³. Уточняет данную позицию утверждение екатеринбургского историка К.И. Зубкова: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как «часть» и «целое»... Чисто феноменологически это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с *разным бытийным наполнением исторического времени*»⁴. Тем самым можно выделить новые структурные оппозиции, характеризующие изучаемое историческое пространство. Это страна – регион и государство – административно-территориальная единица. В связи с этим является возможным изучение тех или иных исторических явлений, к примеру, в рамках Тобольской губернии или Западной Сибири. Хотя «значительная часть понятийного аппарата современ-

¹ Каспэ С.И. Указ. соч. С. 41.

² Ремнев А.В. Региональные параметры и имперская «география власти» (Сибирь и Дальний Восток)// *Ab imperio*. 2000. № 3-4. С. 343-358.

³ Каганский В.Л. Страна как проблема// [http://www.strana-oz.ru/print .php?type= article&id =285&numid=7](http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=285&numid=7).

⁴ Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях// Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 22.

ного регионоведческого дискурса связана с пространственными категориями», причем, «как правило, эти термины употребляются для описания процессов, разворачивающихся вне официальных, формальных границ государств»¹. Для этого есть вполне определенное методологическое обоснование, вновь идущее от «новой локальной истории»: «Новая локальная история – это «способ видеть» локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи, выходящие за административные, политические и культурные границы. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, так как он не задан ей заранее территориальными рамками»².

В этой связи возникает еще один вопрос: происходит ли искажение исторической реальности в зависимости от избранных пространственных рамок? Думаем, что нет, и в данном случае вообще неприемлем такой подход. В зависимости от предметно-исследовательского конструкта территориальные рамки задают масштаб и характер взгляда на соответствующий фрагмент исторической реальности. В результате возникают разные образы этой реальности. Корректность устанавливаемых пространственных границ определяется, по нашему мнению, лишь смысловыми акцентами в формулировке предмета исторического исследования.

Выше мы не случайно использовали понятие «образ», ибо, как нам представляется, одной из наиболее эвристически плодотворных в исторической регионалистике (локалистике) может стать теория историко-географических и геоэкономических образов, активно развиваемая географом и культурологом Д.Н. Замятиным³. По его мнению, «мощность и структурированность конкретного геоэкономического образа, по существу, зависит от его историко-географического фундамента»⁴. то есть от возраста территории и ее места в генеалогическом древе территории. Д.Н. Замятин совершенно справедливо отмечает, что «сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ»⁵. Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими неопределенными и семантически размытыми понятиями, как Зауралье, Забайкалье и т.п. «Нечеткость границ геоэкономических

¹ Макарычев А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием// Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 8.

² Маловичко С.И. Указ. соч. С. 145.

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

⁴ Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России// Регионоведение. 1999. № 1. С. 167.

⁵ Там же.

пространств способствует выделению своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра».¹ Поэтому оказывается легче выявить основное ядро региона, чем определить его конкретные границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией – Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территории вдоль соответствующей реки); Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Закавказье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т.п. Но где границы всех перечисленных территорий, где, например, заканчивается Забайкалье и начинается Приамурье, оказывается, определить очень сложно. К примеру, историко-географические образы в большинстве европейских стран носят не относительный характер (отношение к какому-либо географическому объекту – реке, озеру, горам и т.п.), а абсолютный и вполне определенный содержательный характер, уходящий порою своими корнями в античность. Французы точно знают, где заканчивается Прованс, а где начинается Гасконь или Лангедок, причем современное административно-территориальное деление на департаменты не соответствует границам исторических областей Франции.

В этой связи весьма любопытна и поучительна история ойконима «Зауралье» (справедливости ради отметим, что настоящая подробная история его до сих пор не написана). Опишем лишь ее основные вехи. Сам термин, по некоторым данным, появляется ориентировочно в первой половине XIX века и первоначально обозначал восточные сельскохозяйственные уезды Пермской губернии, в каком-то смысле выступая пространственно-смысловой оппозицией территории горнозаводского Урала. Однако ни в это время, ни значительно позже (на рубеже XIX-XX вв., в первой половине XX в.) он широкого распространения не получил. С большим трудом этот ойконим можно найти в литературе того времени. Своеобразный ренессанс произошел во второй половине XX в. «Зауралье» оказалось «присвоено» Курганской областью, возникшей в 1943 г. Но действительно термин стал ассоциироваться с данной областью с 1990-х гг. Еще в советское время главная областная газета получило название «Советское Зауралье», так же называлось и ведущее издательство. На рубеже 1950-60-х гг. курганский историк А.А. Кондрашенков вводит термин «Зауралье» в научные исторические тексты². В новейшее время производные от этого наименования стали возникать повсеместно, приобретая институциональный статус. Главная информационная программа – «Вести Зауралья», газеты «Зауралье», «Зауральский курьер», издательство, Зауральский отдел Русского географического общества, курганский ЦУМ был переименован в «Зауральский торговый

¹ Там же.

² Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Челябинск, 1966.

дом», многочисленные коммерческие организации – банк «Зауральский бизнес», «Зауралинвест» и т.д. и т.п.

В настоящее время сложно сказать, какую роль в этом сыграли интеллектуальные сообщества, насколько целенаправленно и с какой степенью осознанности проходил процесс присвоения этого ойконима. Но именно с начала 1990-х гг. курганские историки начали целую серию исследований, в которых «Южное Зауралье» и «Зауралье» стали основными территориальными единицами научных изысканий. Автор этих строк также принял в этом посильное участие¹.

В массовом сознании «Зауралье» практически совпадает с Курганской областью, территориальное содержание историко-географического района (региона) в данном случае тождественно административно-территориальной единице, границы которой всегда довольно условны и имеют особенность постоянно перекраиваться. В научных текстах, конечно, такого отождествления не происходило. В большинстве случаев территория региона описывалась лишь как частично или в основном совпадающая с границами современной Курганской области. Но именно в этом постоянном упоминании границ современной области в исследованиях, посвященных истории XVII – начала XX в., когда этой административной единицы и в помине не было, ярко проявляется, скорее всего, обратное воздействие установок массового сознания на научное, а в конечном итоге, презентистская (модернизаторская) трансформация исторического знания. Ибо современные территориальные рамки «опрокидываются» в прошлое, когда их не существовало, что создает сложно преодолимый соблазн подбора «нужного» фактического материала. Это своеобразный ретроспективный презентизм. Ведь если сегодня существует область с конкретными границами, то должно ведь что-то быть в прошлом, что являлось некоторым прообразом или истоками ее современного состояния. Вроде бы логично, но именно здесь кроется возможная интеллектуальная ловушка исторического обоснования идентичности, о которой пишет американский историк А. Мегилл, что «...формирующая идентичность история имеет дело только с тем, что она понимает как «нашу» идентичность»², а затем предупреждает о том, что в итоге создается ложное впечатление: «...поскольку история пошла именно по этому

¹ Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII-XVIII вв. Курган, 1992; Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Освоение Южного Зауралья в XVII-XVIII вв. Курган, 1993; Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII-XIX вв. Курган, 1994; Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004; Менщиков В.В., Кислицын В.А., Совков Д.М. Курганская область: Зауралье, Урал или Сибирь?// IV Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2006.

² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 447.

пути, мы склонны думать, что другого пути не было»¹. Но в итоге теряется фундаментальный для истории разрыв между прошлым и настоящим, а задача историков, помимо всего прочего, «показать, что в прошлом содержится разнообразный набор альтернатив, неиспользованных возможностей, невыбранных путей»².

Все вышесказанное, конечно же, не отменяет возможность использовать современные понятия (в том числе территориальные) при описании прошлого, когда этих понятий не существовало. Но их использование должно подчиняться строгим правилам. В частности, они (понятия) должны носить операциональный характер, и мы всегда должны помнить об опасности реификации, то есть придания онтологического (бытийного) статуса этим идеальным конструктам.

В заключение приведем слова известного французского историка Ж. Ревеля, хотя и посвященные микроистории, однако довольно точно отражающие наши представления о различных пространственных контекстах в исторических исследованиях: «Микроистория, вводя разнообразные и множественные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контекст. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, - а есть другой образ»³. В конечном итоге существует множество исторических пространств (глобальных и локальных), равноправных в своем объективированном статусе.

М. Ф. Ершов

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВ ГОРОДОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Современные реалии настоятельно требуют интеллектуального осознания нерешенных проблем не только на глобальном уровне, но и на нижних «этажах» человеческого общежития. Культурное многообразие постоянно стимулирует исследовательский интерес к городским (столичным и провинциальным)

¹ Там же. С. 449.

² Там же.

³ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального//[http:// www.tuad.nsk.ru/ ~history/Author/ Engl/R/RevelJ/index.html](http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Engl/R/RevelJ/index.html) или Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996.

пространствам. Однако признание существования конкретной локальной специфики почти не дополняется анализом ее основных компонентов. Изучаются немногие избранные проблемы.

Так, например, понятие «город» не обделено вниманием исследователей. В научном и околонаучном сообществе даже сложилась своеобразная мода на теоретизирование в данной сфере. Мы понимаем, хотя бы на уровне ассоциативных связей, что город генетически близок и одновременно противостоит таким определениям как «столица», «деревня», «провинция», может быть - «цивилизация». Системный же подход к изучению всего комплекса антропогенных структур пока еще не возобладал. Человеченное пространство плохо «стыкуется» с жизнью социума и части непрерывно эволюционирующего целого предстают перед нами разобщенными.

Связано это как с многогранностью городской жизни, так и с множеством образов, ею порожденных. Соответственно, актуальными оказываются работы, которые ориентируются на предельные основания. Ими могут быть: само человеческое пространство, городские функции, субъекты социальной жизни, а также их персонифицированные символы, городские функции и их отображение в общественном сознании, точнее – в мифах. Однако, до сих пор не вполне понятно, каким образом изменяются данные значимые компоненты.

Ясно лишь, что возникновение вещной пространственной системы, созданной людьми (антропогенного ландшафта) связано с изменением способов человеческой жизнедеятельности. Так, благодаря земледелию, появилось постоянное жилище – дом (и комплекс домов – деревня). Регулярный избыточный продукт в дальнейшем породил редистрибутивные отношения, имущественную и социальную дифференциацию, вооруженные столкновения, необходимость строительства укреплений (городков, замков), на основе которых возникли города, а в конечном итоге – государства (цивилизации, империи, провинции).

Важно понять механизмы трансформации, пройденные собственно городской культурой. И здесь не обойтись без культурно-психологического экскурса в прошлое. Видимо, каждому поселению, жаждущему иметь городской статус, с необходимостью приходилось воевать за «место под солнцем» и постоянно подтверждать в дальнейшем ранее добытые права. Сохранение и приумножение привилегий требовало неустанного «предъявления» освященных временем индивидуальных свойств, запечатленных в событийно-значимых запоминающихся сюжетах, обрядах, образцах для подражания. Это означало

ментальное усвоение социальных реалий с их последующим использованием для развития собственных возможностей (самоактуализацию)¹.

Применительно к городу самоактуализация предполагала как воссоздание исторической реальности в общественном сознании с помощью мифов, так и архитектурное моделирование мира в целом. Как считает Г.Г. Ершова: «Принципиально новое смоделированное образование – протогород и затем город; это специально воспроизведенная вне поселенческой модели прогрессивная для данного социума модель мира»². Отображение горожанами меняющегося мира людей и мира вокруг людей характеризовалось неявными условностями, идеализацией, персонификацией и, в целом, соотношением с человеческими масштабами. Естественно, что данная трансформация не допускала тождественности образа и отражаемого объекта.

И такое положение не было случайным. Искажение содействовало упрощенно-образному восприятию сложных социокультурных реалий. Оно помогало преодолеть психологический дискомфорт и перенапряжение при крупных общественных потрясениях. Облегчался также доступ референтного харизматического лидера к принятию управленческих решений. В ментальной проекции грозящие социуму опасности отдалялись, миниатюризировались, либо «переносились» на заранее избранную жертву. Исследование механизмов данного переноса было осуществлено антропологом Рене Жираром³. Он показал, что они характерны не только для традиционных обществ, но и лежат в основе человеческой культуры.

Полагаем, что городская культура в этом случае не является каким-либо исключением. Ответственность «за все и за всех» вряд ли импонировала обычным горожанам. В гетерогенной городской среде она перераспределялась среди множества реальных и мифических контрагентов. Следовательно, пространственной, социальной и профессиональной дифференциации должны были, в определенной степени, соответствовать неоднозначные образы, так или иначе связанные с городским социумом и антропогенным ландшафтом. Их взаимодействие во многом определяло специфические черты культуры и менталитета населения конкретного города.

Пространству присущи горизонтальное (четыре стороны света), вертикальное (три мира) и сакральное (двойственный мир богов и людей) деления. Эти границы дополняются переходными периферийными зонами. Поэтому

¹ См.: Ершов М.Ф. Город и провинция: историко-теоретические пролегомены // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: Сб. науч. ст. Вып. 4. Ханты-Мансийск, 2007. С. 4 - 25.

² Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003. С. 207.

³ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.

пространственное тело плавно перетекает из одного качества в другое. Его части ценностно неоднородны - в них отчетливо присутствует иерархия: что лучше, что хуже. Так, например, светлый сакральный мир тяготеет к югу и востоку и занимает верхние этажи вертикали. В целом же, пространство упорядочено, космично.

Гетерогенность пространства отображается и в человеке. Он амбивалентен, в нем присутствуют тварное и божественное начало. Последнее проявляется в человеческом творчестве, ведь творчество есть атрибут бога. Поэтому результаты человеческих деяний также ценностны: в них наблюдается иерархичность, подобная Космосу. Критерием здесь служат близость к сакральному миру или, наоборот, отдаленность от него. Но эта иерархичность искусственна и лишена естественности. Она - иного рода. Она противостоит природной гармонии и выламывается из нее. Она задает предпосылки для возникновения новой «природы» и нового пространства, имя которому – город.

Осознание инаковости города дошло до нас из глубокой древности. Тому есть немало свидетельств. Архетипическая основа, связанная с генезисом самосознания города, проявляется в различных легендах, в числе наиболее значимых из них – те, в которых раскрывается образ Пришельца. Данный образ, соотносимый с городом в целом, мы трактуем достаточно широко. Это некий носитель активного начала, фиксируемый в момент соприкосновения с городским социумом. Предшествующая пространственная и (или) культурная отчужденность позволила ему усвоить принципиально иной социальный опыт, чем тот, коим располагают горожане. Образ Пришельца предполагает наличие у него атрибутов, символизирующих дорогу, передвижение. Так, при определенных обстоятельствах, Пришелец выступает в виде Всадника.

Проанализируем мифологический мотив, воплощенный в гербе Москвы: Георгий-Победоносец пронзает копьем змея. Здесь максимально высвечены сущностные свойства города как такового¹. Исследования, посвященные «Чуду Георгия о змее», обнаружили древнеегипетское происхождение легенды – миф о борьбе сокологолового бога Гора с носителем всяческого зла Сетом, представленным в виде гиппопотама, крокодила или змея. Как известно, в Древнем Египте свойства богов переносились на земных владык – фараонов, которые считались их детьми. Фараоны играли роли Пришельцев, снисходящих до земной жизни в своих цивилизационных усилиях.

Подобные же сюжеты присутствовали и в других государствах древности. «Борьба всадника с чудовищем принадлежит к числу тех образов в искусстве древнего Востока, которые имели космогоническое значение и выражали

¹ См.: Ершов М.Ф., Ершова Е.М. Архетип пришельца и самоактуализация города // Архетип. Культурологический альманах. 1996. Шадринск, 1996. С. 20 – 24.

идею столкновения доброго и злого начал. Такова, в частности, была и борьба Гора с Сетом-тифоном. С Востока этот образ перешел в римское искусство, широчайшее распространение получили изображения скачущего на коне воина, либо императора, попирающего варвара», - замечает В.Н. Лазарев в статье «Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве»¹.

Полностью с этим высказыванием согласиться нельзя. Разумеется, в мифе присутствуют элементы космогонических представлений, но основная направленность его иная. Герои мифа не обладают всеобъемлющими качествами демиургов мироздания. Диапазон их действия гораздо уже, и борьба происходит не при зарождении мира, а при качественном изменении его отдельных частей. Столкновение возникает из-за того, быть или не быть новшествам в жизни людей. Георгий побеждает врага верхом на коне. А Гор, который является его прообразом, употребляет лодку.

Средства, применяемые положительным героем, подчеркивают его принадлежность к цивилизации: прирученное животное (использование лошади под седлом сравнительно позднее изобретение человека) или лодка, достаточно устойчивая, чтобы, оказавшись в ней, не бояться крокодила или другого водного чудовища. Итог борьбы с хтоническим существом фиксирует произошедший переворот: некогда грозный хищник перевоплощается в жертву, которую необходимо уничтожить для дальнейшего культурного прогресса. Данные признаки также свидетельствуют, что одинокий герой, защищая ареал культуры, сам, каким-то образом, оказывается вне его пространства.

Причина заключается в том, что создатели принципиально новых общественных норм сами, по своим психическим параметрам, были принципиально же неспособны их соблюдать. Их удел иной – взламывать устаревшие табу, расчищать дорогу новому, чтобы затем стать его жертвой. Быть лояльными к собственному детищу оказывается выше их сил. Мировая история знает немало типичных случаев «выключения» творцов из порожденных ими социальных реалий. Это - носители анархических начал былинные древнерусские богатыри, противостоящие «городскому» Киевскому князю. Это - участники фронта, постоянно удаляющиеся от городской цивилизации на Дикий Запад. Это - заносчивые самураи, покончившие с режимом сёгуната, но так и не принявшие индустриальную эпоху Мэйдзи. Это, наконец, старые большевики, уничтожаемые в сталинском Советском Союзе. Все вышперечисленные разновременные слои объединяют, по меньшей мере, два качества – способность к действию и маргинальность.

¹ Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970. С. 76.

Именно эти качества со временем и переносятся на город в целом. В фольклорных сюжетах протогород или ранний город сплошь и рядом предстает как ставка богатырей, как локальная концентрация героев, силы, мощи, металла и металлических изделий. В общественном сознании образы богатырей и города сливаются воедино. Ранний город, таким образом, становится **богатырем**. Он оказывается олицетворением мужского начала и стремится обзавестись соответствующей «вертикальной» монументальной атрибутикой. Расточительные трудозатраты в конечном итоге оправданы. Они наглядно свидетельствуют о потенциальных возможностях конкретного поселения.

Маргинальные свойства носителей новой городской культуры присущи не только пришельцам, но и другим мифическим персонажам, связанным с городами. Начиная с эпического Гильгамеша, главы города Урука, для их судьбы характерно вселенское одиночество. Они берут на себя несвойственную обычным людям роль демиургов и расплачиваются за свою дерзость перед богами. Для сохранения божественного миропорядка, в соответствии с принципами талиона, уничтожаемое прошлое должно быть отомщено. Поэтому удел новаторов – быть одновременно и убийцами, и жертвами. Их личное противостояние старому миру оборачивается отверженностью от него.

Именно данной отверженности посвящен один из первых библейских сюжетов. Это столкновение Каина и Авеля. Богу жертва земледельца оказалась менее угодна, чем жертва скотовода, ведь она, по сравнению с даром Авеля, обладала минимальной ценностью. Плоды земледельца занимают последнее место в иерархической цепочке: бог – люди – животные – растения. Заметим, однако, что земледелие обладает куда большей «искусственностью» и очеловеченностью, чем труд скотовода. По мнению О. Шпенглера: «Глубокие изменения наступают лишь с началом земледелия, потому что здесь возникает нечто искусственное, абсолютно несвойственное пастухам и охотникам. Тот, кто копает и пашет, хочет не ограбить природу, а изменить ее»¹.

Последующие действия Каина были дальнейшим символическим отчуждением от естественного природного и социального мира. Убийство брата воспринималось как локальная утрата космического порядка, как богоотверженность («И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей»). Постоянное место проживания оказалось вне привычных границ. Это, в свою очередь, потребовало от Каина создания особого института для компенсации возникшего дефицита божественной благодати.

После произошедшей трагедии Каину было необходимо самостоятельно упорядочить собственное бытие. И он построил город. Первый, по библейским

¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. Минск, 1999. С. 111 – 112.

преданиям, город на Земле. В Библии, что характерно, зафиксирован профессионально неоднородный состав населения города. Среди прямых потомков Каина в христианской традиции упоминаются изобретатели косметики, проституции, музыканты, кузнецы, воины. «Так начиналась городская цивилизация! – замечает современный христианский мыслитель. – Впервые был построен город, в котором человек, утративший связь с Богом и миром, ставшим для него враждебным, желает спрятаться за рукотворными оградами»¹.

Видимо, далеко не случайно, что сыновья мифического Каина стали музыкантом и ковачом. Помимо прагматических соображений для работы молотом и игры на гусях требуется мелодия или ритм. Как известно, легендарный первый китайский монарх-мудрец Яо обучил подданных ритуалам и музыке. Он же избрал преемником не собственного сына, а добродетельного крестьянина. Мифическая династия Ся, основанная Яо, таким образом, «выламывалась» из естественной преемственности. Возникшая необходимость упорядочения городской жизни требовала создания неких искусственных ритмов взамен естественного природного круговращения. Это и иные обстоятельства превращали города в абсолютную новацию, противостоящую «старому» мироустройству. Даже имя «первого» города - Енох (сын Каина) было проникнуто новизной. Оно ориентировано не на отжившее прошлое («отцы»), а на будущее («дети»).

Оба брата, и Каин, и Авель, хотя и по-разному, оказались под воздействием новых, неизвестных ранее реалий. Возникшая разобщенность потребовала своих первых жертв. Один из братьев расстался с жизнью, второй, убийца и потенциальный горожанин, навеки лишился стабильного существования. Их жизни оказались необходимой платой за качественную трансформацию способа жизнедеятельности. В психологическом плане горожане, потомки Каина, за счет жертв со стороны старшего поколения, с минимумом затрат избавились от оков прежнего существования. Жертва не могла быть однократной. Растущий город в своей истории снова и снова повторял изначально заложенный в нем сценарий конкретно-телесных и символических жертвоприношений.

Маргиналы были оптимальными жертвами и оптимальными кандидатами в горожане. «Главной характеристикой архаических кузнецов в эпосе и мифе часто является хромота, - замечает А.Т. Хэтто.– Причины этого надо искать, прежде всего, в жизненных обстоятельствах. В «героическом» стиле жизни слабым не было места, однако человек, хромым от рождения или повредивший ногу в бою, все же мог внести свой вклад в боевые действия общины, куя оружие. И наоборот, если искусный кузнец-оружейник попадал в плен, его могли изувечить, подрезав сухожилия, чтобы удержать в распоряжении завоевателей,

¹ Священник Даниил Сысоев. Летопись начала. М., 2010. С. 203 – 215.

тем самым, нанося ущерб его бывшим владельцам и увеличивая достояние новых. Та же судьба могла постичь и ювелира, вынужденного своим трудом приумножать богатство и престиж общины завоевателей»¹.

Город со временем вырастает из богатырских одежд. Его потенция обращается вовнутрь и трансформирует собственное социальное тело. Не отказываясь от богатырского величия, город предстает в ином насильственном облике. Библия («Числа») сообщает, что Бог указал Моисею построить специальные города - убежища от кровной мести. Одновременно в ветхозаветном городе могли и лишать жизни преступника, но уже по закону. Итак, обезличенный формальный закон приходит на смену личной мести. По отношению к архаичным и анархичным богатырям он выступает как средство обуздания их свободы.

Теперь город уже не только богатырь – но и **палач**, который кровью своих жертв очищает новое пространство от рудиментов предшествующего мира. И для чужаков город-государство становится по преимуществу средоточием насилия и несправедливости. Историки уже давно обратили внимание, что для древних государств характерна постоянная эскалация насилия. По мнению экономиста А.П. Прохорова она была порождена спецификой таких государственных образований. У них пока еще отсутствовала необходимая для полноценного экономического развития внутренняя конкуренция². Ее вынужденно заменяла внешняя, в форме военной агрессии.

Историческая конкретика подтверждает данный вывод. Ацтеки, ассирийцы, жители Карфагена, иньцы Древнего Китая отличались склонностью к массовым человеческим жертвоприношениям. Война у таких городов-государств являлась средством пополнения контингента регулярно уничтожаемых пленных. Она была сакральна и самоценна сама по себе. Историк И.М. Дьяконов обратил внимание на то, что в Вавилонии начала II тысячелетия до н. э. не было выражения «чужая страна», «заграница», а было выражение «вражеская страна» - даже в письмах купцов-мореходов, плававших за границу со вполне мирными целями³.

Заметим, что потенциальные угрозы, исходящие от города, до сих пор присутствуют в социальной памяти. Они сохранились как ощущение постоянной опасности на городской территории, пронесенное через века. Так, по нашему мнению, З. Фрейд реконструировал не столько биологическую сексуальность, сколько культурные фобии, рожденные именно на городской почве. Вне всякого сомнения, эти фобии присутствовали и до Фрейда, но прежде осознава-

¹ Хэтто А.Т. Герои-калеки в героической эпической поэзии // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 165.

² Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002. С.15 - 16.

³ Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2010. С.23.

лись в категориях сакрального мира. Материализм и развитие позитивизма привели лишь к смене семиотического кода, не более того. Заметим, что городские страхи в сакральных и светских вариантах не исчезли и в наши дни. Они отображены в произведениях Л. Борхеса, Ф. Кафки, С. Кинга и множества других интеллектуалов.

Будучи маргиналом по происхождению, город пространственно обособляется от окружающего мира, и, в буквальном смысле, огораживается. Стены, ограда, ров свидетельствуют об инаковости города. Одновременно они структурируют и оформляют его территорию, служат своеобразной телесной оболочкой городского организма, его образом, символом и даже душой¹ (вспомним обожествление формы у Аристотеля). Неслучайно в древних обществах стенам и вообще границам придавалось мистическое, сакральное значение. Ведь для окружающего населения город – это выход в иной мир и почти всегда расставание с обыденностью.

Город подобен алтарю, дому, кладбищу. Всякое проникновение на его территорию было затруднено, оно требовало применения особых, зачастую магических, практик. Несанкционированное пересечение ранее маркированной границы было не только опасно само по себе, но и наказывалось людским судом. Так, начиная с легендарного Ромула, в Древнем Риме считалось тягчайшим преступлением преодоление сакральной черты вне городских ворот. Ромул убил своего брата Рема именно за этот нечестивый поступок. Как и в библейском сюжете, здесь также была необходима жертва, непригодная к новой городской жизни.

Образ основателя Рима, напротив, свидетельствует о его готовности быть горожанином. Действия Ромула лишены естественной однозначности, в них совмещаются творчество и разрушение, святость и убийство. Его фигура полифункциональна: он предок, жрец, военачальник и культурный герой. Фрагментарность образов Ромула только кажущаяся. Все они относятся к эпохе становления сферы управления, характерной именно для города. И выкормыш волчицы, и его подчиненные равным образом - маргиналы. Но эта маргинальность – особого рода. Она знакова, она содействует переходу от рода и племени к городу, государству, цивилизации, она требует жертв.

Заметим, что легендарный основатель Рима, видимо, и сам – жертва. Уже римляне сомневались в красивом мифе о его возвращении к богам. С древних времен дошло несколько отрывочных версий его коллективного убийства. Но, вне зависимости от исторической достоверности, они также фиксируют са-

¹ О метафорической близости Стены и Души города: Стародубцева Л. В метафизических ландшафтах города // Философская и социологическая мысль. 1993. № 9 - 10. С. 224.

кральность смерти Ромула. Анализируя этот сюжет, Рене Жирар обоснованно замечает, что «сакрализуют свою жертву сами убийцы», то есть горожане¹.

Оправданное убийство на городской территории – это палачество. Как бы общество не относилось нему, оно, в определенные исторические периоды, необходимо. Убивая, палач минимизирует количество жертв и спасает обывателей. Поэтому город и палач, и спаситель одновременно. Он в необходимых дозах переносит «естественные» нормы на искусственную, враждебную для них городскую почву, выступая посредником между мирами.

Посреднические функции, конечно же, принадлежат жрецу. В мифическом сознании палач и жрец воспринимаются почти тождественно. Оба персонажа - проводники в иной мир. Но у жреца и палача все-таки, в идеале, неодинаковые роли. Один из них (палач) реализует санкции, другой (жрец) осуществляет благодеяния. Первичная нерасчлененность религии и права со временем должна была уступить место профессиональной диверсификации и более последовательному разделению добра и зла. Разделению, обоснование которого в естественном, не городском мире почти не требуется.

Тривиальность данного утверждения не отменяет того обстоятельства, что всякий иной вариант лишал конкретные город и общество в целом перспектив для дальнейшего развития. Г.К. Честертон следующим образом оценивает культурные качества жителей Карфагена: «Они жили в развитом и зрелом обществе и не отказывали себе ни в роскоши, ни в изысканности. Вероятно, они были намного цивилизованней римлян. И Молох не был мифом; во всяком случае, он питался вполне реально. Эти цивилизованные люди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь»².

Жрец, расставшись с функциями палача, сосредоточивается на спасении человеческого социума от естественного мира. Однако город, несмотря на искусственность, - это антропогенный ландшафт, некое подражание природе. И жречество в своей культовой деятельности также вынуждено имитировать природу. Поэтому на городской территории появляется соответствующая вещественная атрибутика. Максимально наглядно она была представлена у жителей Двуречья. «Возводя город, – замечает К. Армстронг, - они воссоздавали потерянный рай. Зиккурат замещал гору в центре мира, по которой первые люди могли подниматься в мир богов. Сами боги жили бок о бок с людьми в городских храмах – копиях их небесных дворцов. Каждый город в Древнем мире был священным градом»³.

¹ Жирар Р. Козел отпущения. СПб., 2010. С. 147.

² Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 182.

³ Армстронг К. Краткая история мифа. М., 2005. С. 70.

Итак, город, подражая окружающему миру, становится иконой и храмом. Эти образы разбросаны среди многозначной городской символики. Так, например, в Передней Азии слово «ур» имело множество значений: «обрызганный жертвенной кровью алтарь, камень, крепость, город, городской квартал»¹. В городе-иконе имеется сакральный центр, олицетворяющий высокое божественное начало, и низкая профанная периферия.

Стремление к божественному идеалу воплощается в городском пространстве через геометрию архитектурных сооружений, узаконенную социальную иерархию, семиотически маркированные общественные действия: молитвы, праздники, ритуалы. Постоянная и даже назойливая демонстрация окружающему миру городского единства («мы», «наш город») параллельно, «для себя», соседствует с подчинением местным нормам и городской верхушке. Это не просто двойственное самосознание города, это, одновременно, и один из способов дисциплинирования местных жителей и пришлых мигрантов.

Дисциплинированная и одновременно внутренне раскрепощенная личность, порожденная городом, воспринимает свое место проживания как искусственно сотворенный мир, хотя и далекий от подлинного бытия, но стремящийся его достигнуть. Данное стремление реализуется и интенсивно (повышение качества городской жизни), и экстенсивно (распространение идеальных норм) на окружающие территории. Внешняя экспансия, может, в свою очередь, приобретать как жесткие, так и сравнительно мягкие формы. В первом случае это путь государственного строительства. Во втором - преимущественно мирное цивилизационное расширение.

Однако за экспансию приходится платить. В первую очередь – дальнейшим отчуждением от утраченного мира естественной гармонии. «Городская жизнь преобразила мифологию: боги отделились от людей. Старые ритуалы и мифы больше не помогали перенестись в Божественный мир, некогда казавшийся таким близким. Люди разочаровались в старом мифологическом мировоззрении, дававшем опору их предкам. По мере укрепления городской организации все эффективнее удавалось справиться с разбойниками и грабителями, но боги, по-видимому, перестали интересоваться делами людей», - приходит к выводу К. Армстронг².

Город теперь не просто наглядно, демонстративно отчужден от окружающей его местности. Он изменил и свою внутреннюю суть. По отношению к внешнему миру он начал претендовать на вселенскую самодостаточность. Кон-

¹ Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993. С.148.

² Армстронг К. Указ соч. С. 86.

струируя свой локальный космос, город приобретает жреческие посреднические функции. Еще одной ипостасью города, таким образом, становится образ **жреца**. Принимая на себя этот образ, город отвечает за все негативные следствия социальной действительности. Будучи концентрацией различных видов деятельности, город вынужден поглощать растущие издержки исторического развития.

Это с неизбежностью ведет к подрыву его сакральных свойств. Со временем городская эволюция оборачивается сменой культурных знаков. На смену сакральности приходит ее профанация. Жизнь требует от жреца перевоплотиться в наемного юриста или актера. Сакральное действие теперь перевоплощается в бизнес и организацию досуга. Из некогда божественной мистерии рождаются коммерческий ипподром, цирк с гладиаторами, театр с актерскими дразгами и авторскими гонорарами. Уже нет участников религиозной церемонии. Есть лишь крепкие профессионалы и откровенно скучающая публика.

Все это непосредственно отображается на городе. Он становится **актером**. Город-актер создает некую субъективную реальность по желанию заказчика. Но она, эта реальность, не является мифом. Она всего лишь своеобразное зеркало мифа, его далекий интеллектуальный отголосок. В ней нет жертвенной сакральности, только холодный расчет. Так императора Нерона, который мнил себя актером, устроители Олимпийских игр, тоже актерствуя, наградили множеством лавровых венков, выхолащивая сакральный характер состязаний. Но актер, зависимый от заказчика, сплошь и рядом его ненавидит. И для города заказчик всегда нечто внешнее, чужое. Поэтому ненависть города направлена как на прошлое - традицию, деревенский мир, так и на будущее - иную, не утвержденную властями духовность.

Из ненависти рождается грех. А всякий грех, в конечном итоге, есть свидетельство слабости его носителя. И действительно, город, оказавшись **носителем греха**, слабеет. Его слабость, впрочем, относительна. Он слаб по отношению к созданному им государству, к тем социальным нормам, которые защищает это государство. Противоречие между культурным потенциалом города и властными полномочиями государства ведет к тому, что некогда богатырский город все чаще воспринимается как желанная добыча. В культурном плане город «меняет пол». Он приобретает женские черты. Поэтому сильному правителю необходимо завоевать, покорить город. И - узаконить собственное насилие. В средневековье его легитимация нередко воплощалась в церемонии символического «брака» монарха и покоренного города ¹.

¹ Бойцов М.А. Государь - жених, его город - невеста // SALIVONICA: Сб. науч. ст. памяти А.Н. Саливона. Курган, 2009. С. 21 – 27.

«Женская» греховность города вполне способна вновь трансформироваться и в противоположные ей положительные качества. Город не лишен бога, он лишь автономен по отношению к сельской естественности. И на его территории присутствуют общие для всего мира божественные нормы. Как и любое другое пространство, автономный город есть сочетание божественных, человеческих и природных компонентов. Город может быть как святым местом, так и «Вавилонской блудницей».

Значимая черта, обособляющая город от окружающих местностей заключается не в наличии у него святости или греховности. Главное здесь - концентрация ценностно окрашенных качеств, неважно каких, греховных или святых. Отсюда проистекает восприятие города как модели Вселенной, в сакральном варианте – своеобразной иконы. Икона эта – рельефна и даже объемна. Она символична и знакова. Она постоянно творит себя и обладает статусом свободы. Из-за людских грехов она склонна приобретать несвойственные черты, становиться антииконой.

Итак, города как сложные социальные системы обладают наборами изменяемых мифологизированных образов. В исторической эволюции эти образы перемещаются между крайними ценностными полюсами: от жертвы до палача. Насколько данные сакральные метаморфозы применимы к современным условиям? Предоставим слово одному из исследователей мифологии Петербурга: «Современные идентификации города, - замечает О.О. Дмитриева, - связаны с тремя мифологизированными образами, которые олицетворяют преобразование (Петр), непрерывность (Пушкин) и отвергнутое прошлое (Ленин)»¹.

Легко заметить, что в петербургских образах и сюжетах также ощутим пьянящий аромат актерства, жертвенности и даже палачества. Случайно ли их присутствие? Конечно же – нет. Ведь перераспределение ответственности и тягот, характерное для городов, вневременно и относится к родовым признакам любого сложно организованного социума. Однако степень цивилизованности и место иррациональных начал в этом процессе во многом определяются конкретными историческими и культурными условиями. Существование мифов в городском и в общечеловеческом бытии отнюдь не предполагает неизбежного и последовательного воплощения их сюжетов в реальной жизни.

И действительно, в городах образы богатыря, палача, жреца, актера и грешника причудливым образом переплетаются между собой. Эти переплетения не отменяют определенные закономерности, которые, видимо, все же существуют. Так, образы богатыря и палача по преимуществу связаны с генези-

¹ Дмитриева О.О. Петербург как символ Русской Европы. Русская эмиграция в поисках скрывшейся Атлантиды // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 138.

сом городов, а образы актера и Вавилонской блудницы - с полисной жизнью и имперскими реалиями. Насколько умозрительна предложенная схема? Нет сомнения, что она весьма условна. Конечно же, в городах присутствуют и иные символы, связанные с торговлей, материальным производством и управлением. Однако, мы полагаем, все они не отменяют вышеизложенные рассуждения.

С.С. Коновалов

БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 60-70-х гг. XIX ВЕКА НА УРАЛЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

События 1917 г. стали символическим рубежом в отечественной историографии буржуазных реформ 1860-1870-х гг. на Урале. Когда завершилось кровавое противостояние гражданской войны, то оказалось, что почти никого из прежних исследователей в крае не осталось. В 20 - 30-е гг. XX в. внутривнутриполитический курс самодержавия 60-70-х гг. XIX в. на Урале ещё не занимал отдельного места в кругу исследовательских проблем советской историографии. Однако в большинстве работ советских ученых того времени, посвященных истории Урала периода капитализма, в той или иной степени затрагивались аспекты, связанные с подготовкой и проведением реформ в крае. В исследованиях Ю.И. Гессена, Ф.П. Быстрых, М.С. Кармина, Л.С. Маханька, А.А. Савича, С.П. Сигова впервые поднимался вопрос о причинах отмены крепостного права¹. Ряд историков уже в то время исходили из ленинской оценки в его решении. Одной из главных причин реформы 1861 г. они считали экономическое развитие страны в целом, что требовало, прежде всего, большого количества свободных рабочих рук.

В 1930-е годы не все представители отечественной историографии разделяли ленинскую оценку реформы 1861 г. Некоторые исследователи под влиянием идей М.П. Покровского полагали, что важнейшей причиной отмены крепостного права на Урале был быстрый рост хлебных цен и удорожание металла в 1850-е гг. Они односторонне подходили к решению данной проблемы. Так, С.П. Сигов преувеличивал влияние экономических факторов на процесс подготовки и проведения реформы, а также недооценивал развитие капиталистических отношений в крае накануне 1861 г. По его мнению, господство принуди-

¹ Гессен Ю.И. История горнорабочих СССР. Вторая половина XIX в.: В 2 т. Т.2. М., 1929; Быстрых Ф.П. Возникновение Уральской областной организации РСДРП. Свердловск - М., 1933; Кармин М.С. Очерки по истории классовой борьбы в Башкирии в XVIII - XIX вв. // Социалистическое хозяйство Башкирии. 1934. № 3-4; Маханёк К.С. Из истории проведения реформы 1861 г. на Урале // Пермский краеведческий сборник: Вып. 4. Пермь, 1928; Савич А.А. Прошлое Урала. Пермь, 1925; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

тельного труда на предприятиях оставалось непоколебимым до его отмены¹. Исследователь полагал, что ликвидация крепостного труда на Урале не была подготовлена эволюцией фабрики в сторону перехода на применение вольнонаёмного труда, как это было в центре России. Этот ошибочный вывод, вероятно, объясняется отсутствием у С.П. Сигова достаточного количества фактов, которые говорят о том, что на Урале (как и в других промышленных центрах страны) промышленный переворот начался ещё в предреформенные десятилетия².

Определяя реформу 1861 г. как сугубо крестьянскую, С.П. Сигов обходил молчанием вопрос о её буржуазной сущности и позитивном влиянии на последующее развитие уральского края. Он писал, что вместо крепостного права была создана система отношений, которую можно назвать феодальной и в основе которой лежат отработки за землю³. Таким образом, историк смешивал крепостнические отношения дореформенного периода с пережитками крепостного права в пореформенную эпоху.

Вспомогательное значение при характеристике отечественной историографии 1920-х – 1930-х гг. отмены крепостного права на Урале имеют работы М.В. Ченцова, С. Чулина, С.Г. Струмилина, М. Соловьёва, А. Таняева. Их взгляды достаточно подробно и обстоятельно рассмотрены в отечественной историографической литературе⁴. В работах исследователей присутствуют отдельные высказывания и тезисы о реформе 1861 г. на горных заводах Урала. При исследовании истории отмены крепостного права вышеназванные учёные использовали в основном данные либерально-народнической историографии. По-видимому, именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в изысканиях историков того времени крайне слабо освещена подготовка документов в правительственных органах, деятельность которых отложилась в архивных фондах соответствующих органов⁵.

В конце 1930-х – первой половине 1940-х годов не только на Урале, но и в рамках всей страны наблюдается спад научной деятельности. Это было связано, с одной стороны, с начавшимися репрессиями и разгромом многих краеведческих обществ, а с другой, - начавшаяся Великая Отечественная война затруднила деятельность советских историков. После книги Е.А. Мороховца «Крестья-

¹ Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

² Усанов В.И. История горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала второй половины XIX в. в советской историографии. – Челябинск, 1989.

³ Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. – С.103.

⁴ Усанов В.И. История горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала второй половины XIX в. в советской историографии. Челябинск, 1989. С. 27-38.

⁵ Там же. С.30.

янская реформа 1861 г.», изданной в 1937 г., не выходит почти ни одной публикации по интересующей нас проблеме.

Положение изменилось в послевоенный период, когда в поле зрения исследователей попала проблема влияния отмены крепостного права на Урале на социальные отношения. В конце 1940-х – первой половине 1950-х годов в научный оборот вводится большое количество архивных источников, активно исследуются вопросы классовой борьбы в контексте реформы 1861 г., прочно утверждается ленинская оценка отмены крепостного права в крае¹. Историки используют в своих работах материалы публикаций источников, данные официальной и земской статистики, а также научные изыскания дореволюционных авторов.

В конце 1940-х – 1950-е гг. появляется ряд интересных исследований неравнозначного характера, посвященных истории реформы 1861 года на уральских заводах, земского и городского самоуправления, военных и судебной реформ в крае. Наиболее весомый вклад в освещение отмены крепостного права внесли Ф.С. Горовой, М.А. Горловский, Э.А. Лившиц, Ф.Е. Мельников. Начинается исследование вопроса об уровне развития капиталистических отношений в крае в первой половине XIX в. как важнейшей предпосылки отмены крепостного права. Прежде всего, речь идёт об изучении масштабов применения вольнонаемного труда на Урале в предреформенные годы. Первое в уральской послевоенной историографии исследование истории земских учреждений отдельной губернии было принято М.И. Чернышом. На его основе и со значительными изменениями и дополнениями в 1959 году была создана монография «Развитие капитализма на Урале и Пермское земство». Историк удачно построил изложение истории Пермского земства и охватил практически все вопросы, которые необходимо было рассмотреть при комплексном изучении земств отдельной губернии. В 1950-е годы к истории проведения земской реформы на территории Уральского края обращались В.Т. Селезнёва, А.А. Ушаков, М.Д. Рабинович. Основное внимание авторы уделили вопросам организации (правовой базе, структуре, компетенции) земств, их социальному составу, генезису на их почве либерально-оппозиционного движения, критике несовершенства и незавершенности системы местного самоуправления царской России.

В.Т. Селезнева исследовала развитие земской медицины и санитарного дела в Пермской губернии в 1870-1917 гг. Она сделала вывод, что в 1870-1880-х годах в Пермской губернии вышла на сцену большая группа прогрессивных земских врачей, которые являлись неофициальными руководителями земского

¹ Мельников Ф.Е. Западный Урал в революции 1905-1907 гг. Молотов, 1946; Панкратова А.М. Рабочее движение в России XIX века: В 3 т. М., 1950-1952. Т. 1-3.

медико-санитарного дела¹. Автор справедливо отметила, что Пермская губерния может считаться родиной земского санитарного дела в России, так как здесь 1 февраля 1872 г. губернским земством впервые была учреждена должность санитарного врача, которую занял И.И. Моллесон, а в апреле 1872 г. при губернской земской управе учреждена и санитарная комиссия².

Резко выраженную классовую направленность носили научные изыскания А.А. Ушакова, который утверждал, что органы земского самоуправления в Пермском крае помогали царским чиновникам поддерживать порядки выгодные и угодные эксплуататорам. Сама же земская реформа, проведенная в Пермской губернии в 1870 г., служила ничем иным, как актом приспособления самодержавно-полицейского строя к условиям капиталистического развития³. Существенное внимание историк уделил социально-экономическому облику гласных земских управ. Для этого им активно использовалась газета «Пермские губернские ведомости», где публиковались списки лиц, допущенных к участию в земских избирательных собраниях. Подробный и обстоятельный анализ состава избирателей и системы выборов в земские органы привели исследователя к выводу, что в земские гласные попадали люди, мало чем отличавшиеся от царских чиновников. Он отмечал: «Разве случайно то, что земских гласных называли «на все согласными»»⁴. Вместе с тем А.А. Ушаков установил, что земство Пермской губернии в целом было более демократичным по своему составу в сравнении с земством губерний центральной России. По его мнению, в основном главными были представители городской и сельской буржуазии. В то же время Пермское земство считалось в России одним из образцовых. Историк отметил достижения земских работников в постановке медицинского дела, образования, развитии кустарной промышленности, статистики. Не обошел он вниманием и проблему взаимоотношения земств и крестьянства⁵. Однако всё вышперечисленное не изменило положения о том, что Пермское земство было «пятым колесом» в колеснице пермской бюрократии⁶. Его деятельность ограничивалась сетью всевозможных официальных запретов и препон.

Первой работой, в которой затрагивалась реформа городского самоуправления на Урале, была диссертация М.А. Горловского⁷. Он на примере Екате-

¹ Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале/ Под ред. А.О. Эдельштейна. Молотов, 1955.

² Там же. С.47.

³ Ушаков А. А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Пермь, 1958. С. 32-44.

⁴ Там же. С.46.

⁵ Там же. С. 45-48.

⁶ Там же. С.46.

⁷ Горловский М.А. Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х годов XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1956.

ринбурга изучил результаты проведения городской реформы 1870 г. Введение «Городового положения» 1870 г. явилось, по мнению историка, одной из вынужденных уступок, которую вынуждено было сделать самодержавие под напором народных волнений. Исследователь отметил, что подготовкой городской реформы занималась специально созданная в городе комиссия¹. По его данным, уже в первые дни деятельности комиссии в Екатеринбурге выявились серьезные противоречия между купечеством и мещанами, с одной стороны, и официальными членами комиссии – депутатами дворян и чиновников, с другой. Достаточно подробно и обстоятельно М.А. Горловский рассмотрел борьбу, которая велась в комиссии, главным образом, по поводу того, какому ведомству должен быть подчинен Екатеринбург после проведения городской реформы. Автор выявил две тенденции. Одна из них заключалась в том, что, выражая интересы верхушки городской буржуазии, депутаты от купечества, мещан и цеховых отстаивали необходимость подчинения Екатеринбурга гражданской администрации. Официальные же члены комиссии, объединившись в своей борьбе против депутатов торгово-промышленных сословий с депутатами от дворян и чиновников, настаивали на сохранении существующего порядка подчинения Екатеринбурга горному начальству². Не соглашаясь с мнением последних, купечество, мещане и цеховые города по собственной инициативе, без санкции местных властей, направили своё предложение в министерство внутренних дел, в связи с чем правительство приняло в 1863 г. решение о передаче Екатеринбурга из горного в гражданское ведомство³. Исследователь акцентировал внимание на том, что этот факт означал победу торгово-промышленных сословий города. Оценка М.А. Горловским реформы городского самоуправления носила традиционный для советской историографии характер: «Правительство вынуждено было пойти на эту меру под напором борьбы горнорабочих Урала, перекликавшейся с крестьянским движением. Названный акт не противоречил интересам самодержавия второй половины XIX века, уже сделавшего шаг по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»⁴.

Достаточно скромно в это время подвергалась исследованию судебная реформа 1864 г. на Урале. А.А. Ушаков был в числе первых советских историков, кто обратился к истории судебной реформы 1864 г. на территории Ураль-

¹ Там же. С.22.

² Горловский М.А. Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х годов XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1956. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же.

ского края. В своей работе¹ он в краткой и тезисной форме рассмотрел деятельность Пермского и Екатеринбургского окружных судов. Оценивая деятельность судебных органов по реформе 1864 г., историк следовал ленинской точке зрения. Он писал, что суд был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка². Негативное отношение к судебной реформе 1864 г. на Урале А.А. Ушаков подкрепил конкретными примерами из истории. Так, например, он обратил внимание на факт судебной тяжбы между рабочими Строгановских заводов и заводским управлением Строганова. Судебное дело о наделении крестьян землей велось много лет, и не было решено вплоть до событий 1917 г.³ На территории Южного Урала судебная реформа 1864 г. была рассмотрена в работе М.Д. Рабиновича⁴. К сожалению, у автора почти не нашлось места для определения специфики судебных органов края. Характеризуя последствия и результаты судебной реформы 1864 г., которая, по его мнению, была осуществлена в Башкирии в 1875 г., исследователь ограничился потоком общих фраз и замечаний. При этом ученый отметил, что преобразования судебных органов в регионе имели наиболее буржуазный характер из всех реформ 60–70-х гг. XIX века.

В советской историографии вплоть до начала 50-х гг. XX века не было серьезных работ, непосредственно относящихся и к истории военных реформ на Урале. Конец 40-х – начало 50-х гг. XX в., ознаменовались рядом интересных статей П. А. Зайончковского, а в 1952 г., вышла монография ученого «Военные реформы 1860 – 1870-х годов в России». В ней помимо общероссийского материала фрагментарно затрагивалось проведение военных преобразований на Урале⁵. Развитие отечественной военной промышленности на Урале (казенные заводы Горного ведомства) в 60 – 70-х гг. XIX в. рассматривалось П. А. Зайончковским как составная часть военных реформ. Историк проследил состояние данной отрасли хозяйства накануне преобразований и после них. Он обнаружил, что накануне и в период Крымской войны правительство не проявляло особой заботы о состоянии казенных заводов Горного ведомства на Урале. Пушки, изготовлявшиеся на этих заводах, отличались большей частью низким качеством и в период войны (1853 – 1856 гг.) нередко наблюдались случаи разрыва чугунных орудий, особенно крупного калибра. Одним из существенных

¹ Ушаков А. А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Пермь, 1958.

² Там же. С. 42.

³ Там же.

⁴ Рабинович М.Д. Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. // Очерки по истории Башкирской АССР: В 2 томах. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959. С. 156-157.

⁵ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 3, 23-27, 81-82, 145, 150-153, 179, 237, 239, 246.

недостатков дореформенного вооружения артиллерии ученый считал его многосистемность, что создавало большие трудности в обеспечении артиллерийских частей боеприпасами (особенно снарядами). Кроме того, количество артиллерийского вооружения было недостаточным¹. В связи с этим были приняты меры для развития сталепушечного производства на Урале. Как известно, для этой цели был создан завод в Мотовилихе (около Перми). Остановившись на создании Пермского завода, П.А. Зайончковский показал роль Д.А. Милютин в его возникновении. Он отметил, что основанием Мотовилихинского завода было положено начало развитию сталепушечного производства в Пермском крае и на Урале в целом. Причем качество орудийной стали не только не уступало, но даже превосходило заграничную (в том числе выплавлявшуюся на заводах Круппа)². Данное обстоятельство сыграло важную роль при переходе к серийному производству стальных пушек. Достаточно обстоятельно историк рассмотрел реформирование военно-учебных заведений Оренбургского края и убедительно доказал, что военные училища, созданные в результате реформы, выгодно отличались от специальных классов кадетских корпусов своей чисто военной организацией, лучшей подготовкой преподавания, а также значительно и большим объемом требований. Однако объем этих требований в размере, предъявляемом к командирам полков, был непомерно велик, что отрицательно сказалось на подготовке офицеров, оканчивавших военные училища³. П.А.Зайончковский дал и оценку сущности введения военно-судебных учреждений, которые появились в 1871г. в Казанском военном округе, а в 1878 г. в Оренбургском округе. С одной стороны, он показал, что военно-судебная реформа, несмотря на ее объективно-буржуазный характер, сохранила в значительно большей степени, нежели другие преобразования, черты феодально-крепостнической организации суда – определение наказания в зависимости от сословной принадлежности. В то же время он отметил, что создание военных округов, помимо чисто военного значения, преследовало и определенные политические цели - борьбу с революционным движением⁴.

Изучение военных реформ 1860-1870-х гг. на Урале в советской историографии так и не выделилось в отдельную научную проблему. Историки обращались к ним лишь в контексте изучения общих проблем пореформенного Урала в коллективных работах обобщающего характера, а то и вовсе не обращались⁵. М.Д. Рабинович рассмотрел преобразования в области военного дела

¹ Там же. С.23.

² Там же. С.150-153.

³ Там же. С. 251.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ История Урала. Пермь, 1963. Т.1; История Урала. Пермь, 1976. Т.1; История Урала в период капитализма. М., 1990; История Уфы. Краткий очерк/ Под ред. Р.Г. Ганеева. Уфа, 1976;

на территории Башкирии¹. К сожалению, ничего не сказано о военных реформах 60-70-х гг. XIX века на Урале у авторов вышедшей в 1963 г. коллективной монографии «История Урала». В 1976-1977 гг. вышло 2-е издание этой книги, но и там вопрос о военных преобразованиях обойдён молчанием. Н.Я. Пеньков и В.А. Косогов рассмотрели формирование и историю Оренбургской артиллерийской бригады². Существенное внимание они уделили парковой службе артиллерии, включавшей в себя мероприятия для производства текущего ремонта вооружения, выполнения лабораторных и других необходимых работ по содержанию в исправности орудий, а также организацию артиллерийских складов в Оренбургском военном округе. Коротко и лаконично проведение военных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале затронула Г.А. Кулагина³. Впервые, хотя и в очень тезисной форме, прозвучал ответ на вопрос о том, какие же все-таки преобразования в военной сфере были проведены на Урале.

Значительно больше внимания было уделено историками проблеме сущности реформ 1860-1870-х гг., раскрытию их значения для последующего развития уральского края. В это время окончательно утверждается марксистское понимание значения отмены крепостного права на уральских заводах. Принципиальный поворот в оценках реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале был связан с работами А.М. Панкратовой, М.И. Черныша, М.А. Горловского⁴. В отличие от своих предшественников, авторы основное внимание уделили раскрытию буржуазной сущности реформ, их исторического значения для развития промышленного капитализма. А.М. Панкратова показала, что именно отмена крепостного права ускорила развитие уральской металлургии. Ф.П. Быстрых, Ф.С. Го-

Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958; Очерки по истории Башкирской АССР: В 2 т. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959.

¹ Рабинович М.Д. Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. // Очерки по истории Башкирской АССР: В 2 т. Т.1. Ч.2. Уфа, 1959.

² История отечественной артиллерии. Т.2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Кн.4. Артиллерия русской армии в период утверждения капитализма (60-е гг. – начало 90-х гг. XIX в.) / Под ред. К.П. Казакова. М.- Л., 1966.

³ Кулагина Г.А. Буржуазные реформы 1860-1870 гг. // История Урала в период капитализма. М., 1990. С.61-68.

⁴ Панкратова А.М. Рабочее движение в России XIX века: В 3 т. М., 1950-1952. Т. 1-3; Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; Черныш М.И. Проведение городской реформы 1870 г. в Перми. Классовая сущность новых органов городского управления // Уч. Записки Пермского государственного университета. Т. XVII. Вып. 4. Пермь, 1961. С. 171-189; Черныш М.И. Городское общественное управление и облик Перми в последней трети XIX в. // 250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 104-111. Горловский М.А. Из истории городского управления Екатеринбурга начала 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории Урала. Вып.1. Свердловск, 1958. С.71-81. Горловский М.А., Адамов В.В. Екатеринбург в период промышленного капитализма и империализма // Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958. С.87-101; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.

ровой, И.С. Канцарин¹ поддержали и дальше развили основные положения историка о сущности реформы и её результатов на горнозаводском Урале.

1960–1980-е годы характеризуются более интенсивной разработкой истории реформ 1860-1870-х гг. в России, и её отдельных регионах. В это время выходят работы видных уральских ученых Ф.С. Горового, М.И. Черныша, Ф.А. Ишкулова, Х.Ф. Усманова, Б.С. Давлетбаева, которые явились итогом многолетней научной деятельности авторов и стали важным событием в советской историографии. Можно со всей определенностью сказать, что их работы впитали в себя всё лучшее, что было накоплено исторической наукой по данной проблеме.

Советская историография указанного времени поставила вопрос о масштабах развития капиталистических отношений в уральской металлургии к середине XIX века как важнейшей предпосылке реформы 1861 г. Наибольший вклад в его разработку внесли В.Я. Кривоногов и М.В. Путилова². Используя значительный фактический материал, они показали, что на уральских заводах в 40-50-х годах XIX в. началась техническая реконструкция, которая значительно усилилась после отмены крепостного права.

В трудах уральских историков 1970–1980-х годов продолжают подниматься вопросы земского и городского самоуправления пореформенного времени. Земская деятельность в области народного образования стала предметом исследования И.А. Слудковской³. Становление земской статистики в Пермской губернии и классовые противоречия в деятельности служащих земств нашли своё отражение в научных изысканиях А.С. Атманских⁴. Социально-экономической характеристике земских служащих на примере учительства Пермской губернии посвящена работа Н.М. Ушаковой⁵. К истории Чердынско-

¹ Быстрых Ф.П. Формирование промышленного пролетариата на Урале // Материалы научной сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск, 1963; Горовой Ф.С. Об особенностях отмены крепостного права на горных заводах Урала // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 176-192; Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Канцарин И.С. Формирование горнозаводского пролетариата на Урале в пореформенный период: Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1954.

² Кривоногов В.Я. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962; Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. 1800-1860 // Наемный труд горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. - Свердловск, 1964; Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986.

³ Слудковская И.А. Развитие народной школы на Урале в XIX веке. Пермь, 1976.

⁴ Атманских А.С. Сборники пермского земства // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 121-124.

⁵ Ушакова Н.М. Социально-экономическая характеристика земских служащих на примере земского учительства Пермской губернии // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С.128-134.

го земства в контексте пореформенного развития Чердыни обращался Г.Н. Чагин¹. Я.Б. Рабинович рассмотрел деятельность Д.Д. Смышляева в контексте проведения земской реформы на Урале². Широкое рассмотрение проблем генезиса земской интеллигенции в России (в её работе приводятся данные и по Уралу) было предпринято Н.М. Пирумовой³. Социально-экономические изменения, произошедшие в башкирском обществе в результате проведения земской реформы, были прослежены в исследованиях Б.Х. Юлдашбаева и Н.И. Леонова⁴.

В 1970-е гг. реформа городского самоуправления на Урале выделяется в самостоятельную проблему. Наибольший вклад на данном этапе в изучение реформы 1870 г. внесли М.И. Черныш и С.М. Васильев⁵. Историки на примере крупнейших городов Урала изучили результаты проведения реформы городского самоуправления, и пристальное внимание уделили классовой сущности органов управления. В 1980-х – начале 1990-х гг. выходят работы В.А. Нардовой, Л.Ф. Писарьковой, Г.А. Кулагиной, Н.И. Леонова⁶. Монография В.А. Нардовой была одной из первых в отечественной исторической науке, где проблема городского общественного управления была поставлена глубоко и всесторонне. Своего рода дополнением к научным изысканиям В.А. Нардовой является работа Л.Ф. Писарьковой, в которой рассматривается состав гласных городских дум страны с учетом особенностей социальной структуры уездных и губернских городов Урала, специфики экономического развития данного региона.

¹ Чагин Г.Н. Чердынь. Пермь, 1972.

² Рабинович Я.Б. Классовая борьба и общественное движение на Урале в 70-годах XIX века (по материалам Пермской губернии): Автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 1968; Рабинович Я.Б. Круг Н.Г. Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России. Пермь, 1983; Рабинович Я.Б. Ревнителю прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х начале 70-х годов XIX века. Пермь, 1989.

³ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

⁴ Юлдашбаев Б.Х. Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России. Уфа, 1979; Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60-70х гг. XIX в. // История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. С.251-261.

⁵ Черныш М.И. Городское общественное управление и облик Перми в последней трети XIX в. // 250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 104-111; Васильев С.М. Пореформенная Уфа // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 184-214; Васильев С.М. Уфа в условиях промышленного капитализма // История Уфы. Краткий очерк/ Под ред. Р.Г. Ганеева. Уфа, 1976. С.92-130.

⁶ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984; Писарькова Л.Ф. Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6. С. 152-160; Кулагина Г.А. Буржуазные реформы 1860-1870 гг. // История Урала в период капитализма. М., 1990. С.61-68; Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60-70х гг. XIX в. // История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. С.251-261.

В работах Г.А. Кулагиной и Н.И. Леонова рассматривались недостатки избирательной системы, сказавшиеся на составе городских общественных органов Уральского края, просчеты городских дум в хозяйственной деятельности. Историки отмечали, что проведенная в 1870-м году реформа в известной степени отвечала потребностям буржуазного развития городов Урала, обусловив быстрое развитие промышленности и торговли, улучшив благоустройство.

Крупным событием в советской историографии судебной реформы 1864 г. на Урале стало исследование Ф.А. Ишкулова¹. Историк рассмотрел подготовку, ход, реализацию и последствия судебной реформы и контрреформы в Башкирии. Анализ законодательного и архивного материала позволил ученому утверждать, что в Уфимской и Оренбургской губерниях судебная реформа и контрреформа проводились одновременно в течение тридцати с лишним лет (1864-1898 гг.) постепенно, по частям. По мнению Ф.А. Ишкулова, вплоть до конца 70-х годов XIX в. на Южном Урале шли подготовительные мероприятия по введению судебных уставов. Затем на первом этапе (1878-1892 гг.) были созданы мировые судебные учреждения, перестроена деятельность апелляционных органов и прокуратуры; на втором (1892-1894 гг.) – созданы общие судебные места и прокуратура при них, упразднены палаты уголовного и гражданского суда. На третьем этапе (1894-1898 гг.) – проведена судебная контрреформа. В 1894 году ликвидированы мировые суды, учрежден институт земских участковых начальников, а в 1898 году завершена судебная реформа – введены институт присяжных заседателей при окружных судах и адвокатура². Таким образом, судебная реформа в Башкирии характеризуется ученым рядом особенностей, не встречающихся при изучении процесса проведения буржуазных реформ 60–70-х годов XIX века в других регионах России. Это, прежде всего, одновременное проведение в крае и судебной реформы, и судебной контрреформы. В связи с этим исследование историка приобрело значение, выходящее за рамки научного краеведения. Автор отметил, что медленное введение на территории края судебных органов, предусмотренных судебными уставами 1864 г., отразилось на компетенции и содержании их деятельности. За время, прошедшее от организации в Башкортостане мировых судов до создания общих судебных органов, в губерниях центральной России была проведена в основном судебная контрреформа, внесшая существенные изменения в положения судебных уставов. Проведение контрреформы, как отмечает Ф.А. Ишкулов, повлияло на деятельность и вновь организованных в крае окружных судов, и, позднее, суда присяжных заседателей³.

¹ Ишкулов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Уфа, 1974.

² Ишкулов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Уфа, 1974.

³ Там же. С.98-100.

В краткой и фрагментарной форме проведение судебной реформы 1864 г. на Урале затрагивается в коллективных работах по истории Урала Г.А. Кулагиной и Н.А. Леоновым¹. Ученые подтвердили основные положения научных изысканий Ф.А. Ишкулова.

Подводя итоги развитию советской историографии буржуазных реформ 1860-1870-х гг. на Урале, можно заключить, что советскими учеными был рассмотрен практически весь комплекс вопросов, связанных с реформой 1861г. в крае, начиная с вызревания революционной ситуации и вплоть до спада массового демократического движения. Основное внимание исследователи уделили выявлению причин реформы 1861г., освещению истории её подготовки, анализу основных документов, реализации реформы, её влиянию на последующее развитие уральского края. Изучение этих вопросов доказывало необходимость и неизбежность буржуазных преобразований старой государственной машины, а затем и полного её слома. Большое значение марксистско-ленинская историческая наука предавала изучению надстроечных явлений, оказывающих немаловажное влияние на направление и характер развития производства и социальных отношений в обществе. Бесспорен тот факт, что изыскания ученых советского времени не лишены идеологической окраски, но это не умаляет их значения. Сегодня ни один исследователь, который занимается историей отмены крепостного права на Урале, не может обойтись без работ советского времени.

Для советской историографии земской реформы 1864 г. на Урале также характерен ярко выраженный партийно-классовый подход к оценке исторических событий. Исследование проблем истории земства, практической деятельности органов местного самоуправления не носило систематического характера в противовес исследованию реформы 1861 г. Основной поток работ по истории земств Урала (за исключением научных изысканий М.И. Черныша) сводился к выявлению и описанию локальных исторических фактов, в них преобладал иллюстративно-описательный метод. Вместе с тем, отечественная историография советского времени, опираясь на мощный фундамент предшествующих исследований, создала работы, обозначив важнейшие проблемы истории земства на Урале: характеристика земской реформы и института земского самоуправления, многочисленные направления практической деятельности земских учреждений, историческую роль земской интеллигенции. Именно она составляет основу научной базы современного знания в области истории местного самоуправления

¹ История Урала в период капитализма. М., 1990; История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991.

Уральского края и, в силу этого, непосредственно оказывает влияние на определение тематики научных изысканий в настоящее время.

В советской историографии до середины 80-х годов XX в. оценки городской реформы 1870 г., данные исследователями, во многом шли в русле дореволюционной, либеральной традиции. Исключение здесь составляла монография В.А. Нардовой¹, которая обосновала актуальность изучения городской реформы 1870 г. в рамках всех регионов и подняла на достаточно высокий уровень планку для такого рода исследований. Советские исследователи, вместе с тем, внесли значительный вклад в историографию проблемы, рассмотрев эту реформу в контексте всей внутренней политики, проанализировав реализацию преобразований на примере Перми, Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга. В последующих трудах происходила частичная переоценка характера и значения реформы 1870 г. (в частности подчеркивалась необходимость изучения реформы 1870 г. в сопоставлении её с контрреформой 1892 г.), расширялась география региональных исследований, помимо реализации реформы в губернских центрах ученые обратили внимание на уездные города.

Относительная немногочисленность научных изысканий историков, посвященных судебной реформе 1864 г. на Урале, создала необходимость дальнейшей разработки данной проблемы. Почти не были изучены вопросы, связанные с деятельностью института адвокатуры, судебных следователей и нотариата. Применительно к Уралу реализация основных документов, составивших в целом судебную реформу и произошедшие изменения, которые произошли в области уголовного и гражданского судопроизводства в крае, были рассмотрены на примере Уфимской и Оренбургской губерний. По-прежнему оставалась актуальной проблема прокуратуры, политического сыска и полиции пореформенного Урала. Все это создало предпосылки для исследований, которые были сделаны уже в постсоветское время.

Не подлежит сомнению факт, что советская региональная историография темы прошла в своем развитии этапы, аналогичные общесоюзной. Определенными отклонениями от общей схемы явилось лишь изначально меньшее доминирование здесь марксистской концепции и более фундированный местными источниками характер исследований. В 1920-е годы преобразования 1860-1870-х гг. получили в литературе негативную характеристику как реформы буржуазные и ограниченные, они надолго выпали из сферы интересов исследователей. С начала 1930-х и до середины 1950-х годов особого интереса к буржуазным реформам 60-70-х годов XIX века исследователи региона не проявляли.

¹ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.

Позднее (середина 1950-х – начало 1990-х) вышел ряд крупных работ, сыгравших важную роль в рассматриваемой проблематике. Однако методологические позиции при этом остались прежними. Навязанные извне схемы истории буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века плохо отражали региональную реальность Урала второй половины XIX века, что проявилось в массе несоответствий в литературе. Исследователям приходилось прилагать значительные усилия для объяснения фактов особенности курса буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века на Урале. В данной ситуации приоритетное внимание было уделено анализу других аспектов, в частности, обоснованию роли Урала в становлении капиталистического уклада. Особенностью региона считали меньшее, нежели в целом по стране, количество представителей дворянского сословия. Исходя из этого, объяснялась запоздалость буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века на Урале по сравнению с центральными губерниями страны.

С.Г. Федоров

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Большую роль в правовом поведении русского крестьянства играло обычное право, под которым мы понимаем «совокупность правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью»¹. Отечественная и зарубежная историография уделяла довольно пристальное внимание изучению обычного права и проблем, связанных с ним. Историк Б.Н. Миронов приводит следующие цифры: исследователи начали заниматься изучением общины с 40-х гг. XIX в., и к 1880 г. общине было посвящено уже 750 книг и статей; к 1910 г. прибавилось еще свыше двух тысяч². В данной статье будут определены основные направления и некоторые, на наш взгляд, наиболее значительные работы в историографической науке в области изучения обычного права в русской деревне.

В первой половине XIX в. российская историко-правовая наука обратила внимание на неписанные нормы, определявшие повседневную жизнь русской деревни и регулировавшие внутридеревенские и внутрисемейные хозяйственные, имущественные и бытовые отношения. В 1840-1860 гг. проблема обыч-

¹ Право обычное / Большой юридический словарь / М.Е. Волосов В.Н., Додонов и др. М., 2006.

² Миронов Б. Мир русской деревни // Знание – сила. 1975. №9. С.40

го права была поставлена К.Д. Кавелиным¹. Он отводил обычаю большое место в историческом развитии русского права и доказывал его отличие от права западноевропейских государств. К.Д. Кавелин доказывал, что в Соборном уложении 1649 г. преобладали еще обычное правовые установки, но в дальнейшем «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне»². Дальнейшее развитие историографии по данной теме положила дискуссия дореволюционных отечественных историков, юристов и этнографов о традиционном обычном правовом мировоззрении пореформенного российского крестьянства. Российские историки-правоведы (К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д. В. Самоквасов и др.) оценивали обычай как один из источников писаного права и признавали реальностью существование комплекса особых неофициальных правовых отношений в крестьянской среде³. При всех расхождениях в оценке соотношения обычного и государственного права в крестьянской среде историки-правоведы XIX в. подчиняли историю обычного права истории права государственного.

В ходе реформ 60-х годов XIX в. (особенно судебной) соотношение обычного права и действующего законодательства приобрело помимо теоретического еще и практический смысл. В частности, по «Положению» 19 февраля 1861 г. крестьянам дозволялось руководствоваться своими обычаями при разрешении наследственных, имущественных отношений, дел, связанных с опекой и т.д. Узаконение функционирования обычного права в государственно-правовой практике определялось тем, что особенности общинной хозяйственной жизни, а также многие стороны гражданских отношений в крестьянской среде очень часто не могли быть урегулированы действовавшим сводом законов. Ученые того времени точно определили связь между хозяйственным и семейным строем общины и правовыми представлениями крестьянства. Большинство авторов, участвовавших в обсуждении проблемы, доказывало принци-

¹ Кавелин К. Взгляд на юридический быт древней Руси // Современник. 1847. Т.1; Он же. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования // Современник. 1860. № 2.

² Кавелин К. Взгляд на юридический быт древней Руси. С.47.

³ Кавелин К.Д. Государственное крепостное право в России // Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1974. Кн.3; Сергеевич В.И. Крестьянское право и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал Министерства юстиции. 1907. №2; Он же. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1900; Самоквасов Д.В. Семейная община в Курском уезде // Записки РГО по отделению этнографии. 1878. Т.8. Отд.3; Снегирев И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древних и средних периодов русской народной жизни // Юридические записки, изданные П.Т. Редкиным. М., 1842. Т.2; Веригин И. Начала русского народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. №3; Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.

пиальное несходство крестьянских правовых обычаев и законодательства. «Народное обычное право и право культурное представляют собой два строя юридических воззрений, отличных один от другого», - утверждала А.Я. Ефименко¹.

Причины расхождений между народными правовыми представлениями и формальными законами И.М. Тютрюмов и А.А. Леонтьев видели в особенностях развития российского законодательства, сословном общественном устройстве, правовой обособленности крестьян². Эти же ученые явились авторами «трудовой теории», которая, по их мнению, определяла все явления крестьянской хозяйственной и семейной жизни, а центральным элементом крестьянского правосознания был их взгляд на землю как на объект применения трудовой силы. Согласно мнению теоретиков «трудового начала», в обычном праве крестьянская семья представляла трудовую ассоциацию, в которой кровная связь была второстепенным элементом.

Многие исследователи крестьянского быта того времени считали, что проникновение официального законодательства в крестьянскую жизнь оказывает на крестьянство «тлетворное влияние». Такой точки зрения придерживался, например, К.Р. Качоровский³.

Известный русский юрист С.В. Пахман в своем фундаментальном труде «Обычное гражданское право в России. Юридические очерки» сделал попытку уложить все обычное русское право в рамки системы, выработанной на почве римского права⁴. Пахман не считал обычное право неизменной категорией. Под влиянием изменяющихся условий быта обычное право, несмотря на относительную стойкость, не остается в абсолютной неподвижности, а с течением времени изменяется. С.В. Пахман был противником «трудовой теории» и усматривал в обычном праве борьбу новых воззрений с отживающими старыми, что проявлялось в существовании и общности, и раздельности имущества в семье⁵. Попытке С.В. Пахмана изложить в строгой схеме обычное право всего русского народа противостояли такие этнографы и юристы как А.Я. Ефименко и П.А. Муллов⁶.

¹ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884. С.171.

² Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. 1883. №9. С.196; Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. С.4, 15, 20.

³ Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906. С.251.

⁴ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1877 – 1879. Т.1,2.

⁵ Пахман С.В. Указ. соч. Т.1. С.12, 389-394.

⁶ Ефименко А. Я. Указ. соч. С.180; Муллов П.А. Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта // Журнал гражданского и уголовного права. 1877. №4. С.184.

В конце 70-х – начале 80-х годов XIX века Русским географическим обществом было разработано несколько программ для собирания и изучения обычного права. Одной из лучших была признана программа известного криминалиста того времени И. Я. Фойницкого¹. Он дает следующее определение обычного права: «Правила, применяемые народом при суждении непозволительных в общежитии действий, называются условно юридическими обычаями. От обычаев следует отличать: 1) воззрения народа, хотя и общераспространенные, но не находящие себе действительного применения; 2) меры, действительно применяемые иногда потерпевшими, но расходящиеся с взглядом народа, который относится к ним как к актам самосуда; 3) взгляды и меры, вышедшие из употребления, о которых сохранились лишь предания»².

В отечественной историографии второй половины XIX – начала XX века существовало мнение, что принципиальных различий между законом и обычаем нет. Такого мнения придерживалась целая группа историков и юристов. А.Д. Билимович, обобщив мнения местных комитетов о потребностях сельскохозяйственной промышленности, пришел к выводу, что «правосознание народа вполне отвечает началам писаного права и давно уже подготовлено к его восприятию»³. Г.А. Евреинов полагал, что крестьяне с XI века жили по закону, а обычное право не имело существенного влияния на быт деревни⁴. По мнению Н.П. Дружинина, «крестьянская жизнь – проста, однообразна, сера, буднична, поэтому общие законодательные нормы легко приживаются в деревне»⁵.

В дореволюционной историографии вызывал споры и вопрос о происхождении русского законодательства. С.М. Барац утверждал, что гражданские законы второй половины XIX века не содержат в себе начал, «выработанных русской жизнью», и не служат «выражением народных прав» - они представляют собой «широкие заимствования из самых разнородных чужеземных кодексов» и не соответствуют правовым представлениям народа⁶.

Многие историки связывали с обычным правом и правовое положение пореформенного российского крестьянства: его рассматривали А. А. Титов,

¹ Фойницкий И.Я. Программа для собирания народных юридических обычаев. Уголовное право // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т.8.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С.1.

³ Билимович А.Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Киев, 1904. С. 53-54.

⁴ Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903. С.59-60; Он же. Самобытность или отсталость. СПб., 1905. С. 41.

⁵ Дружинин Н.П. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал Юридического общества. 1896. №6. С.28.

⁶ Барац С.М. О чужеземном происхождении большинства русских гражданских законов // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. №8. С. 4-5.

А.С. Постников, А.А. Мануилов и др¹. А.А. Титов указывал, что реформа 19 февраля 1861 года положила начало «планомерному расширению и углублению» прав крестьянства на пути превращения их в «свободных полноправных граждан». Автор отмечал, что основой правовой обособленности крестьян было закрепление за ними обязанности платить «подушную подать круговой порукой с обязательной припиской к крестьянскому обществу без права выхода из него». А.А. Титов делает вывод, что дальнейшие указы, отменившие круговую поруку, разрешившие крестьянам самим выбирать место жительства и требовать выдела своего участка из общинной земли главной целью имели создание в крестьянстве «особой группы, которая составила бы собою новый социальный класс мелких земельных собственников»².

А.С. Постников указывал, что установление частной собственности на землю для крестьян должно происходить «с дарованием тех прав, которыми пользуются граждане в современном правовом государстве»³.

А.А. Мануилов рассматривал правовое положение крестьян через вопросы отношения общественно-политических движений к крестьянской общине. Сравнивая взгляды славянофилов и западников, автор приводит сильные и слабые стороны данных направлений и делает вывод о признании реформаторами того факта, что община «не может быть вековечной, а должна измениться путем свободного развития», однако это совсем не дает права требовать «немедленного упразднения общинного землевладения и замены его личной собственностью», с одной стороны, и бороться за сохранение общины «на будущие времена, как наилучшей формы владения землею», с другой⁴.

Роль крестьянской общины и обычного права в процессе проводимых преобразований рассматривали К.Р. Качоровский, А.А. Николаев, А.А. Кауфман, Н.О. Осипов и др⁵.

К.Р. Качоровский занимаясь исследованиями крестьянской общины, утверждал, что от решения вопроса общинного землевладения, напрямую связанного с «выработкой законодательной земельной реформы, все утвердилось».

¹ Титов А.А. Правовое положение пореформенного крестьянства. С.383- 399 // Крепостное право в России и реформа 19 июля. М.,1911; Постников В.Е. Освобождение крестьян // Освобождение крестьян. СПб.,1911. С.275-284; Мануилов А.А. Реформа 19 февраля и общинное землевладение // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т.6. М.,1911. С.54-76.

² Титов А.А. Указ. соч. С. 390.

³ Постников В.Е. Указ. соч. С. 282.

⁴ Мануилов А.А. Указ. соч. С. 73.

⁵ Качоровский К.Р. Русская община. М.,1906; Николаев А.А. История русского крестьянства. ва. СПб.,1909; Кауфман А.А.Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб.,1897; Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I. 1892. Т. II.

Данный вопрос, по словам автора, приобрел и «политическое значение», так как Россию стали упорно толкать на «наклонную плоскость революции». Однако практическое решение вопроса о сохранении крестьянской общины осталось открытым, что позволило автору сделать вывод, «что община, во всяком случае, ближе к жизни, чем к смерти»¹.

А.А. Николаев отмечал, что не может быть полного освобождения крестьян без предоставления им «полных прав гражданства». Автор указывал на те условия, которые препятствовали получению крестьянами «полных прав гражданства» - круговая порука, особые волостные суды, земские начальники «как верховные вершители крестьянских судеб», сохранение крестьянской общины².

А.А. Кауфман и Н.О. Осипов исследовали развитие крестьянской общины в Сибири, широко используя местный материал. Они выделили общие и особенные признаки западно-сибирской и европейской российской общины. Ученые отметили характерную и особенную черту сибирского общинного землевладения, названную ими «старозаимочной»³.

Вопросы изменения местного крестьянского самоуправления рассматривал М.Н. Соболев, вопросы распространения частного землевладения в Сибири - Д.М. Головачев⁴.

Таким образом, в дореволюционной историографии существовало значительное разнообразие теорий и взглядов как на пореформенную крестьянскую общину, так и на обычное право, во многом регулировавшее хозяйственные и гражданские отношения в общине. Историки и юристы признали комплекс обычаев, определявших жизнь деревни, живой реальностью. А дискуссия о применении норм обычного права в административном управлении деревни и в судебной сфере в пореформенных условиях повлияла на практическую деятельность государственной администрации и судебной власти пореформенного периода. Дореволюционные ученые конца XIX века в основной своей массе отмечали необходимость предоставления крестьянам равных судебных прав с другими сословиями, ликвидации крестьянских волостных судов, отмирания норм обычного права в крестьянском правовом мировоззрении.

Советская историография на разных этапах своего развития изучала целый комплекс вопросов и проблем, связанных с историей российского поре-

¹ Качоровский К.Р. Указ. соч. С. 59.

² Николаев А.А. Указ. соч. С. 72-75.

³ Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I. С.20; 1892. Т. II С.22-25, 344; Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897. С. 10,39-42,144.

⁴ Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. N 1. С.35-48; Головачев Д.М. Частное землевладение в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. N 1. С.133-134.

форменного крестьянства, а также крестьянской общины на региональном и общероссийском уровнях в экономическом, социально-политическом и культурно-правовом аспектах. В своих работах советские историки в большей или меньшей степени непосредственно или косвенно рассматривали правовое положение, обычное право и связанное с ними правовое поведение крестьян Российской империи.

В 1920-1930-е годы, когда происходит становление марксистско-ленинской историографии, намечаются основные направления конкретно-исторических и общих исследований: социально-экономическое и политическое положение крестьянства накануне освобождения, влияние земельной реформы на эволюцию крестьянской общины, соотношение феодальных и капиталистических элементов в русской деревне, капитализация сельского хозяйства¹. На данном этапе историография уделяла основное внимание помещичьим крестьянам центральных губерний России и изучала крестьянское сословие на общероссийском уровне.

Большим событием в советской историографии 40-50-х годов является публикация монографии Н.М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева», а также других его работ². Н.М. Дружинин рассмотрел процесс прохождения реформы государственных и помещичьих крестьян, деятельность учреждений по крестьянским делам, проблемы крестьянского землевладения и землепользования, развития крестьянских хозяйств в основных районах страны и социально-политический кризис 1879-1881 годов. Одной из основных идей автора являлось то, что отмена крепостного права и последующие реформы не облегчили экономического и правового положения крестьянства.

Проблемы истории пореформенного крестьянства на общероссийском уровне также исследовали: П.А. Зайончковский, Б.Г. Литвак, Л.Г. Захарова, А.М. Анфимов, В.В. Кабанов и многие другие. В их трудах исследовались вопросы самого разнообразного характера: от процесса подготовки реформ 1860-1870-х гг. до практических результатов реализации этих реформ в России³.

¹ Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917; Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1925; Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941 и др.

² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1947. Т.1. 1958. Т.2; Он же Русская деревня на переломе 1861-1880 гг. М., 1978.

³ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1960; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972; Он же. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861 гг. М., 1984; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1980; Кабанов В.В. Крестьянская общи-

П.А. Зайончковский исследовал богатейший материал, характеризующий состояние крестьянской общины в европейской части России в дореформенное и послереформенное время. Автор приводит также сведения о количестве помещичьей и надельной земли в Шадринском уезде Пермской губернии. В своих исследованиях историк большой акцент делает на буржуазном содержании реформ, отмечая, что, несмотря на сохранение феодальных пережитков, реформы значительно ускорили развитие капитализма не только в сельском хозяйстве, но и во всех сферах жизни российского общества¹.

В работах Б.Г. Литвака исследовалась история крестьянских движений в России на протяжении XVIII-XIX столетий, раскрывались их социально-экономические и политические причины. Реформу 1861 года он трактует как мирный государственный переворот, который позволил России встать на путь цивилизованного развития. Однако, в результате развития революционно-демократического движения и сильной консервативной оппозиции в правящей элите реформаторская альтернатива, по его мнению, не была полностью реализована в нашем государстве и обществе².

Л.Г. Захарова изучала вопросы подготовки реформы 1861 года, создания комитетов и развития правительственной программы реформы, учреждения редакционных комиссий и их программ по крестьянскому вопросу.

В работах А.М. Анфимова анализировалось состояние российской деревни в пореформенное время, роль помещичьих и крестьянских хозяйств в дальнейшем развитии экономики России, классовая борьба крестьянства на рубеже веков, процессы переселения крестьянства на окраины страны. А.М. Анфимов попытался дать более широкое толкование понятию «аграрный строй», важнейшими элементами которого он называл наряду с землевладением и землепользованием систему ведения хозяйства³. Один из главных выводов автора заключался в том, что «именно бедность как наследие крепостного строя, результат государственной политики не давала крестьянину развернуться в полную силу»⁴.

В монографиях В.В. Кабанова изучались вопросы эволюции сельской общины, демографии и государственной политики по отношению к деревне,

на и кооперация России XX века. М., 1993; Кабытов П.С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988 и др.

¹ Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С.438.

² Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 57-77.

³ Анфимов А.М. Указ. соч. С.57.

⁴ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984. С.116.

роли кооперации в развитии сельского хозяйства¹. Историк отмечал, что в послереформенной России существовал не только «пруссский путь» развития, а было несколько путей эволюции сельского хозяйства. «Одновременно с кооперативным формировался фермерский путь...Захватно-заимочная система землепользования в Сибири была близка к американскому фермерству, ибо в значительной мере такие хозяйства образовывались в результате колонизации (ближней и дальней) и переселения»².

Вопросы, связанные с обычным правом, его соотношением с официальным законодательством второй половины XIX века стали объектом внимания советской историографии в основном в 60-80-е годы. Данной проблемой, главным образом, занимались П.Н. Зырянов, В.А. Александров и др.³. Зырянов П.Н. полагал, что обычное право к концу XIX века стало тормозить капиталистическое развитие деревни; правосознание крестьян в тот период уже было подготовлено к восприятию твердых оснований писаного права.⁴

По мнению Александрова В.А., условия существования сельской общины способствовали живучести «неписаной совокупности правовых норм», по своей юридической сущности расходившихся с законодательными нормами».⁵ Кроме того, историк отмечает, что обычное право есть право сословное (в силу своей социальной природы), этот вид права является динамичным явлением и изменяется под влиянием социально-экономических условий. Мы не вполне согласны с мнением автора, что обычное право становилось опорой крестьян в борьбе с властью феодалов, т.к. «в стойкости сохранения обычнорядовых норм отражалась борьба крестьянина за свои социальные и хозяйственные права»⁶.

В целом, советская историография 60-80-х годов уделяла наибольшее внимание классовому характеру проводимых реформ, подчеркивала их сослов-

¹ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация. М., 1997.

² Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С.35.

³ Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861-1914 гг.) // История СССР. 1980. №4; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976; Он же. Обычное право крепостной деревни России, XVIII - начало XIX в. М., 1984; Он же. Обычное право в России в отечественной науке XIX - начала XX в. // Вопросы истории. 1981. №11; Пушкаренко А.А. Обычное право позднефеодальной эпохи // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России/ Отв. ред. В.Т.Пашуто. Воронеж, 1983.

⁴ Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып.6. Вологда, 1976. С. 100-101.

⁵ Александров В.А. Отечественная наука XIX – начала XX века об обычном праве в России // Социально политическое и правовое положение крестьянства в пореформенной России. Воронеж, 1983. С. 16-17.

⁶ Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 1981. № 11. С.55.

ный характер, продворянскую и антикрестьянскую сущность. Происходили дискуссии о соотношении феодальных и капиталистических элементах в крестьянской и других реформах, государственной политике в отношении крестьянского сословия, и их влияния на развитие русской деревни. Делался непререкаемый вывод о «прусском пути» эволюции сельского хозяйства в России¹. В значительной мере историография этого периода исследовала экономический и социально-политический аспекты жизни русской деревни, в том числе и сибирской. Детально изучались классовая борьба крестьянства, его первая и вторая «социальные войны». Непререкаемым авторитетом в последней инстанции для историков этого времени были работы классиков марксизма-ленинизма. Очень часто игнорировались факты, не подпадающие под жесткую идеологическую схему, или подавались в нужной интерпретации. Но, несмотря на свою идеологическую направленность, эти работы не утратили своего значения и в настоящее время в силу основательно изученных поставленных проблем и вопросов, богатейшего фактического материала и огромного количества изученных источников.

В конце 80-х годов прошлого столетия и первого десятилетия нынешнего отечественная наука под влиянием социально-политических перемен, происшедших в нашем обществе, отходит от жестких идеологических схем. Появляется большое количество работ, написанных на основе новых методологических принципов и приемов. Проводятся конференции, семинары, круглые столы, посвященные как уже изученным, так и новым проблемам пореформенного развития России². В этот период начинает широко применяться теория модернизации. Появляется целый пласт исторической литературы, посвященной проблемам модернизационного развития России³. В центре внимания отечествен-

¹ Ленин В.И. Аграрный вопрос России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т.17. С.57-137.

² Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. №5; 1993. №2,6; 1994. № 2,4-5; 1995. № 3,4,6; 1994. №4; 1997. №2; 1998. №1 и т.д.; Медушевский А.Н. Реформы в России XIX – XX веков: западные модели и русский опыт. Коференция во Франкфурте-на Майне // Отечественная история. 1996. №2; Воронин В.Е. Всероссийская научная конференция «Реформы и революции в России: XIX-XX вв.» // Отечественная история. №1.

³ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России от сороковых к девяностым годам XIX в.М., 1997; Российская модернизация XIX-XX веков: индустриальные, социальные, экономические перемены: Сборник научных статей. Уфа, 1997; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право// Отечественная история. 2001. №2-3. Ковалев Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX – первой четверти XX в.(на материалах Подмосковья) // Отечественная история. 2002. №2; Бородкин Л.И. Опыт российской модернизации XVIII-XX в.// Отечественная история. 2003. №5; Козлов С.А. Аграрная модернизация Центральной нечерноземной России в конце XVIII-начале XX в. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2; Захарова Л.Г. Великие

ных ученых оказываются дискуссионные вопросы о месте России в мировом историческом процессе, о сути модернизационных процессов и их составляющих, о хронологических рамках российской модернизации и ее характере, о причинах отсталости экономического развития России, в том числе и аграрной, и т.д. Данные вопросы носят дискуссионный характер и в настоящее время.

В отечественной историографии последнего времени также уделялось значительное внимание обычному праву. В частности, данной проблемой занимались историки-этнологи: Х.М. Думанов, А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, С.И. Нагих, С.А. Токарев, Б.Х. Бгажнок и др.¹.

Ю.И. Семенов считает, что уже в раннепервобытном обществе в межобщинных отношениях возникали зачатки обычного права, в позднепервобытном обществе они становятся отчетливее и в эпоху классовообразования оформляются в подлинное обычное право, обеспеченное политической властью².

С.И. Нагих отмечает, что санкции обычного права значительно суровей санкций официального права в развитом классовом обществе. Это связано с тем, что правящая элита стремится защитить нарастающую частную собственность и подавить своеволие индивида в переходное время, когда рвутся и перестраиваются социальные связи³.

С.А. Токарев поставил вопрос: действовали ли постпервобытные синкретные поведенческие нормы в одних лишь крестьянских общинах? Отвечая на него, он писал: «Мы живем нормами, оплетенными со всех сторон обычаями, частью старинными, частью более новыми. Мы так привыкли к ним, что, как правило, и не замечаем их, хотя подчиняемся им на каждом шагу. Дело касается именно обычаев, как бы неписанных законов, а не законов в собственном смысле этого слова. Лишь в редких случаях затрагиваются, и то лишь косвенно, те или иные статьи закона, гражданского или уголовного права»⁴. Думается, что здесь С.А. Токарев смешивает обычаи вообще с «неписанными законами», т.е. с тем, что часто называют обычным или общинным правом.

реформы 1860-1870-х гг.:поворотный пункт российской истории //Отечественная история. 2005.№4; Алексеева Е.В.Диффузия европейских инноваций в России XVIII-XX вв.М., 2007.

¹ Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. 2000. №1; 2001. №9; Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. №4; Он же. Основные понятия обычного права. Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического изучения // Советская этнография. 1980. №3; Бгажнок Б.Х. Адыгейская этика. Нальчик, 1999.

² Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права. Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 15-17.

³ Нагих С.И. Указ. соч. С.40.

⁴ Токарев С.А. Указ. соч. С.54.

Х.М. Думанов, А.И. Першиц в своих работах попытались показать, что к поведенческим нормам «дополитического общества» неприменимо понятие «обычное право». По их мнению, это не обычное право, а мононорматика, в которой слиты все виды поведенческих норм – правовые, этические, этикетные¹. Согласно развитой концепции А.И. Першица в эпоху классов и политогенеза первобытная монопрактика перерастает в обычное право и на этом в основном прекращает свое существование². Эти же авторы видят следующую структуру обычного права (его основные отрасли) – уголовное право, имущественное право, брачно-семейное право, процессуальное право.

Многие историки, юристы, этнологи в своих работах отмечали противоречивость термина «обычное право»³. Однако введение нового термина, расширяющего или корректирующего традиционный, до настоящего времени не выработано ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Таким образом, и в настоящее время остается дискуссионным вопрос о существовании обычного права вообще, и, в частности, в русской крестьянской общине. Несомненно одно: под влиянием модернизационных процессов во второй половине XIX-начале XXв. в России традиционное правовое мировоззрение и поведение крестьян подверглись значительной трансформации и существенно приблизилось к официально-нормативному законодательству, в том числе и в южноуральском регионе.

Большой вклад в изучение крестьянской общины и обычного права на региональном уровне внесли труды М.М. Громько и Н.А. Миненко. М.М. Громько выделила основные проблемы для изучения истории сельской общины, выявила главные направления её исследования. Она отмечает, что обширное поле для изучения представляют взгляды крестьян на общину, традиционные нормы поведения и общения крестьян, их внутренний мир⁴. В ряде своих работ М.М. Громько проводит изучение традиционной материальной и духовной культуры крестьян, поднимает вопросы, касающиеся механизмов воспроизводства культуры, а также социального поведения, культурной роли общины. Особо она выделяет роль семьи и общины как институтов социализации. Основы-

¹ Думанов Х.М., Першиц А.И. Указ. соч. С.85.

² Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. М., 1979; Он же. Нормативное сознание // История первобытного общества. Эпоха классового разложения. М., 1988.

³ Думанов Х.М., Першиц А.И. Указ.Соч. С. 89; Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. С.76; Фойницкий И.Я. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1909. С. 27-28; Евреинов Г.А. Самобытность или отсталость. СПб., 1905. С. 12-14; Якушкин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль. 1909. Вып.4. С.58.

⁴ Громько М.М. Культура русского крестьянства XVII-XX веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. №3. С.39-60.

ваясь на общероссийском и сибирском материале, М.М. Громыко приходит к важному выводу: «Повседневное поведение крестьян нормировано традициями, охраняемыми общественным мнением и основанными на широком комплексе нравственных, религиозных и социальных представлений... нормы поведения осознавались, им учили, а не только воспринимали из жизни традиционных форм»¹. Значительное место в других работах автора уделено духовной культуре, этике и социальной психологии крестьян. В целом, труды М.М. Громыко трудно переоценить в качестве прочной базы для дальнейшего изучения культуры, в том числе и правовой, крестьянства России и Сибири².

К работам М.М. Громыко примыкают и конкретизируют их труды Н.А. Миненко³. Н.А. Миненко удалось полно и разносторонне показать своеобразие культуры зауральского крестьянства, его психологии и внутреннего мира. В работах автора получили отражение и были изучены отношения крестьян внутри семьи и общины, трудовые и бытовые традиции в эпоху феодализма. Основной заслугой автора является воссоздание целостной картины культурной жизни Урало-Сибирского региона до середины XIX века.

Также интересны работы Т.С. Мамсик. В этих работах рассмотрены основные стороны жизни и деятельности, хозяйственного быта и социальной активности сибирской и уральской деревни, содержатся сведения о том, какие меры принимала община против недовольных и социально опасных для себя членов общины, указывается, что это было не только экономическое давление, но и прямое насилие. Таким образом, Мамсик Т.С. в своих трудах рассматривает различные, в том числе и полицейские функции общины⁴.

¹ Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 270.

² Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.) Новосибирск, 1975; Она же. Труд в представлении сибирских крестьян XVIII- первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVII -н. XX в. Новосибирск 1975; Она же. Трудовые традиции XVII - XIX веков и проблема современного сельского хозяйства// Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. С. 160-170; Она же. Мир русской деревни. М.,1991.

³ Миненко Н.А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половины XIX в.// Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII- н. XX в.). Новосибирск, 1978; Она же. Русская крестьянская семья Западной Сибири (XVII - первая половина XIX в.). Новосибирск,

1979; Она же. О влиянии социального расслоения на материальную культуру русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX века// Культурная жизнь Сибири XVIII - XX веков. Бахрушинские чтения. 1981. С.106-113; Она же. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни XVIII - первой половины XIX века. Новосибирск, 1989; Она же. Культура русских крестьян Зауралья XVII- первой половины XIX в. М., 1991.

⁴ Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.)// Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири XVII- начала XX в. Новосибирск, 1985.С.105-120; Она же. Крестьянское движение в Сиби-

Одной из главных черт исторического развития Сибири была ее колонизация. Несомненно, что этот процесс оказал значительное влияние на обычное право в крестьянской общине на региональном уровне. Поэтому ее ключевым проблемам посвящено довольно значительное число монографий. Так, А.Д. Колесников исследовал вопрос о штрафной колонизации Сибири, роли ссылки в ее освоении, постарался определить количество ссыльных в русском населении Западной Сибири в XVIII – XIX вв. и пришел к выводу, что «ссылка, хотя и сыграла некоторую роль в формировании сибирского населения, но ссыльные во все периоды освоения Сибири составляли значительно меньшую часть ее всего населения»¹.

В 70-80-е годы прошлого столетия сибирские историки выпустили значительное количество научных сборников, посвященных политической ссылке и каторге в Сибири. В этих сборниках исследовались источники по истории освоения Сибири, историография ссылки, расселение и положение ссыльных в Сибири, влияние ссылки на местную крестьянскую общину и ряд других вопросов, связанных с данной проблемой². Однако существенным недостатком указанных сборников является то, что уголовной ссылке и каторге, их влиянию на сибирскую крестьянскую общину фактически не уделено никакого внимания.

В постсоветский период штрафную колонизацию, уголовную ссылку, их воздействие на местное население Сибири изучали А.Д. Марголис, П. Кошель, П.Н. Бортникова и другие³.

ри. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987; Она же. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на мирскую должность // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1997. С.171-172.

¹ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С.379.

² Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978; Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1983; Политическая ссылка в Сибири, XIX – начало XX в.: историография и источники / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1987; Источники по истории освоения Сибири в период капитализма: сборник научных трудов / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1989.

³ Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995; Он же. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975. С. 223-237; Он же. Система Сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. С. 126-140; Кошель П. Ссылка и каторга в России // История. 2003. № 2. С.7-15; Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998; Она же. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801-1917 гг. Тюмень, 1999; Никитина И.В. Формирование и развитие пенитенциарной системы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007.

В зарубежной историографии также уделялось серьезное внимание русскому обычному праву, девиантному поведению крестьян и преступности в их среде. Назовем лишь некоторых авторов.

Т. Парсонс отмечает, что после 1861 г. в связи с крестьянской реформой нормы обычного права в народной среде подверглись существенным изменениям. А с разрушением традиционной крестьянской общины обычное право теряет свое значение, уступая место официальному российскому законодательству¹.

Другой американский историк Д. Кристиан обратил внимание на такой «правовой» обычай в крестьянской среде как «напой», служащий существенным средством примирения между потерпевшим и преступником.

Д. Кристиан также указывал на коррупционность волостных судей, очень часто зависящих от сельской верхушки и общественно-волостной администрации².

В своей работе «Преступление и наказание в российской деревне: деревенские представления о преступлении в конце XIX в.» К. Фрайерсон, на наш взгляд, существенно преувеличивает влияние обычного права в крестьянской общине, ошибочно относит самосуд к нормам обычного права, а само это право рассматривает как продукт дикого произвола и невежества³. В частности, она пишет: «Самосуд представляет крестьянскую реакцию на противоправные действия, которые требовали отклика извне – от формальной законодательной системы, которая должна была установить ряд наказаний: от простой оплаты счета за нанесенный ущерб до серьезного и эффективного возмездия... Но эта система не удовлетворяла крестьян, поэтому крестьяне верили, что самосуд не только оправдан, но и, действительно, необходим»⁴.

Из работ последнего времени следует выделить труды Т. Шанина, в которых автор доказывает одновременное существование обычного и официального права в русской деревне, его однообразие по всей России (что является весьма спорным утверждением), стремлением административной системы России покончить с обычным правом в конце XIX и особенно в начале XX в. Автор считает, что в силу ряда экономических, социальных, политических и культурных

¹ Parsons T. Transformation Russian society. Change after 1861. Some main features industrial society // The Slavic Review. 1989. Vol. 47. N. 2. p.77.

² Hristian D. Vodka and corruption in Russia in age of Emancipation // The Slavic Review. 1992. Vol. 45. N. 3. p.34.

³ Frierson C. Crime and Punishment in the Russian village: Rural concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. 1987. Vol. 46. N. 1.

⁴ Frierson C. Op. Cit. p. 65.

причин обычное право в русской деревне было необыкновенно живучим явлением и сохранялось в русской деревне еще в период НЭПа¹.

Таким образом, анализ литературы по исследуемой проблеме показывает, что изучение обычного права в русской крестьянской общине имеет довольно глубокие исторические корни в отечественной и зарубежной историографии. Его изучение касается многих аспектов экономической, социально-политической и культурной жизни сельской общины и сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Н.В Шихардин

АНРИ ЛЕФЕВР: РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Анализ повседневности – одна из характерных черт неомарксизма. С одной стороны, это объясняется его культурологической направленностью; с другой – генетически обусловленным интересом к проблеме существования человека в обществе отчуждения. В исследованиях повседневности прослеживаются два основных подхода: либо противопоставление культуры – праздника творчества, духовных сил и цивилизации как рутинной технизированной деятельности (например, у Г. Маркузе), в этом случае повседневность принадлежит цивилизации и, в конечном счете, должна быть преодолена в творчестве; либо повседневность понимается как «посредник» между природой и культурой, именно в ней происходит реализация насущных потребностей человека, получающих таким образом культурную форму и значение. Так, А. Хеллер (Heller A. *Everyday Life*. Cambridge, 1984) ставит задачу возвращения в повседневность, где человеческие действия обретают реальный человеческий смысл. Фактически, именно об этом возвращении в жизненный мир, мир подлинного бытия, идет речь и в работах Анри Лефевра.

Тема повседневности – одна из сквозных в его социально-философском наследии, но теоретические и методологические основания ее анализа претерпевали изменения, отражая эволюцию воззрений французского мыслителя.

В перипетиях интеллектуальной биографии Анри Лефевра (1905-1979 гг.) отразился один из этапов развития марксистской философской мысли во Франции. Доктор филологии, профессор социологии сначала в Страсбурге, затем в Нантере и, наконец, в Парижском национальном центре научных исследований Лефевр был автором весьма заметных работ, посвященных творчеству Декарта, Дидро, Паскаля; его «Введение в эстетику», написанное в 1948 году, было опубликовано в СССР шесть лет спустя. Такие книги как «Национализм против

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 – 1917-1922 гг. М., 1997; Он же. Обычное право в крестьянском сообществе // *Общественные науки и современность*. 2003. №1.

нации» (1937 г.) и «Экзистенциализм» (1946 г.) сыграли заметную роль в распространении марксизма во Франции.

Совсем молодым человеком в 1928 году Лefевр вступил в коммунистическую партию, активно занимался пропагандистской деятельностью. Он защищает вклад марксизма в теорию познания, вместе с Н. Гутерманом отбирает к публикации материалы из «Рукописей 1844 года», включается в кампанию критики Сартра, которую вели французские марксисты в конце 1940-х годов, хотя, в основном, работает в сфере литературной критики. Однако, уже в ранних работах Лefевр обнаруживает симптомы инакомыслия: у него собственное видение проблем соотношения теории и практики, философии и политики, науки и идеологии, познания как отражения. Лefевр признавался, что, примкнув к марксизму «во имя революционного романтизма», никогда не стремился к коллективной идеологической самодисциплине: «Я чувствую себя и утверждаю себя индивидуалистом в самой основе»¹.

На протяжении ряда лет теоретические «шаги в сторону» Лefевру «прощались», хотя и становились объектом критики со стороны «товарищей по оружию». Что касается политических «шагов в сторону», таких, как заявления по поводу XX съезда КПСС и особенно венгерских событий 1956 года, то они не могли остаться без принятия организационных мер. В партийные ряды Лefевр больше не вернулся. После разрыва с ФКП центральная проблема исследований Лefевра – человек в современном мире. Следует отметить, что ревизионизм Лefевра с самого начала носил философский характер и уже как следствие приводил к соответствующим политическим выводам.

Многие исследователи именно Лefевра считают патриархом французского неомарксизма. Он подвёл под неомарксизм онтологическую и гносеологическую базу, опубликовав в коллекции журнала «Аргументы» свою ключевую работу «Метафилософия», в которой определил марксизм как новый тип философии и социологии, имеющий явно выраженный гуманистический характер: «Человеческое сознание обязано марксизму новым идеалом конкретной свободы»². Высшее достижение Маркса Лefевр усматривает в провозглашенной и частично достигнутой трансцендентности философии. Традиционная философия была потеряна в различных формах отчуждения, которые вытекали из отчуждения мысли от действия.

Новая форма мысли – метафилософия имеет ряд особых характеристик: она антисистематична, не онтологична, не антропологична³. Лefевр дает определение метафилософии через отрицание важнейших признаков марксистской

¹ Lefebvre H. La Somme et le Reste (Prix des critiques). P., 1959. Vol. 1. 353 p. Vol. 2. 358-777 p.

² Lefebvre H. Problèmes actuels du marxisme. P., 1958.

³ Lefebvre H. Métaphilosophie. Prolégomènes. P., 1965.

теории. Вместе с тем, его отрицание не абсолютно: метафилософия должна начаться с величайшего достижения Маркса – теории отчуждения.

Изменение отношения к марксизму вообще и к теории отчуждения в частности прослеживается в цикле работ Лefевра, посвященных анализу повседневной жизни. Концепция повседневности выстраивалась Лefевром постепенно. Подступы к ней появляются еще в 1936 году, когда был опубликован первый том из серии «Пять очерков материалистической философии» под названием «Мистифицированное сознание».

Второй том с подзаголовком «Основания социологии повседневности» появился в 1961 году. В 1968 году увидел свет третий том «Повседневная жизнь современного мира». С публикацией этого тома серия получила название «Критика повседневности». На протяжении всей своей дальнейшей научной карьеры Лefевр настойчиво возвращается к данной теме.

Первый том был не столько отступлением от Маркса, сколько попыткой осмыслить концепцию отчуждения. Во введении к работе концепция отчуждения Маркса предстает как всесторонне развитая теория повседневной жизни. Лefевр предпринимает исследование, по его словам, для того, чтобы напомнить философам-марксистам о том, что революция требует трансформации сознания, которое, безусловно, зависит от материальных оснований повседневной жизни. Повседневность выступает как негативное определение гнетущего, заурядного, безрадостного существования, она характеризуется через отчуждение, фетишизм, потерю чувства удовольствия от жизни. Следует признать, что анализ носил довольно абстрактный характер и не касался структуры повседневности, ее структурообразующих признаков.

Во втором томе разрыв с марксистской традицией становится очевидным, и концепция повседневной жизни фактически разрабатывается за пределами теории отчуждения. В марксизме, утверждает Лefевр, повседневная жизнь, располагаясь на границе между базисом и надстройкой, превращается в слепое пятно, так как понятие «практика» к ней неприменимо, это область, предназначенная исключительно для человека¹. Отвергая образ общества как надстройки, опирающейся на базис, Лefевр определяет повседневную жизнь как уровень, вызывающий многовалентный образ и включающий, в свою очередь, ряд уровней, имеющих собственное значение. Вторым том изобилует понятиями, которые появляются так же неожиданно, как и исчезают, не образуя системы, без должного определения. Тем не менее, попытка разработать дефиницию повседневной жизни была осуществлена не только теоретически, но и на базе мас-

¹ Lefebvre H. Critique de la vie quotidienne. P., 1947-1962.

штабного эмпирического исследования. С этого времени концепция повседневности вписывается в более широкую теорию современности («modernite»).

Для Лefевра современный мир (эпоха модерна) является не унифицированной социальной формацией, но переходным периодом к «окончательной революции». В 1968 году он дал ему имя «бюрократическое общество контролируемого консьюмеризма»¹. Лefевр обращает внимание на тот факт, что многие сущностные черты современности не совпадают с перспективами, намеченными Марксом:

- революции в слаборазвитых странах служат средством их модернизации;

- на Западе революции, напротив, не происходят, хотя противоречия, на которые указывал Маркс, сохраняются до сих пор, например, концентрация богатства на одном полюсе и обнищание на другом;

- возникают новые идеологические структуры и формы отчуждения;

- трансформируются прежние классы, появляются новые или иначе осознающие себя социальные группы: «белые воротнички», женщины, молодежь, мигранты и т.д., испытывая новые формы отчуждения, они могут накапливать значительный потенциал радикализма;

- рабочий класс, во многом интегрированный в систему социального потребления, утрачивает свои революционные цели. Тем не менее, настаивает Лefевр, пролетариат не исчезает, напротив, иные социальные группы склонны генерализоваться и перегруппироваться в «новый рабочий класс»².

Наиболее значительные по своим последствиям изменения, по мнению Лefевра, произошли не в экономической или политической сферах, а в повседневной жизни. Повседневность лежит под поверхностью: поверхностью современности. Лefевр постоянно подчеркивает ее внутренне противоречивый характер, но именно в этих противоречиях скрыт источник трансформации. Лefевр пишет: «Одни проявляют нетерпимость по отношению к повседневному; они желают «изменить жизнь» и немедленно; они хотят всего и сразу! Другие полагают, что опыт обычной жизни не является ни важным, ни интересным, и вместо того, чтобы пытаться понять его, следует его минимизировать, взять в скобки, чтобы «расчистить место» для исследований науки, техники, проблем экономического роста и т.д.»³.

Первым Лefевр отвечает: «изменение повседневности требует определенных условий. Нельзя порвать с повседневностью посредством некой экзаль-

¹ Lefebvre H. *Everyday life in modern world*. Transl. S. Rabinovich. N. Y., 1971

² Lefebvre H. *Position: Contre les technocrats*. P., 1967

³ Лefевр А. Повседневное и повседневность// Социологическое обозрение. Т. 6. № 3. 2007. С. 36.

тации, будь то мирной или насильственной. Чтобы изменилась жизнь, должны быть изменены общество, пространство, архитектура, даже город». Вторым можно ответить следующим образом: недопустимо сводить значение проживаемого опыта к нулю, понимать неадекватность ханжеского гуманизма не означает смотреть на людей как на насекомых¹.

В результате анализа повседневности Лефевр приходит к разграничению понятия «повседневное» и концепта «повседневность». Повседневное можно определить как набор функций, которые связывают и объединяют системы, кажущиеся различными. Что касается повседневности – это концепт, реальность, которую он обозначает, есть главнейший из продуктов в эпоху, когда производство порождает спрос, когда производители манипулируют потребителями. Концепт повседневности, следовательно, не означает систему, но скорее является знаменателем, общим для существующих систем – юридической, договорной, педагогической, финансовой, правоохранительной. «Почему исследование банального, – замечает иронически Лефевр, – должно само быть банальным? Не является ли сверхъестественное, поражающее, даже магическое, частью реального? Почему бы концепту повседневности не раскрыть экстраординарное в обычном?»².

Некоторые из выделенных Лефевром координат повседневности совпадают с её рассмотрением в других концепциях, например, в социальной феноменологии А. Шюца, другие отражают собственные неомарксистские позиции автора. К числу первых можно отнести представления о времени повседневности.

В повседневной жизни, утверждает Лефевр, массы испытывают напряжение между двумя типами времени. В традиционном, крестьянском обществе циклическое время, ассоциированное с природными процессами, было культурной доминантой. Индустриальное общество породило новое кумулятивное время, линейное и прогрессивное, базирующееся на механических объектах, которые потеряли прежние ритмические свойства. Хотя кумулятивное время пронизывает всё, повседневная жизнь, тем не менее, требует отдыха, рекреации, воспроизводства жизни. Так возникает точка, в которой революционные действия всегда могут прорвать рутину. «Повседневная жизнь есть ... время желаний, спонтанного обновления»³.

Когда Лефевр говорит о скрытых в повседневности возможностях изменения способа существования человека, на первый план выходит его неомарксистская позиция. Для Лефевра главное противоречие современности – это

¹ Там же.

² Там же. С. 35.

³ Lefebvre H. *Everyday life in modern world*. Transl. S. Rabinovich. N. Y., 1971.

противоречие между технологическим прогрессом, видоизменяющим все формы социализации, и новым типом существования, который появляется и исчезает вне общего движения истории.

Появление «современного» общества идет рука об руку с дезинтеграцией стиля, унификацией самых тривиальных актов в значимое культурное целое. Возвращаясь к своему увлечению сюрреализмом в 20-е годы, Лефевр заимствует концепцию стиля из антиконформистского романтизма, сфокусированного на бунтарскую позицию героя, правда, эта позиция не имеет отношения к политической сфере. В условиях «современности» повседневная жизнь стала более значащей, чем сфера производства, только здесь осталось еще место для творчества человека, для того, чтобы раскрыться. Повседневная жизнь – это время желаний, спонтанных возобновлений и возникновений, она балансирует между скукой и возрождением стиля в празднике, который объединяет всех вместе, соединяет фрагменты.

Массы, приватизировав повседневную жизнь, сделали свой судьбоносный выбор. Свободная, автономная, неуправляемая и неконтролируемая, она не считается с усилиями бюрократического капитализма, это точка его отрицания. В эпоху всевластия бюрократических и технократических тотальностей лишь частный опыт индивида, его межличностные связи в повседневной жизни еще сохраняют остатки первоначального, естественного состояния.

Обыватель вышел из игры, ушёл в сферу повседневности, поскольку только здесь человеческое бытие находит то, что позволяет ему сохраниться как целостность, тотальность, а не как «пазл» некой мозаичной общности. По мнению Лефевра именно в сфере повседневности, в этой иррациональной, социально-гомогенной жизни идёт тотальная революция. Повседневное и скрывает изменения, и обнаруживает их. Здесь происходит переворот в человеческом существовании, сглаживаются драмы и трагедии эпохи. Повседневность приводит, даже вопреки себе, к торжеству добра¹. Бегство в повседневность, предлагаемое Лефевром, напоминает идею Руссо о спасении от пороков современного ему мира возвращением к естественному существованию в единстве с природой, идею, хотя и гуманистическую, но достаточно утопичную по своей сути.

Повседневная жизнь у Лефевра вытесняет марксово «рабочее место» и фиксирует точку бифуркации, напряжения в историческом процессе, до тех пор невидимую для марксистов. Повседневная жизнь традиционно представлялась как область пассивности, скуки, однообразия, в которой массы усматривают социальную, общественную жизнь как спектакль.

¹ Там же.

Ненадежный, хрупкий баланс между пассивностью масс и их послушанием, точным выполнением функций, обеспечивается постоянным вторжением в их жизнь новых товаров и деятельностью средств массовой информации. Товар для Лефевра, как и для Маркса, – форма обмена и коммуникации, тем не менее, Лефевр трансформирует концепцию товарного фетишизма в лингвистический анализ.

Лефевр утверждает, что для повседневной жизни современной эпохи характерно преобладание знаков над признаками, символов над образами. Прежде фундаментальное взаимодействие имело место между изолированным потребителем и изолированным объектом потребления. Потребляемые товары были знаками, чье значение содержалось в них самих. Семиотическая область повседневной жизни свела действие потребителя к рефлексу, к автоматической реакции, к пассивности. Реклама обещает самореализацию через потребление, значимость индивида достигается актом потребления, в ней всегда скрыта агрессивность и угроза. В этом взаимодействии объект активен, а субъект пассивен. Символы имеют ценность сами по себе без отношения к обозначаемому объекту.

Лефевр отмечает возрастающее освобождение языка от практико-сенситивных референций, движение коммуникации к бессмысленности и абсурду. Этот процесс начался в эпоху Возрождения с рождением товарной экономики, когда цепи значений были оторваны от знаков. В современном мире вещи начали обретать самостоятельное существование. Слова заменяются образами с помощью масс-медийных средств, чтобы умиротворить потребителей.

Повседневная жизнь первоначально была «точкой отсчета», где знаки появляются. Изобретение письменности отодвинуло коммуникацию от личного, прямого выражения слова. Письменность стала формой «насилия, террора, доминирования», односторонней формой коммуникации, которая позволила правящему классу мистифицировать свою власть через пропаганду¹.

Позиция Лефевра неоднократно подвергалась критике со стороны Ж. Дерриды, для которого слово само было формой текста, поскольку он связывает значение и знак через систему различий, артикулированных языком. Вследствие этого, шансы разрушения коммуникации в письменной речи не больше, чем в устной. Что касается Лефевра, то для него знак, образ, письменность – все работает на ухудшение коммуникации, исчезновение общего горизонта общения.

Потребительское общество организует господство через слово. «Что случилось? – пишет Лефевр. – Как некто мог экспроприировать рабочий класс, похитить его объективность, его цели, значения? Произошло гигантское замеще-

¹ Lefebvre H. Position: Contre les technocrats. P., 1967. P. 50-52.

ние... Человек – не субъект, но место, которое потребляет. Кто говорит? Тот, кто учит потреблению. Кому говорят? – потребителю»¹.

Роль структурализма в процессе разрушения повседневной жизни была для Лefевра очевидна. Провозглашение «смерти» человека, отрицание субъекта расценивается им как идеологическая легитимизация новой формы отчуждения. Когда структуралисты объявили, что царством систем, языков и эпистемологии являются структуры, они даже не заметили исчезновения субъекта. Устранение субъекта при движении от фактов к теоретическому анализу, провозглашенное структурализмом, было идеологической мистификацией, даже если признать, что результат этой мистификации не был намеренным.

Лefевр пытается переформулировать социально-историческую теорию субъекта, избегая онтологизации последнего, он видит в этом главную задачу неомарксизма: «нет необходимости приносить субъекта в жертву. Мы отделяем от философии концепцию субъекта, чтобы трансформировать её. Это двойная трансформация. С одной стороны, мы имеем социальных субъектов – группы и классы. С другой стороны, мы имеем социальных агентов, способных разрабатывать и претворять через действия экономические, политические, военные и т.д. стратегии. Общество может быть определено не как субъект, но как ансамбль (совокупность) социальных субъектов (не без лакун) и как сеть социальных агентов (не без разрывов)»².

Фактически, лefевровское неомарксистское изучение буржуазного класса совпадает с тем, что предпринял Сартр в «Критике диалектического разума». Речь идет о том, что буржуазия создает свое бытие только через обладание, престиж, заслуги, оставляя перманентным вопрос разрыва между её проявлением как буржуазии, и её бытием как буржуа в сущности. Путь аристократа всегда был аристократичен. Разрыв между «быть» и «иметь» создаёт для буржуа неразрешимую моральную проблему.

В 1968 году выходит последний том из серии книг, посвященных метафилософии повседневности: «Повседневная жизнь в современном мире», который, интегрировав исследования 60-х годов, сформулировал программу действий: технологии – в обслуживание повседневной жизни, автоматизацию – в сферу экономическую, упразднение государства и самоуправление – в сферу политическую.

Проект, предложенный Лefевром, оказался весьма эклектичен, тем не менее, он не был утопичен, хотя многие из его идей заставляют вспомнить о Шарле Фурье. Проект базировался на существующих технических возможностях, социологическом анализе отчуждения в многообразии его форм, прису-

¹ Lefebvre H. Position: Contre les technocrats. P., 1967. P. 107.

² Lefebvre H. Position: Contre les technocrats. P., 1967. P. 100.

щих повседневной жизни, и предлагал методы, которыми можно достичь изменений.

Новую жизнь, по мнению Лефевра, невозможно ни декретировать сверху, ни ввести снизу, но можно помочь ей, сделать так, чтобы она родилась как можно менее болезненно. Помощь может прийти и от искусства, и от образования. В бюрократически-технократическом обществе искусство процветает только в том случае, если оно концентрируется вокруг политической власти. Дух бюрократической организации вынуждает искусство либо безоговорочно перейти к ней на службу, либо обрести себя в борьбе, даже в бунте. Лефевр критикует метод «социалистического реализма», который оказался не способен на «очищающее» и «питающее» воздействие и адекватную реакцию на происходящие изменения. Он представляет собой искусственную конструкцию, подобную классицизму с его строго определёнными требованиями к творческому методу. Результат: теоретическая и практическая пустота, форма, лишённая содержания. Методу социалистического реализма Лефевр противопоставляет революционный романтизм. Его главный постулат – человек во власти возможно-го. Условиями ценности художественного произведения являются принципиальная аполитичность, субъективизм и иррационализм, проблеме истины нет места в искусстве: «поэт не лжёт», он раскрывает присутствие тотальности.

Новое искусство должно прийти на службу к повседневности. Музыка, архитектура, живопись могут создавать больше, чем декор и обрамление, они в силах реорганизовывать пространство, в котором живет человек, пространство в самом широком смысле. И если эта цель будет достигнута, то вместо того, чтобы смотреть, слушать или потреблять то, что привносится извне, люди будут просто жить...

Лефевр убеждён в идеологической природе градостроительства, которое называет себя то искусством, то наукой или технологией, согласно случаю и конъюнктуре. Как всякая идеология оно содержит в себе иллюзии. Термин «иллюзия» не является в данном контексте уничижительным и оскорбительным. Никто не может избежать иллюзий¹. Есть иллюзии у классов, которые нельзя свести к индивидуальным и интеллектуальным заблуждениям. Есть иллюзии философские – философ убежден, что может заключить мир в систему. Есть иллюзии у государства: оно знает, как управлять, сама идея государства предполагает эту иллюзию, так считают государственные клерки, большие и маленькие.

Градостроительная иллюзия связана с двумя предыдущими:

¹ Lefebvre H. Révolution urbaine. P., 1970. P. 201.

– как классическая философия, она претендует быть системой, совокупностью, философией города, оправданной гуманизмом (либерализмом) утопией;
– ни добрая воля, ни идеологически добрые намерения не оправдывают данную иллюзию, градостроительство подчинено воле технократов и чиновников.

Есть разного рода градостроители: гуманисты, промоутеры, государственные клерки и технократы. Одни предлагают абстрактные утопии, другие продают: образ жизни, уровень жизни, счастье, престиж. Что касается последних, то они создают идеологию и инструменты градостроительства. Лефевр верно фиксирует современную ситуацию, в которой пространство – уже не священная единица – земля, это продукт, имеющий свою цену, его можно продать, обменять, у пространства есть стоимость, и владеет им не архитектор. Дом – это пережиток эпохи феодализма. Градостроительная иллюзия – собственность государства, это тенденциозная рациональность, которая пытается создать иллюзию нейтральности. «Градостроительство как иллюзия скрывает путь, помещая на дороге препятствие из своих моделей. Это один из конфликтов, присущих современной научной мысли, – пишет Лефевр, – между путем и моделью, чтобы освободить путь, нужно разрушить модель»¹.

Поскольку градостроительство имеет два аспекта: идеология и учреждение, желание и репрессивное начало, то и город – носитель пассивности, адаптации и одновременно городского бунта, революции. Так же противоречив и потребитель городской жизни: «довольно отвратительный персонаж, который пачкает то, что ему продали новым и свежим, но, повреждая, он делает неизбежной замену»².

Позиция Лефевра скорее объективная, чем пессимистическая: не все так плохо в градостроительстве. Город вносит синтез в наше мировоззрение, он разбивает барьеры, порождая одновременно множество противоречий: между центром и периферией, между интегрированием и сегрегацией. Город, усиливая противоречия, свойственные обществу, становится центром политической борьбы и источником политических идей. Градостроительство предлагает образ, изобретение, пусть деформированное, будущего, в нем всегда есть утопический момент.

Именно урбанизированная среда содержит наибольший потенциал перемен. Прогнозы Лефевра во многом подтвердились в мае 1968 года. Когда студенты исторического факультета в Нантере захватили 22 марта 1968 года административное здание университета и объявили о создании «Движения 22 марта», впервые в истории постиндустриального общества рутина повседневной

¹ Lefebvre H. Révolution urbaine. P., 1970. P. 215.

² Lefebvre H. Révolution urbaine. P., 1970. P. 248.

жизни была целиком взорвана диссидентствующими группами. Третьего мая в Сорбонне группа анархистов выступила против действий администрации, изменившей правила посещения общежитий. Была вызвана полиция, произведены аресты. Университет продемонстрировал, что он плоть от плоти репрессивного государства, и это только усилило противостояние: на улицах Латинского квартала появились баррикады.

Начавшись как спектакль, события мгновенно создали угрозу многим социальным институтам. Авторитет власти начал рушиться не только в учебных заведениях, но и на заводах. 10 млн рабочих вышли на забастовку, а затем взяли контроль на своих рабочих местах. К 17 мая уже сотни предприятий были заняты трудящимися.

Массовые акции студентов требовали организационных форм, и они были найдены в «комитетах действия». Их особенностью стало сочетание исключительной демократичности со способностью заменить бюрократические институты. Возникла такая форма организации, которая не стремилась выработать систематизированную теоретическую, идеологическую, политическую платформу, но обеспечивала ее представителям творческую, неотчужденную деятельность. Пролетарские революции, утверждали ораторы Латинского квартала, будут праздником или их совсем не будет, они должны нести жизнь без скуки, радость без ограничения¹.

Комитеты действия стали успешным инструментом преодоления политического отчуждения, которое определялось А. Лефевром как отчуждение в государстве и при помощи государства. Его суть – разрушение целостности, фрагментация человека, его раздвоение на индивидуума и гражданина. Последний перестает интересоваться делами государства, не обнаруживает стремления контролировать его институты, принимать участие в их формировании. Лефевр констатировал: гражданин умирает, а вместе с ним умирает и демократия².

Освобождаясь от рутины повседневной жизни, Франция «начала говорить», спектакль бессмысленного труда, абсурдной жизни, пассивного потребления сменился радостным праздником коллективного творчества. Эффект собственного присутствия на сцене мирового театра, ощущение исключительности переживаемых перемен требовали художественного воплощения. И стены домов покрыли листовки, плакаты, многочисленные надписи, многие из них были сделаны студентами художественных факультетов. Здесь выразилось смешение идей Р. Люксембург, А. Бретона, В. Райха, К. Маркса, В. Ленина, Л. Троцкого,

¹ Poster M. Existential Marxism in post-war France: from Sartre to Althusser. P. 375.

² Lefebvre H. La Somme et le Reste (Prix des critiques). P., 1959. P. 117.

Ж.-П. Сартра, Г. Маркузе, Мао и Че Гевары. В мае 1968 года стены стали теоретичны:

- Власть воображению!
- Революция, которая началась, – вызов не только индивидуалистическому обществу, но и индивидуалистической цивилизации.
- Потребительское общество должно умереть насильственной смертью.
- Мы хотим нового мира. Мы отвергаем безопасное общество, в котором есть риск умереть от скуки.
- Мы ведем здесь великолепную жизнь. Мы спим, едим, творим, нам не нужны деньги, мы не думаем о них. Именно такое общество мы хотели создать!
- Я осуществляю свои желания, потому что верю в их реальность!
- В каждом из нас живет полицейский. Убей его сам!
- Запрещено запрещать!
- Действие должно быть не репродукцией, но творчеством!
- Осторожность обманывает удовольствие. Удовольствие в том, чтобы жить без осторожности!
- Революция должна быть непрерывной, чтобы существовать¹.

Эти знаменитые граффити отражали бунтарский дух студентов: изменение структуры и культуры, объекта и субъекта, общества и индивида. Как писал позднее один из участников «красного мая», «это было движение против какой-либо политической эстетики, формулы, какой-либо догмы, будь она правой или левой. Это отказ от образа жизни и способов мышления, включающих в себя одновременно марксизм, голлизм, центризм и т. д. Это острейшая потребность в новом языке, новой вере, новых увлечениях... это потребность по-новому мыслить, говорить, слушать, видеть, есть, любить, умирать»².

В граффити, несмотря на их пестроту и эпатажную заостренность формулировок, можно выделить несколько стержневых тем: это тема культуры как репрессивного феномена, извращения жизни; тема революционного экстаза и насилия как наиболее всесторонней его реализации; тема гедонистическая – мы хотим получать от жизни не боль, а радость. «Каждое из этих заявлений, – пишет К. Мяло, – декларированных в безусловной лозунговой форме, как бы претендует на то, что в нем сообщается некое откровение. И вместе с тем, внутри каждого из них можно обнаружить символ или образ, уже запечатленные в столь ненавистной для левого сознания объективированной, отчужденной

¹ Affiches. Mai 1968. P., 1968; Les citations de la revolution de mai. P., 1968; Les murs out la parole. Journal mural mai 1968. P., 1968.

² Rabignant P. L' Odéon est ouvert. P., 1968. P. 68.

культуре»¹. Это был утопический призыв к немедленной социальной трансформации.

Лефевр увидел в происходящем протест против тотальности повседневной жизни, а не против безработицы, парламента, администрации университетов. Это был протест против политических манипуляций, отказ от различных форм отчуждения, от того, чтобы быть кооптированным системой. Человек может стать подлинным человеком только тогда, когда повседневная жизнь превращается в праздник, отбрасываются репрессивные нормы, действует принцип *tout est permit* – позволено все, что не мешает жить другим. Повседневная жизнь должна включать гармонию желаний и удовольствий, игру и поэзию. Студенты объединили городскую партизанскую войну с городским праздником, насилие с фестивалем. Такое уже было в истории Франции, когда в 1789 году на месте за один день разрушенной Бастилии появилась площадь для танцев².

Лефевр ставит под сомнение не просто современное состояние общества и человека, но саму индустриальную цивилизацию, в которой утрачено подлинное богатство личности. Речь идет не о разочаровании в прогрессе, а о принципиальном изобличении той его формы, которая выступает в качестве силы, делающей человека объектом «калькуляции и манипуляции». Лефевр рассуждает от имени человека, воспринимаемого как мера всех вещей, как исходный момент всякого философствования. Его диагноз «недугов века» основывается не на отвлеченных понятиях, а на преднамеренном погружении в эмпирию повседневности.

Справедливость неомарксистской атрибуции позиции Лефевра весьма отчетливо прослеживается при анализе теории повседневности. Ее корни и немарксистские (Гуссерль), и западно-марксистские (Лукач), и собственно марксистские. Признавая заслуги феноменологической школы, Лефевр не может принять субъективистское понимание жизненного мира: «в феноменологии повседневность превратилась в таинственную трансцендентальность. В итоге, не осталось ни человека, живущего повседневной жизнью среди других людей, ни самой повседневности»³.

Давая характеристику современности, Лефевр фиксирует такой главный ее феномен как деперсонализация. Никакой кризис (экологический, энергетический, демографический и т.п.) не ощущается пока так остро, как кризис личности, утрата человеком собственной значимости, смысла жизни. Но если боль-

¹ Мяло К. Г. Идеология «тотальной свободы»// Вопросы философии. 1973. № 2. С. 103.

² Lefebvre H. The Explosion. Marxism and the French Upheaval. N.-Y., 1969. P. 115.

³ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 4-5.

шинство исследователей повседневности переносят в нее феномен деперсонализации, то для Лефевра – во многом для спасения от нее человек бежит под крыло повседневности, уходит в область обыденных забот, «живых» человеческих отношений, спасается от любой, регулирующей его существование «видимой» или «невидимой руки». Только в повседневности у человека есть шанс остаться самим собой. У Лефевра повседневность – «это место дел и трудов»; все высшее в зародыше содержится в повседневном и возвращается в повседневность, когда хочет доказать свою истинность»¹.

Лефевр воспринимает повседневность конкретно-исторически: в своем существовании она переживает состояние отчужденности, которое проявляется в сведении повседневности к быту, к забвению стиля, ослаблению влияния сакрального. Повседневность нужно реабилитировать, восстановить ее роль как посредника природы и культуры в непосредственности человеческой жизни.

И.С. Менщиков

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ЛОКАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Определить, что такое исторический регион, не так просто как кажется. Проблема эта не представляет больших трудностей для географа, поскольку он понимает, что любой регион имеет достаточно условные границы, так же как и любой образованный историк понимает условность всякой периодизации. Проводить границы по земле немногим легче, чем проводить их по времени. К сожалению, многие историки, определяя географические рамки своего исследования, зачастую подходят к этому механистически, руководствуясь прежде всего административными границами. Поэтому необходимо сказать несколько слов о том, что такое локальная история, каковы территориальные границы локальных общностей.

Обращаясь к проблеме истории локальных общностей, следует разграничить как минимум два круга вопросов. Прежде всего, необходимо выбрать критерии для определения границ этой локальной общности. В том случае, когда речь идет об отдельном городе или деревне, трудностей особых не возникнет. Однако более крупная территориальная единица – назовём её регион, исторический регион, поставит вопрос о лимитации своих границ.

¹ Там же. С. 11- 14.

Анализируя темы диссертационных и монографических исследований, можно прийти к обоснованному выводу, что в конце прошлого, XX века в отечественной историографии существовал выраженный интерес к локальной истории. Это объясняется тем, что локальная история долгие годы не существовала на научном уровне и была отдана на откуп краеведению, к которому она зачастую и сводилась. Не меньшую роль сыграл всплеск национализм и «парад суверенитетов», когда региональные исследования помогали ответить на вопросы: «Чья земля?», «Кто первый сюда пришёл и имеет на неё больше прав?» и другие.

В настоящее время мода на такого рода исследования, кажется, проходит. Как следствие, должна бы пройти и мода на локалистику. Однако когда конъюнктурная пыль улеглась, можно увидеть устойчивый интерес к локальной истории, актуальность и значимость её, которые мало зависят от социально-политической моды. С некоторым преувеличением можно сказать, что исследователи за пределами столичных центров обречены, в значительной части своей, именно на региональные исследования. Это ставит ряд вопросов, о которых уже говорилось выше.

Первый вопрос можно сформулировать так: «А что такое регион?» При всей кажущейся простоте вопроса, не так легко дать на него ответ. В своё время в немецкой географии под влиянием романтического идеализма сложилась школа Карла Риттера. Для него регионы были почти мистической реальностью, особыми индивидуальностями, созданными Творцом и данными человеку, чтобы тот обжил их в соответствии с божественным предназначением. Такие регионы существуют сами по себе и не зависят от точки зрения¹. Подобные представления не получили широкого распространения и вскоре стали достоянием истории науки. Практически все географы согласны с тем, что регион – понятие субъективное, которое выделяется исследователем по своему усмотрению. Это не приводит к субъективизму в географии, конечно. Это лишь означает, что географ сам определяет для себя точки, по которым пройдут границы региона в соответствии с поставленными им целями².

Во французской историографии, где хорошо разработана теория локальной истории, есть несколько подходов к делению пространства. Один из самых простых предложил признанный мэтр французской локалистики Э. Ле Руа Ладюри. Он предложил рассматривать в качестве основных единиц-регионов исторические провинции, такие как, к примеру, Бретань во Франции. Вместе с тем, в основу определения регионов легли и этнические составляющие. Правда, для Франции этнические границы и границы исторических областей совпадают.

¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2005. С. 46, 51, 55.

² Там же. С. 45 – 46.

Во всяком случае, по мнению Ле Руа Ладюри, для этнических меньшинств (эльзасцы, бретоцы, руссильонцы и т.д.). Таким образом, история региона связана с историей населяющего народа (в этнологическом смысле этого слова), который, хотя и подвергся ассимиляции и в чистом виде этносом считаться уже не может, тем не менее сохранил черты самобытности¹. Применительно к России, надо признать, этот подход годится только для её европейской части, да и то с известными оговорками – а существуют ли такие исторические провинции в России так же как во Франции или Италии? Принимая во внимание административно-территориальную чехарду, характерную для России последние шестьсот лет, завоевания, сокращение, а затем резкое увеличение территории, ответ на вопрос, по всей видимости, будет отрицательным. Едва ли мы найдем на территории, заселенной ныне русскими, исторические провинции, аналогичные Шампани или Бургундии во Франции, либо Пьемонту или Тоскане в Италии.

Другой подход к решению данной проблемы предлагает не менее крупный французский историк Ф. Бродель. В качестве наименьшей единицы - региона на которые распадается государственная территория он рассматривает «землю» (pays), то есть город и его окрестности, центром притяжения которых он выступает. Таковы, к примеру, город Бове и «страна» или «земля» Бовези².

Данный подход представляется более подходящим для выделения регионов в России. В самом деле, некие маленькие экономические центры и их периферия возникли в древности и сохранились, может быть, до наших дней. Однако централизованное государство нередко нарушало такие целостности, как умышленно, так и для удобства управления. Впрочем, в Европейской России такие территории могут быть выделены и определены.

Намного более сложной ситуация предстаёт в восточных регионах страны: Урал, Сибирь и т.п., где плотность населения была невелика и существовало смешение территориально-административных единиц и мест проживания различных этносов или различных систем хозяйствования.

Самое простое – пойти именно по пути выделения исторического региона в рамках территориально-административной единицы (губерния, уезд, в советское время – область). На данный путь подталкивает и источниковая база, коль скоро статистика и делопроизводство присутствуют именно по отдельной губернии или уезду или области. Но что даст такой подход применительно, скажем, к Тобольской губернии, которая была едва ли не самой большой в Российской империи? Зачастую исследователи охватывают лишь 3 – 4 южных округа/уезда. Если речь идет о Пермской губернии, то довольно трудно сопоставить различные регионы губернии, как это видно хотя бы на примере знамени-

¹ Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции. М., 2006. С. 9 – 16.

² Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Т.1. С. 18 – 36, 135.

того обзора данной губернии, составленного Х. Мозелем. Здесь и районы вокруг самой Перми, и северные земли, заселенные коми-пермяками (зырянами), и горно-заводской Урал, и зауральские уезды, более близкие по хозяйственно-экономическому укладу к округам Тобольской губернии (Шадринский, Камышловский и др.)¹.

Более продуктивным представляется в этой связи комплексный подход к выделению региона. Он предполагает несколько параметров, связанных между собой. Конечно, нельзя исключать административно-территориальное деление, тем более, что источники формировались чаще всего именно по этому признаку. Не менее важен географический фактор, поскольку природная среда оказывает существенное влияние на культурную, хозяйственную и иные сферы деятельности. Это обстоятельство надо учитывать, когда речь идет, допустим, о горных и равнинных уездах Пермской губернии или Барабинской степи и Тарском округе/уезде. Кроме того, необходимо учитывать тип хозяйственной деятельности. Так, к северу от Тобольского уезда преобладало присваивающее хозяйство, в то время как к югу было чрезвычайно развито земледелие, а на юго-востоке – кочевое скотоводство.

И, наконец, нельзя отбрасывать этнический фактор при определении исследуемого региона. Для Урала и Сибири характерно компактное проживание отдельных этнических групп, поэтому, определяя территориальные рамки исследования, необходимо помнить, что на таких территориях могли быть принципиально иные формы культуры и хозяйственной деятельности. В этой связи достаточно интересным представляется подход, предложенный О.Г. Завьяловой². Автор выделяет указанные составляющие при определении границ регионов и более мелких территориально-географических единиц, а также приводит иные, на наш взгляд менее важные для историка.

Второй вопрос, который нуждается в некотором прояснении: «Как изучать?» В западных школах локальной истории имеется достаточно хорошо разработанная система методов, методик и приёмов изучения прошлого в рамках того или иного региона. Для нас эти методы не всегда подходят. Это связано, прежде всего, с типом источников, которые во многом отличаются от итальянских или французских. Кстати, наиболее часто локально-исторические исследования в этих странах направлены на Средневековье или раннее Новое время. Кроме того, применительно к Уралу и Сибири широкая и надёжная источниковая база для исследования имеется в основном за последние два столетия, да и то многие источники, созданные ранее 1917 года, пострадали или даже уничто-

¹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2 Пермская губерния. СПб., 1864.

² Завьялова О.Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ. Тюмень, 2004.

жены в ходе Гражданской войны и последующих событий. Принимая во внимание тезис об информационной неисчерпаемости источника, встает вопрос о повышении информационной отдачи источников, уже введенных в научный оборот.

Правда, следует отметить, что содержание многих архивохранилищ Урала и Сибири ещё не в полной мере использовано историками-исследователями, многие ждут своих открывателей. Не в полной мере изучены материалы личных фондов, достаточно редко используются геодезические, географические и топографические данные. Не в полной мере, на наш взгляд, востребован потенциал фондов сельских обществ.

Однако необходимо отметить, что последние замечания носят, прежде всего, источниковедческий характер. Они могут представлять интерес для довольно узкого круга специалистов по источниковедению Сибири и Урала. Более продуктивно, на наш взгляд, применительно к тематике сборника и статьи, обратить внимание на то, что локальная история может изучаться в университетах, прежде всего студентами. Как уже отмечалось выше, для провинциальных вузов локальная история очень актуальна. Точнее сказать, актуальна методология и методика исторического исследования локального уровня, с тем, чтобы это исследование не превратилось в историческое краеведение. Соотношение между исторической локалистикой и историческим краеведением - вопрос довольно сложный и не вполне разработан. Поэтому мы лишь упомянем о существовании данной проблемы.

Каковы же должны быть подходы к определению исторического региона и как подходить к определению его границ? Прежде всего, на наш взгляд следует четко понять, что исторический регион – мысленный конструкт. Как, к примеру, определить, где заканчивается Урал и начинается Сибирь? Определение границ с учетом лишь административных рубежей затемнит проблему, как это было показано выше на примере Тобольской губернии. В основу выделения региона должны быть положены исторические реалии, а не исторические границы. В этом случае следует, на наш взгляд, учитывать административно территориальное деление, природные ландшафты (таёжная часть Тобольской губернии резко отличается от лесостепной), этнический состав населения, его хозяйственные занятия. Это позволит более объективно посмотреть на прошлое региона, избавит от необходимости загонять исследователя и исследование в прокрустово ложе современных представлений о том, как сейчас выделяется этот регион.

Научить отделять одно от другого и помочь в определении границ региона в локальном исследовании – вот, пожалуй, основные задачи не только исследователя, но и преподавателя. Подводя итоги сказанному, хочется отметить,

что в рамках данной статьи содержится скорее приглашение к дальнейшему размышлению и поиску ответа на такие вопросы, что и как следует изучать в рамках локальной истории.

М. Н. Федченко

**ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА
(1946 – 1950 гг.)**

В послевоенные годы социализация юношей и девушек в значительной мере осуществлялась в процессе их основного вида социальной деятельности – производственной. Когда страна перешла к решению задач мирного хозяйственного строительства, проблемы адаптации молодежи на производстве, профессиональной подготовки, всей системы ее трудового воспитания выдвинулись на одно из первых мест. Особенно остро они стояли на Урале, где было сосредоточено большое количество передовых в техническом отношении предприятий оборонной, машиностроительной и металлургической отраслей промышленности, объективно требовавших высокого уровня профессионализма и ответственности. В то же время ряд добывающих отраслей и строительство находились на ранней стадии индустриального развития и еще нуждались в видах работ, связанных с физически тяжелым, грязным, ручным трудом.

Конкретное содержание трудового воспитания молодежи в послевоенные годы во многом определялось задачами четвертого пятилетнего плана на 1946 – 1950 гг., в котором важная роль отводилась Уралу. В этом регионе выплавка чугуна по сравнению с 1940 г. должна была увеличиться в 2,5, добыча угля – в 2,7, нефти – в 3,2 раза; на 1,3 млн киловатт усиливалась энергетическая база¹. Наряду с военной продукцией, уральцам предстояло выпускать автомобили и тракторы, металлургическое, горнодобывающее, нефтяное, электротехническое оборудование, строительные, дорожные и сельскохозяйственные машины. В Челябинской области в 1950 г. предполагалось производить четвертую часть чугуна, пятую часть стали и проката в стране, выпускать каждый пятый трактор в Российской Федерации².

Руководствуясь партийными директивами, пленум ЦК ВЛКСМ (апрель 1946 г.) указал, что работа каждой комсомольской организации будет оцениваться, прежде всего, по тому, как она сумеет мобилизовать молодежь на вы-

¹ Воскресенский Н. А. Избранные произведения. 1931- 1947. М.: Политиздат, 1979. С. 475, 482.

² Челябинская область в послевоенной пятилетке. Челябинск: Юж. урал. кн. изд – во, 1947. – С. 7, 11; История советского рабочего класса. В 6 т. Т.4. М.: Наука, 1987. С. 128.

полнение хозяйственных планов¹. В 1946 г. в промышленности Урала трудилось 181,3 тыс. комсомольцев, причем около 70 % из них было занято в металлургии и машиностроении. Многие комсомольцы-машиностроители региона работали на предприятиях оборонной промышленности и участвовали в создании атомного оружия. На 1 января 1946 г. в Челябинской областной организации ВЛКСМ насчитывалось 26 120 машиностроителей. 24 291 из них работал на заводах министерства среднего машиностроения. В Пермской области на предприятиях этого министерства трудилось 9230 членов ВЛКСМ, при общей численности комсомольцев-машиностроителей 11 990².

Молодежь в возрасте до 25 лет составляла среди рабочих Магнитогорского металлургического комбината 44,3 %, Новотагильского металлургического завода – 48,6 %, Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ) – 39,2, промышленных рабочих Южного Урала – около 50 %³. На 1 марта 1947 г. на промышленных предприятиях СССР трудилось 36,2 % рабочих и служащих в возрасте до 25 лет. На предприятиях тяжелого машиностроения СССР этот показатель составлял 44,5 %, черной металлургии – 42,7 %, угольной промышленности – 39,1 %, легкой – 41,9 %⁴.

Перед комсомольскими организациями ставилась задача, чтобы каждый молодой рабочий хорошо знал не только общегосударственные планы, но и планы своего предприятия⁵. Основным звеном мобилизации юношей и девушек на выполнение производственных задач являлось трудовое соревнование. Распространенной формой вовлечения молодежи в это соревнование стали комсомольско-молодежные бригады. В 1946 г. в индустриальной сфере Урала насчитывалось около 30 тыс. таких коллективов, объединявших более 215 тыс. юношей и девушек⁶.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 8. М.: Политиздат, 1985. С. 17 – 20; Товарищ комсомол: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2 (1941 – 1968). М.: Мол. гвардия, 1969. С. 47.

² Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Ф. 1. Оп. 33. Д. 353. Л. 44; Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО). Ф. 1458. Оп. 3. Д. 203. Л. 3.

³ Из истории борьбы рабочего класса Урала за создание материально-технической базы социализма. Свердловск: УрГУ, 1974. С. 42, 53; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 86. Д. 2. Л. 166; Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф. 485. Оп. 1. Д. 1415. Л. 62; Д. 1494. Л. 14; Д. 1618. Л. 123; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1003. Оп. 11. Д. 15. Л. 14, 15.

⁴ История советского рабочего класса... Т. 4. С. 331.

⁵ Комсомольский работник. – 1946. - № 8. – С. 3.

⁶ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 341. Оп. 14. Д. 4. Л. 11; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 254. Л. 10; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. Ф. 1697. Оп. 2. Д. 17. Л. 15; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 655. Л. 76; Центр документации общественных

В начале 1946 г. Челябинский горком ВЛКСМ утвердил условия соревнования молодежных бригад по отраслям промышленности. Такие бригады создавались на участках, где молодежь составляла не менее 60 % рабочих. При подведении итогов соревнования учитывались не только результат бригады в целом, но и выполнение месячного задания каждым членом коллектива. Бригады должны были добиваться ежемесячного повышения производительности труда не менее чем на 10 %, не иметь бракованной продукции. Условия соревнования предусматривали участие всех членов бригады в рационализаторской работе, общественной жизни. В бригаде не должно было быть нарушений трудовой дисциплины. Итоги соревнования ежемесячно подводились в горкоме ВЛКСМ, ежедекадно – в райкомах. Победители награждались грамотами обкома, переходящим знаменем горкома комсомола, денежными премиями, подарками. В апреле 1946 г. в трудовом соревновании участвовало 300 молодежных бригад, 11 смен, два участка, семь цехов, в которых трудилось свыше двух тысяч молодых рабочих Челябинска¹.

Известными на Урале были молодежные бригады Вениамина Бурматова (Златоустовский машиностроительный завод) и Ивана Цыганова (УЗТМ). Первая образовалась в июне 1944 г., а в 1946 г. она ежемесячно перевыполняла производственные задания в три-четыре раза, добилась ликвидации брака. Каждый член коллектива владел двумя-тремя смежными специальностями. Все рабочие являлись комсомольцами, активно участвовали в общественной жизни, регулярно читали и обсуждали газеты, художественную литературу. По итогам работы первого квартала 1946 г. бригаде было присуждено второе место во всесоюзном соревновании комсомольско-молодежных бригад предприятий министерства. Бригада токарей, которой руководил 20-летний комсомолец Иван Цыганов, неоднократно являлась победителем на УЗТМ, в Свердловске, занимала второе место во всесоюзном соревновании молодежных бригад отрасли. В 1946 г. И. Цыганов выполнил производственную программу «20 месяцев». Он являлся членом горкома комсомола, награждался значком министерства «Отличник социалистического соревнования тяжелого машиностроения», был занесен в книгу почета областной комсомольской организации². В 1946 г. в промышленности Башкирии трудилось 2486 молодежных бригад, в которых насчитывалось

организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 5. Д. 605. Л. 144; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 92. Оп. 3. Д. 747. Л. 15; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1193. Л. 13.

¹ ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1315. Л. 179; Д. 1410. Л. 1, 5 – 8, 69, 132, 133.

² ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1385. Л. 55; Д. 1422. Л. 2, 5, 7; Уральский рабочий. 1947. 30 января.

15 807 юношей и девушек. Для них было создано свыше 470 стахановских школ и кружков техминимума, в которых занималось 7606 молодых рабочих¹.

В молодежных бригадах имелась благоприятная микросреда, позволявшая органически включать в систему трудового воспитания производственно-технические, экономические и нравственно-психологические факторы. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц»². Усилению соревновательных начал в процессе производства способствовала психологическая потребность молодых людей в самовыражении, самоутверждении. В малочисленных коллективах специалистов (слесарей, токарей, электриков) особенно явно проступали начала взаимопомощи и поддержки. Так, в период конверсии производства, молодые ижевские машиностроители столкнулись с трудностями при освоении выпуска мотоциклов. Многие из них не имели опыта работы с высокими классами точности обработки деталей. Помогли новичкам в преодолении трудностей их же товарищи по бригаде.

Так как конверсионные процессы почти не затронули предприятий, продолжавших выпускать военную продукцию, то на них по сравнению с другими машиностроительными заводами региона падение производительности труда не прослеживается. Производственная выработка на одного рабочего в молодежных бригадах предприятий промышленности Ижевска повысилась в среднем со 139 % в июне 1944 г. до 147 % в июне 1946 г. Досрочно выполнили производственные задания 1946 г. более 70 % молодежных бригад Челябинской области и 94 % - Оренбургской. От двух до четырех годовых норм выполнили свыше 60 % бригад Курганской области³. В процессе интервьюирования ветеранов труда мы установили, что такие высокие результаты достигались за счет «добровольного» сверхурочного труда молодежи, а также рационализации производства.

В целях распространения передового опыта, комсомол совместно с министерствами и ведомствами практиковал проведение различных молодежных мероприятий по отраслям промышленности. В апреле 1946 г. в Магнитогорске состоялось совещание молодых металлургов восточных районов страны, которое выступило за досрочное выполнение пятилетки, за изыскание новых резервов производства. В 1946 г. Челябинская область выполнила план по всему металлургическому циклу. Добыча руды на Магнитогорском металлургическом

¹ ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 14. Д. 4. Л. 11 – 13; Красная Башкирия. 1946. 30 марта, 28 мая.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 337.

³ ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 3. Д. 776. Л. 72 – 73; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 2. Д. 17. Л. 17; Оп. 3. Д. 7. Л. 13; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1193. Л. 13; Д. 1415. Л. 94; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 254. Л. 10; Удмуртская правда. 1946. 29 июня, 27 декабря.

комбинате увеличилась на 550 тыс. тонн, выплавка чугуна – на 162 тыс. тонн, стали – на 192 тыс. тонн, производство проката – на 200 тыс. тонн. Немалая заслуга в этом принадлежала молодежи, так как среди доменщиков, сталеваров, прокатчиков ММК она составляла 65 %¹. В 1946 г. более восьми тысяч шахтеров оспаривали в трудовом соревновании право участия в первом слете молодых стахановцев Кизеловского угольного бассейна, выдав сверх плана 13 тыс. тонн угля. При активном участии молодежи Пермская область выполнила годовой план добычи угля на 103,2 %².

В организации трудового соревнования молодежи имелись серьезные недостатки. Концентрируя внимание на отдельных производственных рекордах и молодежных бригадах, комсомол упускал из поля своего зрения основную массу рабочей молодежи. В 1946 – 1947 гг. на Свердловском турбинном заводе больше половины молодых рабочих не участвовало в трудовом соревновании, а одна пятая часть не выполняла норм выработки. На УЗТМ в бригадах было объединено 41,8 % молодых рабочих, на ММК и в тресте «Магнитострой» - 27 %, а остальная часть молодежи слабо вовлекалась в соревнование. Многие молодые рабочие нарушали трудовую дисциплину, не справлялись с нормами выработки, допускали брак. Причины этих негативных явлений были различными: неисправность оборудования и инструмента, плохая организация труда, недостаточная квалификация, недобросовестное отношение к делу и др. Необходим был индивидуальный подход к каждому молодому рабочему, чего на практике со стороны комсомольских организаций почти не наблюдалось. Были случаи, когда из-за отсутствия материальных стимулов, даже передовики производства превращались в отстающих. Молодой рабочий Уфимского электротехнического завода Л. выполнял производственные нормы от 600 до 900 %. После введения новых, повышенных норм выработки, он стал нарушать трудовую дисциплину, отказываться от работы, невыгодной для заработка. Его примеру последовали другие члены молодежной бригады, которая вскоре превратилась из передовой в отстающую. К концу 1946 г. более одной тысячи молодых рабочих Уфы не справлялись с производственными задачами³.

¹ ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1415. Л. 8, 28, 29; Комсомольская правда. 1946. 10 апреля; Челябинский рабочий. 1947. 12 января; Крючков М. Т. Деятельность партийных организаций по подъему культурно-технического уровня рабочих промышленности Урала (1946 – 1958). Свердловск: Изд – во УрГУ, 1968. С. 13.

² ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 661. Л. 41; Д. 663. Л. 13; Д. 664. Л. 1, 2.

³ Комсомольский работник. 1946. № 11-12. С. 27, 28; Комсомольская правда. 1947. 8 июня, 12 августа, 12 сентября; Уральский рабочий. 1947. – 8 марта; Красная Башкирия. 1948. 15 сентября; За трудовую доблесть (ЧТЗ). 1947. 18 сентября; ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 14. Д. 4. Л. 13; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 1415. Л. 62, 63; Д. 1825. Л. 39.

В начале 1947 г. на многих заводах Урала прошли собрания молодежи, на которых выступили руководители предприятий. В феврале 1947 г. во всех цехах Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) состоялись открытые комсомольские собрания «О мерах по повышению производительности труда и зарплаты молодых рабочих». Комитет ВЛКСМ завода разработал условия индивидуального соревнования среди молодежи, которые были закреплены приказом директора. В связи с конверсией, производительность труда на ЧТЗ в 1946 г. еще не достигла довоенного уровня. Поэтому каждый молодой рабочий взял обязательство до конца 1947 г. повысить производительность труда не менее чем на 50 %, а каждый комсомолец – освоить довоенные нормы выработки.

Во всех цехах были выявлены молодые рабочие, не выполнявшие норм выработки, и причины их отставания. Лица, не имевшие необходимых технических знаний, определялись на курсы и в кружки. Технической учебой было охвачено около четырех тысяч человек. Большинство из них к концу года повысили свои производственные разряды.

В ходе трудового соревнования дирекция и комитет комсомола ЧТЗ направляли активность молодежи на ликвидацию так называемых «узких мест» в производстве. 190 молодых передовиков были переведены на отстающие участки, обучили мастерству 95 новичков. Трудными являлись цеха, где изготавливались звенья тракторных гусениц и корпуса. В первом был создан комсомольский участок, который стал справляться с производственными заданиями, а во второй была направлена комсомольская бригада К. Первой, премированная директором за ударный труд лучшей комнатой в общежитии и ценными подарками.

Комитет комсомола ЧТЗ совместно с профкомом развернул соревнование молодежи по восьми отраслям заводского производства. Для лучших бригад были учреждены переходящие знамена и установлены денежные премии, для отдельных рабочих – переходящие вымпелы и денежные премии. Был налажен оперативный учет труда каждого молодого рабочего. В конце каждой смены на коротких собраниях-«летучках» мастера и начальники цехов объявляли итоги работы. Результаты труда молодежи рассматривались на заседаниях цеховых комсомольских бюро, заводского комитета ВЛКСМ. Регулярно проводились слеты бригадиров и собрания молодых стахановцев, на которых директор завода оглашал итоги соревнования и вручал победителям премии. Отдел труда и зарплаты завода совместно с комитетом ВЛКСМ разработали «Памятку молодому рабочему по достижению довоенной нормы выработки», в которой содержались советы о том, как быстрее можно добиться успеха, публиковались условия оплаты труда. В заводской многотиражной газете была учреждена «Доска почета» молодых рабочих, достигших довоенной нормы выработки.

В выполнении производственной программы ЧТЗ участвовали комсомольские сигнальные посты. В корпусном цехе за десять дней сентября 1947 г. члены поста выпустили 58 «боевых листков» и 50 «молний». В сборочном цехе сигнальный пост контролировал поступление деталей на главный конвейер. Для цеховой стенной печати была характерна конкретность содержания. Например: «Я, рабочая шестого участка А. Михайлова, обязалась программу августа выполнить 27 числа и дать сверх плана семь комплектов деталей на комсомольско-молодежную тракторную колонну. Вызываю на соревнование тов. Прозорова»; «Тов. П.! Вы плохо работали 24 августа. Коллектив цеха ждет от вас дела, а не слов. Комсомольский пост»; «Позор лодырям С. и К.!»; «Резко улучшил работу тов. П. Он сдал вчера 161 деталь при норме в 140. Желаем тов. П. успехов в дальнейшем труде!».

Уделяя внимание работе каждого молодого рабочего, комитет комсомола ЧТЗ не упускал из виду и молодежные бригады, которых насчитывалось в сентябре 1947 г. 768. Они объединяли 7327 чел. В 1947 г. в трудовом соревновании участвовало более девяти тысяч молодых заводчан. По сравнению с началом года выработка на каждого из них возросла в первом квартале на 24,8, во втором – на 48,5, к середине третьего – на 75,6 %. Молодежь обязалась выполнить годовой план к 7 ноября и выпустить сверх плана 30 тракторов «С – 80». Инициативу поддержали ЦК ВЛКСМ и дирекция завода. К юбилею Октябрьской революции молодежь ЧТЗ выполнила это обязательство.

Примеру тракторостроителей последовали юноши и девушки всего индустриального Урала. Молодые рабочие Челябинской области выдали сверх плана 1947 г. 58,5 тыс. тонн металла, 31 тыс. тонн угля, более чем на 55 млн рублей продукции машиностроения. За восемь – девять месяцев около 27 тыс. молодых рабочих области выполнили годовые планы на 200 и более процентов. Каждый третий молодой производственник челябинских предприятий перевыполнил годовую норму в два раза. Свыше 55 тыс. юношей и девушек Челябинской области выполнили годовые производственные нормы к 7 ноября 1947 г.¹ Такого же успеха добились более 70 тыс. молодых рабочих Свердловской, 37,5 тыс. – Пермской, примерно 10 тыс. – Оренбургской, около 5 тыс. Курганской областей².

¹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 92; ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1357. Л. 20; Ф. 485. Оп. 1. Д. 1415. Л. 62, 63; Д. 1495. Л. 91; Д. 1618. Л. 123; Д. 1825. Л. 39; Правда. 1947. 20 февраля, 19 ноября; Комсомольская правда. 1947. 12 августа, 10 сентября; Комсомольский работник. 1947. - № 21. С. 15; За трудовую доблесть (ЧТЗ). 1947. 18 сентября.

² ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 7. Д. 47. Л. 30; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 712. Л. 37 – 39; Д. 734. Л. 76, 114 – 116; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 4. Д. 17. Л. 11 – 13; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 469. Л. 17.

Соревнование молодежи за досрочное выполнение производственных заданий и выпуск сверхплановой продукции продолжалось и в последующие годы и приурочивалось к политическим юбилеям и событиям (30-летие ВЛКСМ, XI съезд комсомола и др.). На цеховых комсомольских собраниях УЗТМ многие молодые рабочие брали обязательства выполнить годовое задание 1948 г. за десять месяцев. Заводская организация ВЛКСМ шефствовала над изготовлением первого советского рельсобалочного прокатного стана и двух нефтебуровых установок. В ряде цехов молодые рабочие не справлялись с заказами для стана. Обилие деталей и сложность их обработки тормозили дело. С помощью специалистов комитет комсомола составил график отливки, обработки деталей, их продвижения из одного цеха в другой, принял активное участие в организации и контроле за производственной учебой молодежи. В литейных, механических и сборочных цехах были созданы ударные молодежные бригады, которые ускорили выпуск продукции. Каждый молодой рабочий УЗТМ имел «лицевой счет» в виде книжки, куда записывались его обязательства и ежемесячное их выполнение. Те, кто добивался наивысших результатов, получали звание «Лучший молодой рабочий завода», морально и материально поощрялись. При активном участии молодежи УЗТМ успешно справлялся с выпуском новых типов машин. После выпуска в 1948 г. рельсобалочного прокатного стана, здесь освоили производство мощных экскаваторов (1949 г.), новой буровой установки (1950 г.)¹. Высокой трудовой активностью отличалась молодежь ММК. К концу 1940-х гг. 51 % молодых рабочих комбината было присвоено звание ударников и стахановцев².

В условиях восстановления районов, пострадавших от войны, особое значение придавалось работе лесной промышленности. Зимой 1947 – 1948 гг. на лесосеках Удмуртии трудилось свыше 10 тыс. молодых лесорубов. В период стахановского месячника (март 1948 г.) комсомол республики направил на работу в лес 3,5 тыс. своих членов, в том числе на постоянную работу в леспрохозы – более 300 чел. В 1949 г. лесная промышленность Удмуртии впервые за послевоенные годы выполнила план по всем показателям, дав стране на 1,5 млн кубометров леса больше, чем в 1947 г. Ударно работали свыше 800 комсомольско-молодежных бригад лесорубов, а имена С. Абашева, М. Новикова, А. Максимова были широко известны в республике. В 1949 г. 18 комсомольских орга-

¹ Комсомольская правда. 1948. 5 марта; Очерки истории коммунистических организаций Урала. В 2 томах. Т. 2. Свердловск: Сред. Урал. кн. изд – во, 1974. С. 277.

² Сталинская смена (Челябинск). 1950. – 23 марта; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1494. Л. 14, 16.

низаций леспромхозов и 165 молодых лесорубов были награждены грамотами обкома комсомола ¹.

В основном молодежным являлся состав нефтяников Башкирии. Постоянно перевыполнял производственные нормы третий промысел управления «Туймазынефть», где комсомольцы составляли 70 % трудового коллектива. К концу 1940-х гг. стахановцами являлись 90 % рабочих молодежного города нефтяников – Октябрьского. Пятилетний план добычи нефти республика выполнила в 1949 г., а в течение 1950 г. давала сверхплановую продукцию ².

К концу 1949 г. трудовым соревнованием было охвачено примерно 300 тыс. молодых рабочих Свердловской области. Более 60 тыс. из них перевыполнили пятилетние производственные задания. 35 тыс. юношей и девушек Челябинской области справились с пятилетними нормами в марте 1950 г. К концу 1950 г. из 30 тыс. молодых рабочих Оренбуржья свыше 20 тыс. выполнили по семь – десять и более годовых производственных норм. Передовиками индустрии являлись примерно пять тысяч юношей и девушек Удмуртии, две тысячи молодых рабочих Курганской области ³. Строгальщик депо станции Оренбург Р. Хабибуллин выполнил за пять лет 20 годовых норм, слесарь-сборщик Челябинского завода имени Д. В. Колющенко, П. Кравченко – 18, курганский слесарь В. Найданов и уфимский токарь А. Чистов – по 15. Рекордные производственные показатели постоянно имел буровой мастер из Башкирии, комсомолец Р. Аллаяров ⁴.

Уменьшалось число молодых людей, не выполнявших производственные нормы. В 1947 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате таковых насчитывалось 10,3 %, в 1948 г. – 5,7 % от общего количества рабочих. В 1946 – 1950 гг. производительность труда рабочих выросла: на Челябинском тракторном заводе на 70 %, Пермском заводе имени Ф. Э. Дзержинского в два раза, Синарском трубном на 38,4 %. С мая 1949 г. по февраль 1950 г. процент молодых рабочих Оренбуржья, не выполнявших нормы выработки, уменьшился с 8,3 до 2,6. Однако трудовые коллективы постоянно пополнялись новичками,

¹ ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 3. Д. 1528. Л. 16, 17; Д. 2167. Л. 2; Д. 2499. Л. 10, 12, 13; Удмуртская правда. 1949. – 29 марта.

² ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 18. Д. 5. Л. 15; Красная Башкирия. – 1950. – 27 января; 1951. – 30 июня.

³ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 7. Д. 223. Л. 12, 13; Оп. 8. Д. 39. Л. 5; Д. 723. Л. 12; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 814. Л. 2; Д. 885. Л. 16; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2000. Л. 130; Д. 2002. Л. 104; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 7. Д. 6. Л. 10; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 97. Д. 6. Л. 37; Ф. 1200. Оп. 5. Д. 150. Л. 10; ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 3. Д. 1528. Л. 16, 17; Д. 2167. Л. 2; Д. 2499. Л. 10, 12, 13.

⁴ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 97. Д. 6. Л. 37; Ф. 1200. Оп. 5. Д. 150. Л. 10; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 7. Д. 6. Л. 10; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2000. Л. 130; Д. 2002. Л. 104; Красная Башкирия. 1951. 30 июня.

которые в период адаптации не всегда справлялись с производственными заданиями. В 1949 г. на Стерлитамакском станкостроительном заводе около 30 % молодых рабочих систематически не выполняли нормы выработки. В основном это были недавние выпускники училищ трудовых резервов. Недостатки в организации труда и его оплаты, быта, отсутствие индивидуального подхода к воспитанию юношей и девушек приводили к тому, что часть молодежи нарушала трудовую дисциплину¹.

В условиях крупного машинного производства показатели работы предприятий зависели не от успехов отдельных передовиков, а от степени освоения эффективных приемов труда всеми членами трудовых коллективов. Рекорды, вырванные из общей ткани производственного процесса, могли даже его дезорганизовать. Поэтому вопросы профессиональной учебы молодых рабочих, передачи им опыта передовиков и новаторов являлись приоритетными и постоянно находились в поле зрения руководителей предприятий и комсомола. Формы этой работы: индивидуальное и бригадное ученичество, школы передового опыта, слеты и совещания молодых передовиков по отраслям промышленности, лекции и доклады стахановцев перед молодежью о методах своего труда, молодежные собрания и технические конференции, технические кружки и курсы. По данным А. В. Дмитриева, в начале 1946 г. на УЗТМ было организовано семь учебных участков для производственного обучения и 14 технических кабинетов в цехах, имелся отдел подготовки кадров, в котором работало 178 преподавателей и 300 инструкторов производственного обучения. В разные годы четвертой пятилетки технической учебой было охвачено от 40 до 62 % рабочих предприятий². Заводской комитет ВЛКСМ, цеховые организации комсомола выявляли молодежь, нуждающуюся в приобретении технических знаний, производственного опыта, помогали мастерам и начальникам цехов комплектовать кружки техминимума, стахановские школы, курсы повышения квалификации. При заводском комитете комсомола постоянно действовала комиссия технического обучения молодежи³.

В 1946 г. комитет ВЛКСМ и учебно-курсовой комбинат ММК составили карточки учета на всех молодых рабочих, куда заносились данные об их образовании и квалификации. Здесь почти каждый второй металлург был охвачен техническим обучением, что позволило повысить разряды 3653 юношам и девушкам. Свыше 1,1 тыс. чел. окончили школы передового опыта, в которых

¹ Красная Башкирия. 1949. 19, 20 ноября; Большевицкая смена (Оренбург). 1950. 12 февраля; Из истории партийных организаций Урала. Ст. сб. Свердловск: УрГУ, 1971. С. 158.

² Из истории борьбы рабочего класса Урала за создание материально-технической базы социализма. Свердловск: УрГУ, 1974. С. 55 – 58, 60.

³ Комсомольская правда. 1948. 5 марта.

теоретическое обучение сочеталось с показом передовых приемов труда на рабочем месте. В школе, руководимой передовыми рабочими Скоробогатовым и Шиповым, училось семеро юношей, не выполнявших норм выработки. После окончания учебы они стали перевыполнять производственные задания на 120 – 160 %. 22-летний токарь Челябинского завода имени С. Орджоникидзе В. Антонович работал по самому высокому разряду, выполнял самую сложную работу. Свой опыт он передал выпускнику ремесленного училища В. Граханову, который вскоре также стал лучшим стахановцем предприятия¹.

В апреле 1947 г. в совещании молодых стахановцев г. Челябинска участвовало 450 чел. Работало восемь секций по профессиям – токарей, металлургов, электросварщиков, кузнецов и др. К середине 1947 г. из 30 тыс. молодых рабочих этого города 8,2 тыс. было охвачено технической учебой. В 1947 – 1948 гг. в Оренбуржье каждый третий рабочий комсомольского возраста повысил свою квалификацию на один разряд. Много нового узнавали юноши и девушки на областных слетах молодых передовиков производства, которые проходили в январе и декабре 1948 г., феврале 1950 г., феврале 1951 г.².

В условиях индустриального производства объективной необходимостью являлось творческое содружество ИТР и рабочих. На 1 января 1946 г. в комсомольских организациях Урала насчитывалось 4,2 тыс. ИТР, в 1951 г. – 15,6 тыс.³. В 1950 г. при активном участии молодых ИТР на УЗТМ было подготовлено 1611 новых рабочих, а 8334 повысили квалификацию. В 1949 – 1951 гг. на промышленных предприятиях Свердловской области было подготовлено 123,3 тыс. новых рабочих, из них 119,1 тыс. непосредственно на производстве⁴.

В декабре 1948 г. молодой инженер Свердловского завода Уралэлектроаппарат А. Шутов взял шефство над комсомольско-молодежной бригадой, помог ей овладеть наиболее передовыми методами труда и за короткое время добиться выполнения норм выработки на 200 %. К середине 1950 г. более 130 ИТР этого предприятия помогли шестистам молодым рабочим овладеть профессиональным мастерством. Производительность труда в молодежных бригадах завода выросла на 20 – 30 %. За короткое время предприятие, на котором 60 % рабочих составляла молодежь, вышло из отстающих в передовые.

¹ ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1490. Л. 146 – 148; Д. 1494. Л. 26; Комсомольская правда. 1948. 6 августа; Крючков М. Т. Указ. соч. – С. 91.

² ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1494. Л. 26, 31; Комсомольская правда. 1948. 6 августа; ЦДНИ-ОО. Ф. 1697. Оп. 4. Д. 1. Л. 82; Оп. 5. Д. 3. Л. 38; Д. 9. Л. 2 – 12; Оп. 6. Д. 43. Л. 3 – 32; Оп. 7. Д. 42. Л. 6 – 15.

³ Данные годовых статистических отчетов уральских обкомов ВЛКСМ о составе комсомольских организаций. Ссылки на архивные дела не приводим из-за их чрезмерной громоздкости.

⁴ Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938 – 1958). Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 74.

В 1950 г. в этом движении участвовало более 10 тыс. ИТР и передовых рабочих Свердловской области. Вскоре по инициативе обкома ВЛКСМ на предприятиях было переаттестовано 77,6 тыс. молодых рабочих, из которых 68 тыс. были повышены производственные разряды¹. В 1950 г. Свердловский обком ВЛКСМ одобрил работу молодого мастера УЗТМ А. Воложанина по обобщению передовых приемов труда рабочих своей смены. Установив, что они добиваются успехов разными методами, мастер отобрал наиболее эффективные из них, обобщил и организовал стахановскую школу по распространению опыта передовиков среди всех рабочих смены. В результате производительность труда увеличилась более чем на 10 %. В марте 1951 г. Свердловский горком ВЛКСМ провел собрание молодых ИТР – последователей А. Воложанина, которых насчитывалось в Свердловской области более двух тысяч человек².

Получило распространение движение за внедрение скоростных методов труда. Одним из инициаторов скоростного резания металлов являлся токарь Воткинского машиностроительного завода (Удмуртия), комсомолец Р. Денисов, удостоенный в 1949 г. Государственной премии. На скоростные режимы работы перешла вся его молодежная бригада, которая к апрелю 1949 г. выполнила шесть годовых норм. Токарь-скоростник Ижевского машиностроительного завода В. Кокошкин выполнил за пятилетку девять годовых норм. В 1950 г. на этом предприятии трудилось 780 «скоростников», из них половину составляла молодежь.

Комсомолка-многостаночница Свердловского завода транспортного машиностроения Ф. Огнетова работала на 11 токарных станках-автоматах вместо четырех по норме. Молодой станочник этого предприятия М. Масленников, применяя скоростные методы работы, выполнил за пятилетку 10 годовых норм. К началу 1950 г. 80 % станочного парка завода было переведено на скоростные режимы резания. Комсомольско-молодежная бригада В. Остаточникова (УЗТМ), внедрив скоростное резание металла, за три года выполнила 25 годовых норм³.

Внедрение методов скоростного резания металлов сдерживалось изношенностью станочного парка, нехваткой электроэнергии, недостаточной квалификацией рабочих, различными конструкторскими и технологическими осо-

¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 40. Л. 3,4; Д. 551. Л. 2; Уральский рабочий. 1950. 5 июля.

² ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 331. Л. 229, 132, 233; Д. 723. Л. 11; На смену! (Свердловск). 1951. 3, 28 января, 9 февраля.

³ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск: Удмуртия, 1968. С. 390, 391; И оживает время: Сборник очерков по истории комсомола Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1981. С. 250, 251; С огнем большевистским в груди. Очерки истории комсомола Урала (1917 – 1979). Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1979. С. 164; Уральский рабочий. 1949. 15, 17 апреля.

бенностями. В марте 1949 г. среди станочников УЗТМ «скоростников» было лишь 12 %, к концу года – 18 %. На Шадринском автоагрегатном заводе в 1950 г. на скоростные и повышенные режимы резания было переведено лишь восемь процентов станков ¹.

Молодые уральские металлурги П. Лапаев, А. Панченко, В. Захаров, И. Семенов, А. Ларин, С. Салимов, Г. Фукалов, П. Лопатин, Л. Чеклецов, П. Карпенко были известными в стране людьми. В 1949 г. комсомолец А. Панченко сварил 50 скоростных плавок, дал стране четыре тысячи тонн сверхплановой стали, и получил звание лучшего металлурга СССР. В первом и третьем мартеновских цехах ММК, где большинство рабочих ведущих профессий составляла молодежь, в 1950 г. 70% плавок было сварено скоростными методами. Молодой сталевар В. Захаров применил на своей печи график скоростного цикла, опередив его на 3,5 часа. Инициатива В. Захарова, И. Семенова и М. Зинурова по внедрению скоростных методов сталеварения вылилась в массовое движение за сверхплановый металл. В 1950 г. юноши обязались дать стране 12 тыс. тонн сверхплановой стали. Это обязательство они значительно перевыполнили, выплавив 15 тысяч тонн стали сверх плана. Комитет ВЛКСМ комбината провел техническую конференцию молодых «скоростников». На работу по скоростному графику были переведены все мартеновские печи ММК ².

Скоростные методы работы в металлургии обычно сопровождались повышением эффективности использования оборудования. Молодежная бригада Новотагильского завода В. Неказакова добилась летом 1950 г. рекордных на Урале показателей – съема 15,4 тонны стали с квадратного метра пода печи, а время плавки сократила с 10,5 до 6,3 часа. Молодежной смене Г. Фукалова Серовского завода удалось достигнуть коэффициента использования полезного объема доменной печи – 0,64. Такого результата тогда не достигали ни на одном предприятии мира ³.

Важное экономическое и воспитательное значение имело соревнование молодежи за выпуск высококачественной продукции. Одним из его инициаторов стала комсомольско-молодежная бригада графитировщиков Челябинского электродного завода, которой руководил Н. Валеев. В 1948 г. бригада снизила брак в четыре раза. К апрелю 1949 г. комсомольская организация завода во-

¹ ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 10. Д. 1. Л. 130 – 135; Оп. 12. Д. 4. Л. 177; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 311. Оп. 2. Д. 21. Л. 4; Государственный архив Шадринска (ГАСШ). Ф. 472. Оп. 10. Д. 505. Л. 47.

² ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 5. Д. 2702. Л. 273; Ф. 485. Оп. 1. Д. 1834. Л. 17; Д. 1855. Л. 160 – 166; Д. 2002. Л. 15; Комсомольская правда. 1950. 17 марта, 15 апреля, 7 октября; Сталинская смена (Челябинск). 1949. 27 ноября; 1950. 26 марта; 1951. 8 февраля; Магнитогорский металл (ММК). 1949. 1 января; На линии огня. Страницы комсомольской жизни Магнитки. Воспоминания, очерки, документы. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 106 – 138.

³ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 551. Л. 2.

влекла в соревнование за выпуск продукции высшего сорта около одной тысячи человек, подавляющее большинство которых составляла молодежь ¹.

Комсомольцы Челябинского трубопрокатного завода внедрили «графики качества проката». В первом квартале 1949 г. молодежные бригады увеличили производство труб первого сорта на 41,7 %, брак снизили на 0,28 %. К концу 1949 г. каждый третий молодой рабочий Челябинска выпускал только отличную продукцию, а в машиностроении и металлургии Челябинской области работало 2228 бригад «отличного качества», более 50 % из которых являлись молодежными. В Свердловской области из семи тысяч молодежных бригад две тысячи выпускали только отличную продукцию. В начале 1949 г. за звание «бригада отличного качества» боролось 1523 молодежных коллектива Пермской области. Через полгода 410 из них это звание заслужили. В 1950 г. в Башкирии имелось 1100 молодежных бригад «отличного качества», в Оренбуржье – 342, в Ижевске – 215 ².

Контролер Уральского автомобильного завода комсомолка Р. Рассомахина выступила в 1950 г. инициатором «кольцевого» контроля за качеством продукции. Суть метода состояла в том, что контролер проверяла деталь, переходя «по кольцу» от одного станка к другому в последовательности технологического процесса, что давало возможность немедленно выявлять дефекты обработки детали на той или иной операции. Метод был основан на принципе предупреждения возникновения брака. Его внедрение дало возможность в шесть – восемь раз сократить брак и уменьшить число контролеров ³.

Комитет ВЛКСМ Уральского автомобильного завода ознакомил молодых рабочих механических цехов с новым методом контроля на открытых комсомольских собраниях. В апреле 1950 г. по «кольцевому» методу работал 91 заводской контролер. За два месяца контроля по-новому брак на изготовлении вала привода уменьшился почти в восемь, водяного насоса – в семь раз. На ЧТЗ работало около 800 последователей Р. Рассомахиной. Если в 1946 г. здесь было рекламировано 41,3 % тракторов, то в 1950 г. – 1,3 %. Однако многие предприятия продолжали выпускать продукцию низкого качества. В 1951 – 1952 гг. заводы Шадринска получили 158 рекламаций на сумму 300 тыс. рублей ⁴.

¹ Валеев Н. Бригада отличного качества. Челябинск, 1949. С. 5 – 7; Челябинский рабочий. 1949. 20 февраля.

² ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1852. Л. 161, 162; Д. 2002. Л. 80, 81; Д. 2216. Л. 25, 98; ЦГАО-ОРБ. Ф. 341. Оп. 18. Д. 5. Л. 15; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 5. Д. 17. Л. 3, 4; Д. 7. Л. 6, 7; Оп. 6. Д. 43. Л. 11; Д. 4. Л. 12; Оп. 7. Д. 339. Л. 3; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 906. Л. 126; ЦДО-ОСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 39. Л. 5; ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 3. Д. 2429. Л. 10.

³ ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2016. Л. 145; Комсомольская правда. 1950. 15 апреля, 10 мая.

⁴ ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2276. Л. 3; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 12. Д. 4. Л. 31 – 35; Сталинская смена (Челябинск). 1950. 13 апреля, 14 мая.

Остро стояли вопросы рационального использования материальных ресурсов производства. В начале 1948 г. ЦК ВЛКСМ рекомендовал первичным организациям создать во всех цехах и складах промышленных предприятий контрольные посты, поручив им следить за соблюдением норм расходования материалов, электроэнергии, пара, топлива, за использованием оборудования, механизмов, инструмента и сигнализировать мастерам, начальникам цехов о выявленных недостатках ¹.

В 1948 г. редакция «Комсомольской правды» при участии комсомольцев провела рейд по заводам и стройкам Магнитогорска. В этом мероприятии участвовало около 500 чел. Были обнаружены бездействующие экскаваторы и бетономешалки, «похороненные» под снегом вагонетки и электровозы. Подобные рейды проводились по всей Челябинской области ².

В ходе двух рейдов, организованных в 1948 г. комитетом ВЛКСМ Уралвагонзавода, были вскрыты случаи плохой загрузки оборудования, непроизводительного расходования электроэнергии, пара, сжатого воздуха. По материалам рейдов директор завода издал приказ, которым обязал начальников цехов устранить недостатки. На комсомольско-молодежной технической конференции УВЗ юноши и девушки обязались сэкономить в 1948 – 1949 гг. 10 млн киловатт-часов электроэнергии, 10 тысяч тонн топлива, сократить расход сжатого воздуха на 10 %, пара – на 15 %. Обязательства были выполнены. По инициативе молодежной бригады Верх-Исетского завода П. Заики юноши и девушки открывали «лицевые счета» экономии материалов, топлива, электроэнергии. За девять месяцев 1948 г. молодежь ВИЗа сэкономил 1360 тыс. киловатт-часов электроэнергии и 580 тонн топлива. В апреле 1949 г. «лицевые счета» экономии имели 670 молодых рабочих Первоуральского новотрубного и 500 – Новотайского металлургических заводов. К этому времени молодежь Свердловской, Челябинской и Пермской областей имела на «лицевых счетах» 76,8 млн рублей экономии ³. Действенной была работа многих комсомольских контрольных постов. В 1948 г. в Свердловской области их насчитывалось 1150, Пермской – 1500, Челябинской – свыше двух тысяч, Оренбургской – свыше 500, Башкирии – около 700 ⁴.

Зачинателями борьбы за комплексную экономию в металлургии выступили сталевары ММК В. Захаров, И. Семенов и М. Зинуров. В 1950 г. они выпла-

¹ Комсомольская правда. 1948. 14 февраля.

² Комсомольская правда. 1948. 28 февраля, 28 марта, 12 августа.

³ ЦДОСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 38. Л. 10 – 12; Уральский рабочий. 1948. 14 апреля, 24 июня, 4 сентября, 10, 28 октября; С огнем большевистским в груди... С. 163.

⁴ ЦДНПО. Ф. 1697. Оп. 4. Д. 5. Л. 174, 175; Оп. 5. Д. 9. Л. 11; Оп. 6. Д. 43. Л. 13, 14; Д. 47. Л. 121; Большевистская смена (Оренбург). 1951. 13 февраля; Красная Башкирия. 1949. 22 января; Уральский рабочий. 1948. 27 июля; С огнем большевистским в груди... С. 163.

вили за счет сэкономленных материалов более одной тысячи тонн стали, были удостоены Государственной премии. В апреле 1950 г. в цехах ММК прошли комсомольские собрания, а в июле состоялся слет молодых передовиков комбината, где были определены задачи юношей и девушек в борьбе за снижение себестоимости продукции, экономию и бережливость. При комитете ВЛКСМ комбината был создан штаб борьбы за экономию. В 1950 г. ММК дал 75 миллионов рублей сверхплановых накоплений, а инициатива его молодежи была поддержана металлургами Урала, Кузбасса, Украины ¹.

В 1949 г. зуборезчица Уральского автомобильного завода Н. Назарова выступила инициатором соревнования за продление срока службы станочного парка. Обслуживая пять станков вместо двух по норме, комсомолка добилась, что все они в течение года не имели простоев и не нуждались в плановом ремонте. К концу 1950 г. ее последователями являлись свыше 2,5 тыс. молодых автозаводцев, что позволило предприятию снизить простои станков более чем вдвое. В 1950 г. участниками движения за продление срока службы станков были свыше 10 тыс. молодых рабочих Челябинской области. Последователи Н. Назаровой имелись по всей стране, а инициатор почина стала лауреатом Государственной премии ². Значительную экономию производственных ресурсов давало внедрение рационализаторских предложений. В 1948 г. молодежь Пермской области внесла более 2,5 тыс. рацпредложений с экономическим эффектом в 16 млн рублей. В 1949 г. на Челябинском заводе транспортного машиностроения по инициативе комитета ВЛКСМ было создано «бюро рабочего изобретательства». Оно выпустило темники для рационализаторов, организовало цикл лекций о скоростных методах обработки металлов, помогло молодежи внести 437 предложений, а 148 из них – внедрить. В результате трудоемкость изделий снизилась на 87,7 тыс. нормо-часов, что было равноценно высвобождению в течение года 35 рабочих ³.

На ЧТЗ родилась новая форма содружества рабочих-новаторов, инженеров и руководителей производства – комплексные творческие бригады. Технолог А. Иванов совместно со слесарями, наладчиками и мастерами внедрил на «узком» участке производства ряд организационно-технических мероприятий. В результате без дополнительных затрат и ввода в строй нового оборудования

¹ Сталинская смена (Челябинск). 1950. 16, 20, 25 апреля, 23 мая; На смену! (Свердловск). 1951. 25 марта; Магнитогорский металл (ММК). 1950. 15 апреля, 6 июля; На линии огня... С. 137, 138.

² ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1089. Л. 14; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1852. Л. 262; Д. 2002. Л. 80; Д. 2216. Л. 5, 6; Д. 2161. Л. 61; Д. 2006. Л. 3; Д. 2276. Л. 2, 3; Комсомольская правда. 1949. 22 июня, 7, 9, 14 июля, 3, 16 ноября.

³ ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 782. Л. 14; Сталинская смена (Челябинск). 1949. 11 октября.

было во много раз увеличено производство звеньев тракторных гусениц. Предложения А. Иванова позволили удвоить производительность труда, высвободить на заводе более одной тысячи рабочих и 200 единиц оборудования. Комсомольцы ЧТЗ активно участвовали в пропаганде создания комплексных бригад. Много лекций об этом прочитал секретарь бюро ВЛКСМ отдела главного технолога Березин. За пропагандой следовали конкретные дела. Молодые ИТР А. Семенов и А. Акимов на одном из участков перестроили работу так, что здесь удалось высвободить восемь станков и 60 квадратных метров производственной площади. На ЧТЗ были созданы десятки молодежных творческих бригад – последователей А. Иванова ¹. Комплексные бригады из молодых ИТР и рабочих работали на Оренбургском инструментальном заводе и ряде других предприятий Урала ².

Вопросами трудового воспитания молодежи постоянно занимались обкомы, горкомы, райкомы ВЛКСМ, комсомольская печать. В 1949 – 1950 гг. Свердловский обком комсомола активно распространял почины новаторов производства, обсуждал вопросы соревнования среди молодежи Новотагильского и Серовского металлургических заводов, технического роста молодых рабочих города Асбеста, участия комсомольских организаций города Алапаевска в хозяйственной деятельности предприятий. Были проведены областные совещания секретарей комитетов ВЛКСМ предприятий ведущих отраслей промышленности, руководителей комсомольских штабов и контрольных постов по экономии производственных ресурсов. Состоялись областные технические конференции молодых угольщиков, металлургов, машиностроителей. Обком ВЛКСМ совместно с кафедрой политэкономии Уральского политехнического института издал брошюры: «Молодые металлурги», «Молодежная бригада отличного качества», «Контрольные комсомольские посты» ³.

Газета «Комсомольская правда» широко пропагандировала производственный опыт молодых уральцев В. Захарова, Н. Назаровой, Р. Рассомахиной и других. Челябинская областная молодежная газета в рубрике «Трибуна стахановского опыта» рассказывала о методах работы сталевара ММК И. Семенова, токаря завода имени Д. В. Коллющенко В. Уткина, шлифовщицы завода транспортного машиностроения А. Рябченко и других молодых рабочих ⁴.

Цеховая стенгазета Уральского автомобильного завода «Молодой литейщик» пропагандировала методы работы молодежной бригады Рудницкой. Материал об опыте передовиков имелся в каждом номере стенгазеты ремонтно-

¹ Комсомольская правда. 1948. 14 августа; 1949. 17 ноября, 3 декабря; За трудовую доблесть (ЧТЗ). 1947. 17 мая.

² ЦДННАО. Ф. 1697. Оп. 6. Д. 33. Л. 2 – 4; Сталинская смена (Челябинск). 1950. 26 октября.

³ ЦДОСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 723. Л. 10, 11, 15.

⁴ Комсомольская правда. 1947. 7 декабря; 1949. 7 июля; 1950. 15 апреля.

механического цеха Златоустовского металлургического завода «Молодежная жизнь». В одной из ее заметок речь шла об успешном выполнении трудовых обязательств комсомольцами А. Ураловым, В. Градобовым, П. Афониним. В разделе «Колючие строчки» сообщалось о принятых мерах в отношении комсомольца М., нарушившего трудовую дисциплину. В одном из «боевых листов» рассказывалось о недостатках в работе с выпускниками РУ и школ ФЗО, после чего комсомольский актив цеха оказал помощь новичкам в обеспечении их инструментом и заготовками, взял под контроль правильность выписки мастерами нарядов, организовал среди подростков трудовое соревнование¹.

Таким образом, в первое послевоенное пятилетие молодежь промышленных предприятий Урала проявила огромную трудовую активность в выполнении плановых заданий по выпуску продукции, активно участвовала в повышении качественных показателей работы заводов и фабрик. Руководство предприятий и общественные организации повседневно осуществляли трудовое воспитание юношей и девушек, используя при этом многообразные формы, методы и средства. Опыт трудового воспитания молодежи, накопленный на Урале в исследуемый период, может быть использован в индустриальной сфере и в настоящее время.

В.В. Подливалов

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ АГРАРНИКОВ В 1954 ГОДУ В С. МАЛЬЦЕВО ШАДРИНСКОГО РАЙОНА

Реализация концепции новой аграрной политики требовала мобилизации всех сил, и самое главное – профессионального подхода в этой сложной отрасли экономики. Сельский труженик должен быть не только во всеоружии агрономических знаний, но и должен использовать их, как требуют конкретные природные условия.

Южное Зауралье отличается сложными природно-климатическими условиями, недостатком влаги в почве. Нужны более прогрессивные агротехнические приемы в работе с пахотой. Зауральский край богат своими мастерами высокого урожая. Наиболее яркой среди них фигурой был полевод, народный академик Т.С.Мальцев. Свои исследования на шадринской земле он начал ещё в 30-е годы. И он добился замечательных результатов.

На 8 пленуме Курганского обкома партии, состоявшемся 3 октября 1952 года, Т.С.Мальцев рассказывал, что при колхозе «Заветы Ленина» Шадринского района по решению советского правительства была создана Шадринская

¹ Миасский рабочий. 1948. 14 марта, 16 апреля; Большевикское слово (Златоустовский металлургический завод). 1950. 4 августа.

опытная станция, которая является единственной в СССР. Станция к этому времени работала уже три года. Здесь разработали совершенно новые методы в науке и в производстве. Поэтому эти опыты имеют большое значение для повышения урожайности зерновых культур¹.

В апреле 1953 года Курганский обком партии обратился с официальным письмом к Председателю Совета министров СССР Г.М.Маленкову с просьбой разрешить внедрение методов Т.С.Мальцева в полеводстве на всей территории Курганской области. В этом письме говорилось следующее:

«Агрономические приемы возделывания зерновых культур, получившие распространение в Европейской части СССР, в условиях Курганской области не приносят должных результатов.

Используя богатейшее наследие русской агрономической науки, и прежде всего труды Д.Н.Менделеева, П.И.Косичева, В.Р.Вильямса, и Т.Д.Лысенко, известный в стране новатор опытник Т.С.Мальцев, ныне Лауреат Сталинской премии, в течение более 30 лет закладывал многочисленные опыты и проводил испытания различных способов обработки почвы. В результате напряженного творческого труда он разработал и предложил для колхозов области агрономические приемы, наиболее полно учитывающие особенности сельскохозяйственного производства Зауралья и дающие значительное повышение урожая зерновых культур».

Затем в документе описывается содержание агротехнических методов Т.С.Мальцева.

Во второй части документа рассказывается о результатах внедрения этих методов как на шадринской земле, так и в других регионах края. Колхоз «Заветы Ленина» Шадринского района применял агротехнические приемы, разработанные Т.С.Мальцевым, получал высокие урожаи, выполняя перед государством свои обязательства по поставкам зерна, обеспечивая наличие собственных семян необходимых сортов и выдачу колхозникам хлеба на трудодни. За пять лет, с 1948 по 1952 годы включительно, колхоз со всей площади посева получал в среднем по 15,7 центнеров пшеницы с гектара.

В течение трех лет Курганская областная селекционно-опытная станция получала урожай с площади посева яровой пшеницы на почвах обработанных широкозахватными дисковыми орудиями, по 17,2 ц с га или на 2 ц больше, чем с посева на обычной зяби. В 1952 году по 11 опытам, проведенным в разных колхозах, яровая пшеница на 700 га, обработанная широкозахватными дисковыми орудиями, давала урожай на 2,7 ц с га, чем на зяби. В колхозе «Путь к коммунизму» Петуховского района с площади в 110 гектаров яровой пшеницы,

¹ ГАОПД КО, ф. 166, оп. 11, Д.13, л. 157.

посеянной на почвах, обработанных широкозахватными орудиями, получили урожай по 18 ц с га, а в колхозе им. Хрущева Лебяжье-вского района с площади в 150 гектаров по 15 ц с га. Многочисленные опыты здесь показали, что яровая пшеница, посеянная по парам, дает значительное повышение урожая в сравнении с озимой рожью.

Далее в официальном письме на имя Г.М.Маленкова было сказано:

«Обком КПСС и облисполком, проверив эффективность агрономических приемов, разработанных Т.С.Мальцевым, считает необходимым, начиная с 1953 года, приступить к широкому внедрению их в производство всех колхозов и совхозов области. Это дает возможность ежегодно получать высокие и устойчивые урожаи всех сельскохозяйственных культур. Применение новых приемов обработки почвы потребует некоторого усиления МТС области гусеничными тракторами за счет сокращения колесных тракторов и завоза почвообрабатывающих и других машин, изготовленных по заказу Т.С.Мальцева.

Обком и облисполком просят Вас, тов. Г.М.Маленков, поддержать наше решение о переходе на всех полях и колхозах области на систему агрономических мероприятий Т.С.Мальцева и дать указание Министерству сельского хозяйства и заготовок СССР:

1. Завести в МТС области сверх установленного фонда в мае 1953 года – 500 штук и в первом квартале 1954 году 1000 штук тракторов ДТ-54, заменив тем самым 300 тыс. штук колесных тракторов, не пригодных для пахоты на глубину 40-50 см, и 587 гусеничных тракторов С-60, СТ-50, С-65, ежегодно в МТС области ещё в 1954 году. Этим будут созданы условия колхозам для перехода на обработку почвы по методу Т.С.Мальцева.

2. Ускорить испытания и обеспечить завоз в МТС и совхозы области широкозахватных дисковых луцильников ЛД-68 – 300 штук в первой половине 1953 года и ЛД-1- к весне 1954 года.

3. Для предпосевной обработки пара организовать серийное производство лапчатых борон, изготовленных на заводе по заказу Т.С.Мальцева с дополнительными их устройствами и обеспечить их завоз в МТС и совхозы в первом квартале 1954 года в количестве 3500 штук.

4. Завести во втором полугодии 1953 года 54 тыс. штук борон «Зиг-заг» и 1500 универсальных тракторных прицепов.

5. Для обеспечения уборки соломы с полей одновременно с косовицей ускорить проектирование и производство мощных соломокопнителей к комбайнам «Сталинец -б», объемом 50 куб м. соломы.

6. Ускорить производство и завоз к весне 1954 года 2000 безотвальных плугов, изготовленных по предложению Т.С.Мальцева.

7. В связи с тем, что завезенные до 1937 года 1600 сеялок изнашивались и вышли из строя, а недостаток сеялок ведет к затягиванию весеннего сева, завести в область в 1953 году 2800 сеялок.

8. Уменьшить в 1953 году план посева озимых культур в колхозах области на 100 тыс. га, увеличив на эту же площадь посев яровой пшеницы. ...Такая мера позволит создать полную гарантию увеличения валового сбора зерновых хлебов»¹.

Реакция со стороны правительства была положительной, почин зауральцев был поддержан. Это давало импульс для более активной работы по внедрению в сельскохозяйственное производство мальцевских методов. На пути стояло немало трудностей. Нужно было преодолеть свой стереотип мышления, изучить новые агротехнологии, выработанные Мальцевым. Представители многих колхозов и совхозов побывали в селе Мальцево с целью изучения новейших приемов агротехники. За 2,5 года, с начала 1952 года на опытной станции у Мальцева побывало 2 500 человек. Здесь побывали представители Казахстана, Краснодарского края, Башкирской АССР, Омской, Пермской, Амурской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской, Карагандинской, Челябинской и других областей.

Большим препятствием было отсутствие соответствующих новым технологиям сельскохозяйственных орудий. Не хватало современных мощных гусеничных тракторов, которые способны бы были осуществлять глубокую пахоту почв.

Во многих районах Курганской области началось освоение этих новейших приемов обработки почвы и посевов, в силу возможностей на собственной технической базе изготавливать свои сельскохозяйственные орудия по рекомендации Т.С.Мальцева. Большой интерес к новейшим агрономическим технологиям проявили хлеборобы не только Курганской области, но и других регионов страны.

Успешному усвоению новых аграрных технологий способствовала большая работа по обучению производственников новым аграрно-техническим приемам, разработанным Т.С.Мальцевым. Бригадиры, передовые колхозники обучались в трехгодичном агрономическом кружке. Потянулась к учебе и молодежь. В колхозе была своя лекторская группа из 11 человек и коллектив агитаторов. Все они были пропагандистами передового опыта. Каждый месяц колхозникам читалось по 3-4 лекции. Среди них были такие темы: «О приемах обработки почвы, выработанных Т.С.Мальцевым», «О закалке семян по методам агронома Вороновой», «Об квадратно-гнездовом способе посадки картофеля»,

¹ Там же, оп. 11, д. 69, л.70-74.

«О приемах выращивания кукурузы». Лекции часто увенчивались просмотром научно-популярных фильмов .

Большая работа по пропаганде новейших аграрных технологий проводилась участниками поездок на ВСНХ в Москву. В 1954 году в Москве побывало 10 передовых колхозников и 6 механизаторов. Вернувшись домой, они рассказывали об увиденном своим товарищам на собраниях. Постепенно созрела коллективная мысль - перейти всем колхозом на систему обработки почвы и посева, разработанную Т.С.Мальцевым¹.

Активное освоение агротехнических методов, разработанных Т.С.Мальцевым, проводилось в колхозах Далматовского района. В колхозах зоны Красноисетской МТС начали обрабатывать земли согласно новым технологиям с 1951 года. Первые опытные работы были проведены на площади в 100 га земли. Полученные положительные результаты позволили уже в следующем году расширить посевы новыми методами до площади в 800 гектаров земли, а в 1953 году до 1833 га.

На первых порах приходилось преодолевать большие трудности. Нужно было развернуть работу по изучению методов обработки почвы, разработанных Мальцевым, организационно перестроиться. Не было необходимых сельскохозяйственных орудий, в первую очередь – безотвальных плугов. Специалисты из МТС помогли переделать традиционные плуги по проекту Т.С.Мальцева. Это создавало все необходимые предпосылки для работы по-новому. В итоге в 1954 году по новым технологиям были обработаны поля колхозов в объеме 10 322 гектара.

Благодаря применению новых агротехнических приемов многие колхозы района добились существенных результатов. В зоне Красноисетской МТС все восемь колхозов стали миллионерами, а колхоз им. Молотова имел доход в 2 млн рублей. В 1953 году колхозы Далматовского района имели в целом доход в 10 млн 600 тыс руб., а в 1954 году доход колхозов составил 29 млн рублей. Коллектив колхоза им. Свердлова на протяжении нескольких лет внедрял новые агрономические технологии. В 1954 году колхоз получил урожай зернобобовых культур с площади 2950 га по 16,6 у с га, а с паров в 250 га – по 20 ц с га. Больше стали обращать внимания на развитие общественного животноводства и овощеводство. В результате колхоз в этом году получил доход 2,6 млн руб. Семья колхозника Фомина С.Л. на заработанные трудодни получила 350 пудов хлеба, 55 ц грубых кормов для скота, 7280 рублей деньгами. Семья Дягтеревой В.Ф. получила на трудодни 385 пудов хлеба, 50 ц кормов для скота и 6800 руб. денег².

¹ Там же, л.14.

² . ГАОПДКО, ф. 166, оп. 12, д.211, 45-46.

В деле повышения продуктивности полеводства в колхозах и совхоза Зауралья активно использовались новые технологии и других новаторов производства. Большую роль в повышении урожайности сыграли агрономические приемы закалки семян и рассады, разработанные сортоиспытателем А.Е.Вороновой. Эти агроприемы в условиях зауральского климата не только повышали морозостойкость теплолюбивых культур, но и ускоряли их созревание. В первую очередь она занималась закалкой овощных культур.

Новые агроприемы закалки семян и рассады позволяли высаживать рассаду в грунт на 30 дней раньше традиционных сроков. Высаженная рассада имела мощную корневую систему и обладала способностью переносить заморозки до -5 градусов. Выращенная этим способом рассада в торфяных горшочках и питательных кубиках имела ещё больший успех. В колхозе им.Молотова широкое применение методов Вороновой дало большой эффект в выращивании овощей. В 1954 году колхоз получил средний урожай капусты по 284 центнера с га, огурцов 205 центнеров, помидор -202 центнера с га. В бригаде Никифорова собрали урожай капуста с площади 3 гектара по 450 ц с га, помидор с площади 1,5 га по 600 ц при созревании плодов на 80%.

Бригадир овощной бригады колхоза «Пламя» Коростелева М.И. обрабатывала почву под овощные культуры по технологии Т.С. Мальцев и вырастила рассаду по методу А.Е.Вороновой. В результате получен урожай капусты по 400 ц с га, помидор – по 500 ц, огурцов – 350 ц с га.

Но Воронова занималась поисками новых методов повышения урожайности и зерновых культур. В 1951 году по предложению Курганского обкома партии начались испытания по закалке семян зерновых культур по методу Вороновой. Вначале эти испытания проходили на площади 0,4 га. В 1952 году площадь для испытаний расширена до 6 га. Для закалки семян в больших размерах было изготовлено 6 термостатов. Были сооружены ледники для заготовки льда, построено помещение для термостатов и лаборатории. Работа по закалке семян принесла желаемые результаты. Урожай на испытательных площадях получен до 30 ц с га.

Но новое пробивало себе дорогу не просто. Не все верили в новое дело, было немало специалистов, которые просто скептически относились к делу и не проявляли желания помогать. Только вмешательство партийных органов помогло преодолеть это сопротивление и ускорить экспериментальную работу.

В 1954 году опыт по закалке семян был продолжен в более крупных масштабах. Для этого на полях колхоза им. Чкалова были высажены на площади 70 га семена, прошедшие закалку в 1951-1953 годах. Посев был проведен по парам, обработанным по методам Т.С.Мальцева. Впоследствии урожай на этой площади получили по 27 ц с га. Рядом, на площади 95 га посеяна пшеница

при одинаковой обработке почвы, но семена не прошли закалки. Урожай здесь получен меньше – по 20 ц с га.

В процессе работы над методикой закалки семян пшеницы были выявлены измерения в качестве зерна. Воздействие на семена переменными температурами (тепло и холод) приводило к изменениям не только в форме растений и повышении урожайности, но и в качестве зерна. В зерне, прошедшем закалку, в течение ряда лет процент содержания клейковины увеличивался на 30-32%. Это означало, что выпечка хлеба в хлебопекарнях качественно улучшалась. Кроме того, значительно увеличивалась стекловидность зерна, которая доходила до 72%, в то время как традиционное зерно имело стекловидность на 45%.

Все это говорило о том, что разработки А.Е. Вороновой по закалке семян пшеницы были дополнительным источником повышения урожайности к системе обработки почвы, разработанной Т.С.Мальцевым¹.

Новые агротехнологии, выработанные Т.С. Мальцевым, были как раз вовремя. По решению февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС в стране началось массовое освоение новых земель. И нужно было продумать здесь свои подходы в работе с землей. Кое-где стали возникать проблемы. По казахским степям пронеслась черная буря и песком забросала плодородную почву. Активно повыврастали сорняки. Требовалось выработать и внедрить систему земледелия применительно к сложным природно-климатическим условиям республики. Здесь нужна была система, которая бы сохранила плодородие земли и влагу и давала бы высокий урожай. Это и побудила приехать из Алма-Аты первого секретаря ЦК партии Казахстана П.К.Пономарева и секретаря по сельскому хозяйству Л.И.Брежнева приехать в Курганскую область в колхоз «Заветы Ленина».

Гости приехали в 20-х числах мая 1954 года. С Л.И.Брежневым Т.С.Мальцев встречался первый раз. Гость заявил, что приехал учиться и просил показать как можно больше из последних наработок. Пять часов ездили гости по мальцевским полям. Их интересовала суть безотвальной обработки почвы, конструкция новых плугов, дисков, борон, выбор, сорта семян...

«Отвальный плуг,- говорил Т.С.Мальцев,- главный враг степного земледелия. Нужно максимально уменьшить количество оборотов земли. Поднять целину, а затем её как можно меньше её трогайте. Важнейшее условие степных урожаев – пар. Не будет хлеба на целине без пара». Рассказал Терентий Семенович о сроках сева, о борьбе с сорняками, советовал использовать на целине опыт Шадринской опытной станции, тщательнее выработать надежные методы борьбы с эрозией.

¹ Там же, Л.. 52-54.

1953-1954 годы были важной вехой в работе Шадринской опытной станции. Период исканий и испытаний новых технологий в области полеводства, разработанных Т.С.Мальцевым и другими новаторами, заканчивался. Наступал период массового использования новаций в масштабах зауральского края и в других регионах страны.

14 июля 1954 года в зауральском крае происходит событие, о котором не подозревали его жители. На военный аэродром опустился литерный самолет. По его трапу спустился Н.С.Хрущев. Встретил его узкий круг людей во главе с первым секретарем обкома партии Г.Денисовым. Не было здесь журналистов. За всю его поездку не было сделано ни одного снимка. Неприметная для внешнего взгляда машина на больших скоростях направилась в сторону от центрального шоссе, в село Мальцево. О приезде высокого гостя Т.С.Мальцев узнал только в последний момент.

Хрущева Терентий Семенович встретил у правления колхоза. Глава государства поздоровался с ним как со старым знакомым. Сразу, без предисловий, Н.С.Хрущев сказал:

- Ну, показывай свое хозяйство.

- Вот оно, перед вами,- ответил Терентий Семенович.

Перед глазами гостя было большое поле, покрытой золотистой пшеницей. Не было видно ни одного сорняка.

- А может быть это поле только для гостей.

- Смотрите по карте, выбирайте любое, - сказал полевод.

И Никита Сергеевич пять часов ездил по полям колхоза. Он был полон восторга и азарта. Как будто стремился обнаружить какой - нибудь недостаток в работе. В конце визита Н.С.Хрущев заявил:

-Будем проводить у вас Всесоюзное совещание. Пошлем руководителей, ученых, агрономов, председателей колхозов. Пусть посмотрят, послушают вас, поучатся.

Уже у трапа самолета Хрущев заявил провожающим: «Если бы все работали так, как Мальцев, и по всей стране был бы такой хлеб как у него, была бы катастрофа. Куда бы хлеб девать!»¹

По решению ЦК КПСС в 1954 году в Курганской области было проведено два всесоюзных совещания (в августе и октябре 1954 г.) по изучению и распространению новейших агротехнических приемов, выработанных Лауреатом Сталинской премии Т.С.Мальцевым, директором Шадринской опытной станции.

¹ Гладышева Л. Нива жизни Терентия Мальцева. Челябинск, 1980. С. 75-76.

Наиболее крупное и ключевое совещание проходило 7-8 августа 1954 года в селе Мальцево. В совещании приняли участие 331 человек научных работников, агрономов, председателей колхозов от ряда областей страны. Кроме того, в работе совещания приняли участие более 100 секретарей обкомов и председателей облисполкомов Российской, Украинской и Казахской ССР, а также 620 специалистов сельского хозяйства, председателей колхозов, бригадиров полеводческих и тракторных бригад от Курганской области.

Для проведения совещания в колхозе «Заветы Ленина» был построен специальный павильон. Военные строители за считанные дни возвели большой ангар. Привезли сюда стулья, кресла и все необходимое для проведения совещания. Все участники совещания были размещены для отдыха в оборудованных помещениях. Для осмотра полей колхоза, а также посевов в Шадринском районе участники совещания были обеспечены средствами передвижения. Секретари обкомов партии и председатели облисполкомов были обеспечены персональными машинами.

Участники совещания с большим вниманием прослушали доклад Т.С. Мальцева «О методах обработки почвы и посева, способствующих получению высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур». Вот краткое изложение основных идей, высказанных Мальцевым в докладе:

- Перед нами задача реального увеличения сбора зерна. Наряду с расширением посева зерновых культур за счет освоения целинных и залежных земель важнейшим средством для подъема земледелия, дальнейшего развития животноводства и повышения его продуктивности является значительное повышение урожайности сельскохозяйственных культур... Нынешний уровень производства зерна не соответствует возросшим потребностям государства.

Наша задача состоит в том, чтобы умело использовать эти возможности и поднять развитие зернового хозяйства на новую, более высокую ступень.

Крупнейшее значение в этом деле принадлежит агрономической науке. Наш опыт показывает, что чем выше урожай сельскохозяйственных культур, тем выше плодородие почвы.

Агрономическая наука разработала комплекс мероприятий по повышению плодородия почвы – травопольную систему земледелия. Ведущим в этой системе является периодическое прекращение возделывания на полях однолетних растений и посев многолетних бобово-злаковых культур. Теория травопольной системы земледелия утверждает, что многолетние травы обогащают почву органическим веществом, структурируют её и этим повышают её плодородие, а однолетние растения обескультируют почву, при этом уменьшаются запасы органического вещества и понижается плодородие почвы.

Мы считаем, что теория, признающая монопольную роль трав в повышении плодородия почвы и ограничивающее свойство однолетних культур обогащать почву органическим веществом и перегноем, в настоящее время является серьезным тормозом для развития сельскохозяйственной науки и практики.

В связи с отрицанием роли однолетних культур в повышении плодородия почвы ни одно научно-исследовательское учреждение, ни один ученый не ставили своей задачей создать такие почвенные условия для однолетних растений, чтобы они повышали плодородие почвы.

- Мы считаем, что вопрос о способностях однолетних растений повышать плодородие почвы – это главнейший вопрос в агрономической науке.

- Мы со своей стороны решительно заявляем, что однолетние растения по их свойствам при определенных условиях могут обогащать почву органическим веществом (перегноем), могут создавать структуру почвы, и следовательно, повышать эффективность плодородия.

К практической разработке новой системы обработки почвы мы приступили осенью 1949 года. В 1950 году Постановлением Совета Министров СССР была создана новая опытная станция при нашем колхозе «Заветы Ленина». Вся опытная работа ведется на полях колхоза «Заветы Ленина» силами и средствами колхоза и МТС. На станции имеется три научных сотрудника.

Основными задачами нашей станции является:

1. Разработка системы обработки почвы, обеспечивающая непрерывное повышение плодородия этой почвы и урожайности полевых культур в условиях Зауралья.

2. Подбор культур и сортов зерновых, зернобобовых и трав, обеспечивающих повышение урожайности, получение устойчиво высоких урожаев и получение плодородия почвы при новой системе обработки почвы.

3. Разработка агротехнических требований для освоения новых и усовершенствования старых существующих орудий обработки почвы и сельскохозяйственных машин применительно к новой системе обработки почвы.

В степной и лесостепной части Зауралья большинство почв - выщелоченные черноземы разной мощности, а также разнотипные солонцы и солончаки. Климат нашего района характеризуется холодной зимой, когда почва промерзает более, чем на 1,5 метра, часто повторяющейся майской и июньской засухой и выпадением значительного количества осадков в июле, а также ранним наступлением заморозков.

Земля Зауралья значительно засорена сорняками. Засоренность земли овсюгом в прежние времена лишали многие единоличные хозяйства урожая и приводило их в крайнее расстройство.

Наша система обработки почвы предусматривает необходимость проводить вспашку паров плугами без отвалов на глубину 40-50 и более см и затем 3-4 года посев зерновых и других однолетних культуры без вспашки.

Однолетние культуры убираются на сено или зерно, смотря по потребности и выгоды их использования.

Глубокая безотвальная вспашка обеспечивает:

1. Сохранение различных слоев почвы на своих местах почти без перемещения их, а если перемещение и происходит, то незначительное.
2. Уничтожение сорняков.
3. Значительное увеличение окультуренного пахотного слоя.
4. Сохранение от разрушения структуры почвы.
5. Накопление возможно большего количества влаги.

Особенно эффективна безотвальная вспашка на глубокостолбчатых солонцах. Может быть эффективна и на других землях.

При обычной вспашке солонцовых почв на большую глубину выворачивается на поверхность сильно солонцеватый слой, делающей всю вспаханную почву на многие годы непригодной для возделывания сельскохозяйственных культур. При вспашке плугами без отвалов на глубину 40-50 и более см разрушается столбчатый горизонт, нарушается его связь с нижележащими и происходит некоторое улучшение солонцеватого слоя почвы и окультуривание его.

Перед агротехникой пара мы ставим задачу очищения почвы от однолетних и многолетних сорняков, максимального накопления влаги и минерализации почвы для растений.

На второй и последующие годы поля не пахут, а только обрабатывают дисковыми орудиями. При этом обработка начинается послеуборочным дискованием почвы, лучше с прокатыванием кольчатым катком. Осенью проводится ещё одно дискование в поперечном направлении в глубину 7-8 см. После первого дискования с прикатыванием создаются благоприятные условия для прорастания осенью ряда сорняков. Их всходы будут уничтожены осенью дискованием в поперечном направлении. Двукратное осеннее дискование обеспечивает весеннее боронование почвы.

Уже 5 лет мы сеем пшеницу, овес, гречку, силосные культуры по непаханной стерне. Всего за 5 лет в колхозе было посеяно таким способом 5 тыс. га. В 1950 году на таких полях получаем от 20 до 40 ц с га. Всего за 5 лет в колхозе было посеяно таким способом 5 тыс. га.

Дальше Терентий Семенович остановился на вопросах работы над сортовыми семенами. На опытной станции выявлялись и распространялись лучшие семена. Тысячи тонн сортовых семян опытная станция передала колхозам и

совхозам области. Среди них были лучшие сорта пшеницы: Цезиум – 111, Милитурум -553, Литестенс – 956.

Т.С.Мальцев рассказал, что в результате внедрения в производственную практику новых методов возделывания сельскохозяйственных культур значительно повысилась урожайность, вырос валовой сбор зерна в колхозе «Заветы Ленина». В 1953 году в сравнении с 1950 годом валовой сбор зерна вырос на 10 тыс. центнеров, выросла сдача хлеба государству. Было выдано на фуражные фонды зерновых продуктов более в два раза. Денежные доходы колхоза выросли с 470 тыс. руб. в 1950 году до 1520 тыс. руб. Неделимые фонды выросли в два раза. Рост денежных доходов позволил колхозу развернуть строительство производственных помещений, электрифицировать село, приобрести необходимые машины и оборудование, выросла оплата по трудовым дням.

В перерывах академической работы все участники совещания осмотрели и ознакомились с работой Т.С.Мальцева на полях колхоза «Заветы Ленина» и других колхозов Шадринского района, а затем активно обсудили результаты работы и достижения опытной станции.

На пленарном заседании выступило 39 человек. Среди выступающих здесь были: Никанорова (научный сотрудник почвенного института Академии наук СССР), Бугаев (директор Курганского сельхозинститута), Генкель (Институт физиологии растений Академии наук), Денисов (секретарь Курганского обкома партии), Лысенко (Президент Академии наук), Щербинин (научный сотрудник Академии наук Казахстана), Масалов (гл. агроном Кокчетавского сельхозуправления), Кесслер (нач. Курганского областного управления сельского хозяйства), Кальченко (зам. министра совхозов СССР) и др.

В целом же в прениях на пленарном и секционных заседаниях выступило 173 человека¹.

В своем выступлении на пленарном заседании первый секретарь Курганского обкома партии Г. Денисов сказал следующее:

«Мы не собираемся хвалиться перед всеми высоким урожаем, но мы убеждены в том, что, побывав на полях других колхозов, вы придете к выводу, что хлеборобы Курганской области стоят на верном пути к подъему урожайности полей и увеличению производства зерна.

Колхозы, МТС и совхозы испытывают большую нужду в новой, усовершенствованной технике, которая соответствовала новым методам обработки: в безотвальном плуге, лапчатых боронах, десятиметровых дисковых луцильниках к тракторам ДТ -54. У нас всего 20 безотвальных плугов, которые находятся у Мальцева. Два года мы просим безотвальные плуги, но ни одного пока не

¹ ГАЛПДКО, ф. 12, д. 106, л. 146.

получили. Этот вопрос несколько раз обсуждался на заседании коллегии Министерства сельского хозяйства СССР. Однако до сих пор дело не сдвинулось. В Министерстве сельского хозяйства считают, что этот вопрос надо глубоко изучить, технику нужно испытать, потому её кому-то заказать. Мы прямо заявляем: дайте нам 3,5 тыс. безотвальных плугов, и они пойдут в дело – вся почва будет обработана по-новому, по-мальцевски.

Выгодно ли государству, что в области проводится обработка почвы по системе Т.С. Мальцева? Безусловно, выгодно. После того, как начали применять новую агротехнику, урожаи неуклонно идут в гору. За истекшее пятилетие валовой сбор зерна в нашей области увеличился вдвое. Нынче мы надеемся сдать и продать государству на 10 млн пудов хлеба.

И колхозы в большой выгоде от новой агротехники. С 1950 года колхозники не получали меньше 2 кг хлеба на трудодень. В прошлом году выдавали по 2,5 кг хлеба. В этом году колхозы намерены выдавать около 3 кг хлеба на трудодень, даже больше выдавать хлеба в закуп и повисить оплату труда в денежном выражении»¹.

В своих выступлениях участники совещания приводили убедительные примеры эффективности агроприемов, разработанных Т.С.Мальцевым. Так, в колхозах, обслуживаемых Понькинской, Шадринской и другими МТС Курганской области, урожай на глубоких парах, обработанных без оборота пласта, в течение ряда лет был на 6-8 центнеров выше, чем на обычных. В колхозе им. Фрунзе Викуловского района Тюменской области в этом году урожай пшеницы и овса, посеянных по системе Т.С.Мальцева (без вспашки, но по дискованной почве), значительно выше, чем при любом другом способе обработки почвы, а урожай ожидался в 30 ц с га. В колхозе им. Калинина Одесского района Одесской области урожай посеянной пшеницы на не паханной, а обработанной дисковыми орудиями почве на 8,5 ц с га выше, чем на зяби».

Выступающие на конференции отмечали, что агроприемы Т.С.Мальцева находят применение и на Украине. Заместитель председателя Одесского облисполкома т. Назаренко сообщил, что в колхозе им. Буденного Одесской области пшеница, посеянная по не вспаханному, а продискованному кукурузному полю, дала по 26030 центнеров с га. Назаренко сообщил, что в Одесской области намечается посеять таким методом более 100 тыс. га пшеницы.

Профессор Генкель по результатам института физиологии растений АН СССР сообщает, что при посеве по непаханной, но обработанной дисковыми луцильниками почве повышается засухоустойчивость и улучшается питание растений.

¹ Там же, оп. 12, д. 106, л.149.

Ученые и практические работники на совещании указали большое значение не только для возделывания зерновых культур, но и для выращивания высокого урожая хлопчатника и сахарной свеклы в Средней Азии и на Украине; для выращивания корнеплодов, картофеля и для углубления пахотного слоя в зоне подзолистых почв, а также для освоения разного типа солонцеватых почв.

Выступающие на конференции показали, что возделывание зерновых и других культур по непаханой, но обработанной дисковыми луцильниками почве, наряду с повышением урожайности и увеличением плодородия почвы, но обеспечивает значительное сокращение объема тракторных работ и расходы горючего на выращивание урожая.

Расход горючего на га условной пахоты в кг приведен в табл. 1.

Таблица 1

	1952		1953	
	Керосин	Дизельное топливо	Керосин	Дизельное топливо
Колхоз «Заветы Ленина»	13,4	9,0	12,1	7,4
Колхозы Шадринской МТС	13,6	8,5	14,0	9,0
В среднем по области	14,3	9,2	13,7	9,2

Расход горючего в колхозе «Заветы Ленина» колеблется по годам в зависимости от площади, подвергнутой глубокой вспашке плугами без отвала, но в среднем за последние годы он меньше, чем в колхозах Шадринской МТС и в целом по области.

На один центнер израсходованного горючего получено зерна в центнерах:

	1952	1953
Колхоз «Заветы Ленина»	16,6	36,0
Колхозы Шадринской МТС	10,5	18,7

Таким образом, в колхозе «Заветы Ленина» на один центнер горючего получен урожай хлеба в 2 раза больше, чем в колхозах Шадринской МТС¹.

Как отметили участники совещания, опыт Мальцева по обработке не вспаханной почвы дисковыми луцильниками может быть широко применен во всех районах, осваивающих целинные земли, а также на Украине, на Северном Кавказе и в Поволжье при посеве озимых по непаровым предшественникам, в частности по кукурузе, корнеплодам и другим пропашным культурам.

Знаменательным было выступление на совещании Президента Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина Т.Д.Лысенко, который сказал:

¹ Там же, 148.

«В своем выступлении я хочу дать ответ на такой вопрос, который интересует ряд товарищей. Некоторые, наверное, думают, и даже говорят мне, что система обработки почвы, применяемая Мальцевым, имеет расхождение с тем, чему я отдаю свою душу, что, мол, Лысенко совсем не согласен с Мальцевым или он не согласен в каких-то отдельных положениях. На этом большом собрании я заявляю, что у меня с Мальцевым не было расхождений в науке, и нет. Наперед не знаю. А до сегодняшнего дня таких расхождений не было и нет, и я даже не буду ссылаться на Терентия Семеновича, что ни одно мероприятие он не проводил здесь, неоднократно не обсудив его со мной. Я здесь впервые, но он не один раз был в Москве и у меня.

Как я могу расходиться с предложением Т.С.Мальцева, когда Мальцев любит и ценит науку и теорию. Партия всегда нас учила и учит, что наука, теория, - это могучее средство, без которого нельзя по-настоящему хозяйствовать, нельзя иметь изобилие продуктов и товаров...

Некоторые представляют предложение Мальцева упрощенно, говорят, что он за поздние посевы, говорят, что он против пахоты. Это, товарищи, упрощенчество. Предложения Мальцева исходят из самых глубин науки. Творцами науки были, есть и будут миллионные массы, они её творят, а ученые её обобщают. Предложения Мальцева Т.С. исходят из глубины науки и он является одним из небольшого количества обобщающих науку.

Смотреть на предложения Мальцева как на то, что он за поздние посевы, или на то, что он проводит посевы без пахоты – это упрощенчество, это значит ничего не понять в науке».

Научные учреждения системы сельскохозяйственных наук медленно поворачивались к мальцевским новшествам. Опытная станция Мальцева первой в стране подняла вопрос о более прогрессивных агрономических технологиях. И инициатива исходила от практиков, от партийных и государственных органов. Именно ЦК КПСС стал инициатором этого Всесоюзного совещания аграрников в с. Мальцево. Они оказались впереди непосредственно земледельческих учреждений и институтов. История науки свидетельствует, что крупные открытия всегда встречали в штыки специалисты тех областей, которых это открытие касалось. Очень трудно менять свои представления и стереотипы. Рядовых же земледельцев и общественных деятелей мало тревожило, каким теориям противоречат урожаи Т.С. Мальцева. Присутствовавшие на совещании секретари обкомов КПСС и председатели облисполкомов разных регионов страны, осмотрев посевы не только в колхозе «Заветы Ленина», но и в колхозах других районов области, дали высокую оценку агрономическим приемам, разработанным Т.С.Мальцевым, и заявили, что они будут их широко внедрять в колхозах и совхозах своих регионов.

После окончания Всесоюзного совещания первый секретарь Курганского обкома партии и председатель облисполкома в своей докладной записке на имя Н.С.Хрущева писали, что в ходе работы совещания выявилась особая позиция отдельных представителей науки: профессор Соколов, научный сотрудник Барсуков, работники экспедиции Академии наук СССР – Никанорова и Бахтин на совещании не дали четкого и определенного научного значения работ Т.С.Мальцева и не определили к ним свое отношение. При ознакомлении с текстом доклада Мальцева до начала совещания, некоторые из них пытались внести в доклад такие поправки, которые смазывали само существо теоретических обоснований новой системы обработки почвы, разработанной Мальцевым.

Некоторые опытные станции недобросовестно относились к испытанию методов обработки почвы, рекомендованных Мальцевым, отступали от его указаний.

Участники совещания неодобрительно встретили письма профессора Чижевского и академика Якушкина, которые не раскрыли своих взглядов на предложенную Мальцевым новую систему обработки почвы.

Всесоюзное совещание одобрило научную и производственную деятельность Т.С.Мальцева, и работу возглавляемой им Шадринской опытной станции в колхозе «Заветы Ленина». Разрабатываемую им систему обработки почвы и посева сельскохозяйственных культур совещание сочло прогрессивной, обеспечивающей высокие и устойчивые урожаи и повышение плодородия почвы, и рекомендовало ее для широкого внедрения в практику работы колхозов и совхозов страны¹.

В заключительном выступлении Т.С.Мальцев отметил: «Задача повышения плодородия почвы и увеличение производительности труда в земледелии может быть решена только общими усилиями. Что применимо из нашего опыта – используйте, ищите новые пути, которые повышают плодородие почвы, повышают урожайность. Дело ведь не в Мальцеве, все в государственном подходе к делу, в дальнейшем развитии сельскохозяйственной науки и земледелия. Здесь поднимали вопрос, всегда ли нужно применять для новаторской обработки земли дисковые лушпильники? На Украине очень одобряют буккера. Если будет что-то лучше, изучайте, если будут лучшие орудия для безотвальной обработки почвы – используйте их».

Закрывая Всесоюзное совещание, заместитель министра сельского хозяйства СССР В.В.Мицкевич сказал:

«Работа Т.С.Мальцева ещё и ещё раз с исключительной наглядностью и убедительностью показала, какой эффективностью оплачивает природа разум-

¹ Там же, л. 151.

ный труд человека, когда правильное знание законов природы и процессов, происходящих в ней, направляют по воле человека и дают результаты повышения урожайности и повышения плодородия почв.

Главным итогом нашего совещания является то, что большое количество людей, занимающихся сельскохозяйственной наукой и практикой, ведающих вопросами сельского хозяйства и работающих над вопросами улучшения сельского хозяйства, побывали и наглядно убедились в очень больших работах, проделанных в колхозе «Заветы Ленина» под руководством Т.С.Мальцева.

Вторым результатом нашего совещания будет являться то, что подавляющее большинство участников совещания уедут отсюда глубоко убежденными в том, что методы и приемы, выработанные Т.С.Мальцевым, нужно широко пропагандировать и широко внедрять в производство, нужно внедрять в сознание агрономов, специалистов, работников сельского хозяйства, которые трудятся над повышением урожайности, над улучшением сельскохозяйственного производства. А сейчас участники нашего совещания, да и любой мало-мальски разбирающийся в сельском хозяйстве человек разве может сейчас, смотря на чудные посевы, выращенные в колхозе «Заветы Ленина», чудесные пары Мальцева или пары и посевы в окружающих колхозах, которые следуют примеру колхоза «Заветы Ленина», не проявить инициативу сделать у себя такое же прекрасное поле, пары, добиться такой обработки почв, таких высоких урожаев. Нет, не может от этого отрешиться честный, стремящийся сделать хорошее дело, человек. Бюрократу и в голову не придет ставить опыты, чтобы убедиться, полезны или не полезны нам предложения Т.С.Мальцева»¹.

Буквально через неделю после окончания работы Всесоюзного совещания аграрников в с. Малдыцево первый секретарь Курганского обкома партии Г. Денисов и председатель облисполкома Г. Сизов отправляют докладную записку на имя первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР Н.С.Хрущева. В этом документе был дан анализ проведенного научного форума: его состав, характер работы, его решения. В краткой форме изложена суть учения и практических приемов, обработки почвы и посевов, выработанных Т.С. Мальцевым. Руководители Курганской области пишут, что внедрение в производство колхозов и совхозов новых методов обработки почвы необходимо распространить во многих хозяйствах страны. Однако это сдерживается неправильным отношением к Мальцеву и его методам со стороны Министерства сельского хозяйства СССР. В Министерстве неоднократно слушали доклад Мальцева, одобряли его работу, выносили решения, а практических мер к внедрению в производство его методов не принималось. В апреле 1953 года обком

¹ . ГАОПДКО, ф. 166, оп.12, д. 98, л.398-399.

КПСС и облисполком просили поддержать решение о переходе всех колхозов и совхозов области на новую систему агрономических приемов, разработанную Мальцевым, выделить МТС области необходимое количество гусеничных тракторов, ускорить изготовление и завоз в область луцильников ДД-16,5, ДД-10, безотвальных плугов с обтекательными стойками, лапчатых борон, универсальных тракторных прицепов и соломокопнителей емкостью 50 куб.м. Обком и облисполком вышли с предложением пересмотреть нормы расходования горючего в сторону их увеличения для тракторов, занятых на работах по углублению пахотного слоя. Однако просьбы курганского руководства не были удовлетворены. В докладной записке Н.С.Хрущеву вновь делается заявка на выше указанные орудия сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем, был поставлен вопрос о выделении 3 млн рублей на строительство областной сельскохозяйственной выставки, средства на строительство при опытной станции гостиницы на 100 мест для приезжающих гостей, лекционного зала на 400 мест, здания для агрономической лаборатории, гаража и материального склада.

Была выражена просьба Н.С.Хрущеву, чтобы правительство обязало Министерство финансов СССР выделить 1,2 млн рублей кредитов крестьянству колхоза «Заветы Ленина» для строительства индивидуальных домов, а Министерство лесной промышленности выделить для сельчан 100 одноквартирных деревянных домов.

В конечном итоге, курганские руководители Г.Денисов и Г. Сизов обратились к Н.С.Хрущеву с просьбой: за разработку новой системы обработки почвы, способствующей выращиванию высоких урожаев сельскохозяйственных культур, ходатайствовать об избрании лауреата Сталинской премии Т.С.Мальцева членом-корреспондентом Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина и присвоении ему звания Героя Социалистического Труда¹.

В.В. Подливалов

ПРИЕЗД ХРУЩЕВА В КУРГАН В 1961 ГОДУ С ЦЕЛЬЮ ВРУЧЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ НАГРАДЫ

Реализуя в жизнь новую аграрную политику государства на основе новейших агрономических технологий, а также освоения в больших масштабах целинных и залежных земель, зауральские хлеборобы получили в 1959 году рекордный урожай и смогли сдать государству 90 млн пудов хлеба. Советское правительство наградило Курганскую область орденом Ленина. Но только вес-

¹ Там же, д. 106, л. 152.

ной 1961 года Хрущев смог заехать в г. Курган с целью вручения этой высокой правительственной награды.

Партийное и советское руководство активно готовилось к этой встрече. В этот процесс были включены как областное, так и районное руководство. Предполагался приезд делегаций со всех районов области. В этих целях забронировали 555 мест в гостиницах и общежитиях г. Кургана. Готовились встретить правительственных гостей на машиностроительном заводе, Уралсельмаше, заводе медицинских препаратов, в Курганском племсовхозе, колхозе «Серп и молот».

Предполагалось провести митинг на площади.

Тщательно готовилось проведение торжественного совещания областного актива. На областное совещание, где предполагалось вручение Курганской области награды, пригласили 643 человека, среди них 114 членов и кандидатов в члены обкома КПСС, 70 депутатов областного совета, СССР и РСФСР, 60 первых секретарей райкомов КПСС и председателей горрайисполкомов, 78 председателей колхозов и 7 директоров, 143 передовика промышленного и сельскохозяйственного производства.

Готовились встречать правительственную делегацию как на железнодорожном вокзале, так и в аэропорту. Продуманы маршруты продвижения и их безопасность. Для этого отобрали сотни людей с заводов, учреждений, вузов для создания системы оцепления.

4 марта утром состав с правительственной делегацией прибыл на станцию Курган. Вместе с Н.С. Хрущевым прибыли Г.Н. Воронов, зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Л.Ф. Ильичев, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам, Д.Е. Полянский, Председатель Совета Министров РСФСР, В.П. Сотников, Министр сельского хозяйства РСФСР, П.А. Сатюков, редактор газеты «Правда», В.Н. Поляков, редактор газеты «Сельская жизнь».

На железнодорожном вокзале гостей принимали представители областного партийного и советского руководства: Г.Ф. Сизов, Г.А. Журавлев Ф.К. Князев, В.В. Подливалов, В.А. Москвин, С.П. Сергеев, Н.Н. Брызгин, П.В. Владимиров, С.С. Глебов, В. А. Ермаков, М.П. Чумаков, М.С. Гаркуша, Н.С. Зубченко, В.Ф. Юдина.

На встрече Н.С.Хрущеву хлеб-соль вручил знатный комбайнер Каменского совхоза Е.Ф. Толпышев, цветы вручила Л.А. Манакова, фасовщица завода мед-препаратов. Хрущеву и сопровождающим его лицам цветы вручили пионеры.

Затем Хрущев и сопровождающие его лица, а также встречающие их курганские руководители разместились по машинам. Их маршрут шел по улице Красина, с поворотом на ул. Гоголя до драмтеатра. Весь этот маршрут был пе-

реполнен людьми, находившиеся в оцеплении еле сдерживали напор курганцев. Как вспоминал бывший тогда первым секретарем Курганского горкома партии Брызгин Н.Н., автомашины подошли к кинотеатру «Россия», к самой площади. Никто уже не был в состоянии удерживать ту огромную массу людей, которые были сосредоточены в этом месте. Машины захлестнуло. Сумели вытащить правительственные машины. Их провели в обход площади через городской сад. Курганские руководители вынуждены были выскакивать из машин и самостоятельно пробираться через толпу, а затем через городской сад к месту торжественного совещания. Хрущев прибыл на место, членов президиума собрания ещё нет. Но вскоре все собрались и начали работу. В президиуме торжественного собрания было 44 человека: члены правительственной делегации, члены бюро обкома партии и члены облисполкома, передовики производства.

В президиуме совещания были: Н.С. Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР; Н.Н. Брызгин, Первый секретарь Курганского горкома КПСС; Г.Н. Воронов, зам пред. Бюро ЦК КПСС по РСФСР; П.В. Владимиров, нач. обл. управления КГБ; М.Н. Вторушин, комбайнер Каргапольской РТС, Герой Социалистического Труда; М.С. Гаркуша, первый секретарь Курганского обкома ВЛКСМ; С.С. Глебов, редактор областной газеты «Советское Зауралье», Дягтерева, фасовщица завода Уралсельмаш, депутат Верховного Совета РСФСР; Н.Ф. Добрыеме, работник Курганского мясокомбината; М.Д. Драчев, первый секретарь Усть-Уйского райкома КПСС; Н.С. Екимов, комбайнер Баксарского совхоза Лебяжьевского района; А.Д. Елкин, пред. колхоза им. Сталина Каргапольского района, депутат Верховного Совета РСФСР; В.А., Ермаков, председатель совнархоза, Т. Жевлакова, ученица Межборской 8-летней школы Глядянского района; Г.А. Журавлев, второй секретарь обкома КПСС; Н.С. Зубченко, председатель парткомиссии обкома КПСС; Г.Н. Иванов, зам. пред. Облисполкома; А.Д. Иванова, бригадир бригады коммунистического труда маляров треста Курганжилстрой; Н.Ф. Ивченко, птичница Шадринского зерносовхоза; Л.Ф. Ильичев, зав отделом пропаганды и агитации ЦК. КПСС по союзным республикам; Н.Е. Карпов, комбайнер Петуховского зерносовхоза, Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета РСФСР; В.П. Карпов, машинист электровоза Курганского локомотивного депо, Герой Социалистического труда; Ф.К. Князев, председатель облисполкома; С.Е. Козырев, зампред. облисполкома; Н.Т. Кривоносов, комбайнер Усть-Уйского совхоза, Герой Социалистического Труда; Н.Е. Крайзер, Командующий Уральским военным округом; М.И. Лопатин, профессор Курганского сельскохозяйственного института; Т.С. Мальцев, полевод колхоза «Заветы Ленина» Шадринского района, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР; В.А. Москвин, секретарь обкома КПСС; Н.И. Одинцова, пред-

ставитель Президиума Верховного Совета РСФСР; П.В. Пайвина, свиновод совхоза «Красная Звезда» Шадринского района, Герой Социалистического Труда; В.В. Подливалов, секретарь обкома КПСС; Д.С. Полянский, Председатель Совета Министров РСФСР; В.Н. Поляков., редактор газеты «Сельская жизнь»; Н.И. Родионова, трактористка совхоза «Степной» Половинского района, Герой Социалистического Труда; М.Д. Савельев первый секретарь Петуховского райкома КПСС; С.П. Сергеев секретарь обкома КПСС; Г.Ф. Сизов, первый секретарь обкома КПСС; В.П. Сотников министр сельского хозяйства РСФСР. П.А. Сатюков, редактор газеты «Правда»; П.Ф. Тетерин, первый секретарь Кировского райкома ПСС; Н.П. Чумаков, председатель облпрофсовета; В.Ф. Юдина, зав. отделом обкома КПСС; Т.А. Юркин. министр хлебопродуктов.

Первый секретарь Курганского обкома партии Г.Ф. Сизов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Курганской области орденом Ленина:

«За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Курганской области в деле увеличения производства зерна и успешное выполнение обязательства по продаже государству в 1959 году 90 млн пудов хлеба, наградить Курганскую область орденом Ленина».

Проводится процедура вручения награды. Н.С.Хрущев вручает орден Ленина первому секретарю областного комитета партии Г.Ф. Сизову, Председателю облисполкома К.Ф. Князеву, а также передовикам производства Карпеш, машинисту электровоза станции Курган, И.К. Карпову, комбайнеру Петуховского зерносовхоза, Е.И. Родионовой, трактористу совхоза «Степной».

Первым выступил на торжественном совещании Г.Ф. Сизов. В своем выступлении он отметил, что в предыдущем 1960 году колхозники и рабочие совхозов в ответ на награду области приложили все силы, чтобы добиться высокого урожая. Средняя урожайность зерновых в этом году составляла 15, 2 ц с га. Государству было продано 76 млн пудов хлеба. За повышение урожайности зерновых культур и перевыполнение плана сдачи хлеба государству Совет Министров республики присудил Курганской области переходящее Красное Знамя, а также отметил положительную работу многих хозяйств в деле сдачи государству продукции животноводства.

В текущем году Курганская область должна сдать зерна государству не менее 80 млн пудов хлеба. Но отставало в области общественное животноводство. Осуществляемые в этом году меры позволят получить и продать государству 100 тыс. тонн мяса, 370 тыс. тонн молока, 100 млн шт. яиц и 2300 тонн шерсти.

Г.Ф. Сизов отметил, что наряду с развитием сельского хозяйства в зауральском крае большое внимание уделяется развитию промышленности. В по-

слевоенные годы в Курганской области развернулось промышленное строительство. Идет строительство новых и реконструкция старых промышленных предприятий: Курганский машиностроительный, медицинских препаратов, насосный, полиграфических машин, телефонный. Началось строительство завода тяжелых кранов, подшипникового, коврового и текстильного комбинатов и других заводов.

В нынешних условиях зауральские заводы расширяют свои производственные площади, оснащаются новым оборудованием, совершенствуют производство и продукцию. Ведущее место у нас в промышленности занимает отрасль машиностроения. В настоящее время промышленность Курганской области выпускает автобусы, мощные колесные и гусеничные тягачи, экскаваторы, наносы, дорожные и полиграфические машины, оборудование и арматуру для химической промышленности, медицинские препараты и другое.

Далее Сизов отметил, что промышленное строительство в Курганской области обретает прочную индустриальную основу. Новые корпуса заводов мы строим только из конструкций сборного железобетона. Наши строители освоили производство напряженных ферм, балки больших пролетов, напряженные плиты. Сегодня пускается завод газобетона на 60 тыс. куб. метров, керамзитного гравия на 100 тыс. куб. метров. А ведь совсем недавно ничего этого у нас не было.

Много внимания в Курганской области уделяется вопросам улучшения благосостояния населения. Высокими темпами осуществляется жилищное и соцкультурное строительство. За два года семилетки в Курганской области построено только за счет государственных средств 320 тыс. куб.м. жилья, в т.ч. в Кургане 123,3 тыс. кв. метров. В прошлом году планы строительства успешно выполнены. Но жилья все равно не хватает. Много делается в области по обеспечению населения предметами первой необходимости и продуктами питания.

Закончил свою речь Г.Ф. Сизов тем, что трудящиеся области в ответ на награду будут ещё активнее работать во всех сферах жизни зауральского края.

Затем выступил председатель колхоза им. Сталина Курганского района А.Д. Елкин. Он отметил, что хозяйство, которое он возглавляет, создано в 1950 года на базе объединения шести небольших сельхозартелей. Теперь хозяйство располагает сельскохозяйственными угодьями в 6 558 га. До 1953 года прирост сельскохозяйственной продукции был незначительным. Но после сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС, где стали активно внедрять в полеводство прогрессивные методы обработки почвы и посева, добились устойчивых и высоких урожаев. В среднем за 7 предыдущих лет средняя урожайность составила 15,2 ц с га, а последние два года – 19,6 ц с га. Выращивание на площади 800 га куку-

рузы создало условия для улучшения кормовой базы в животноводстве. Это позволило улучшить продуктивность этой отрасли производства. В целом в 1960 году в сравнении с 1953 годом колхоз продал государству мяса в 5 раз, молока – в 4 раза, шерсти- в 5 раз, яиц в 6 раз больше.

В результате улучшения положения в хозяйственной деятельности укрепляется неделимый фонд колхоза и составляет 10 млн рублей, а денежный доход в 1960 году составил 6 млн рублей. Колхоз полностью выкупил в МТС технику, хозяйство электрифицировано и радиофицировано. Улучшилось благосостояние колхозников. С 1953 года колхоз перешел на денежную оплату труда. Зарплата колхозников в сравнении с 1953 годом выросла в 2 раза. За последние несколько лет 150 колхозников построили и отремонтировали свое жилье. Ускорилось строительство новых производственных зданий, возведены 2 бригадных клуба и клуб на центральной усадьбе на 450 мест.

Слово взял механик лафетной жатки Баксарского совхоза Лебяжьеvского района Н.С. Екимов Он поделился опытом работы новаторского использования техники.

«Техника, - сказал он,- сегодня высокопроизводительная, но ею нужно овладеть. Долго мучался, все думал – как лучше использовать современные машины. Механизатором проработал 24 года, и только в 1959 году я добился своего. Оборудовал сцеп для трех жаток и добился хорошей работы техники. За 16 рабочих дней вместе с Ермаковым А.П. мы скосили 2000 га богатых хлебов. На этом я не остановился, стал продумывать, а что можно ещё сделать. В конечном итоге я принял решение работать на сцепе шести жаток. Оборудовал этот агрегат. Удалось смонтировать управление агрегатом из кабины трактора. И я стал работать на двух сцепах.

Благодаря хорошей работе трактористов А.П. Ермакова и Ф.Г. Петрова в 1960 году мы скосили агрегатом - сцепом 2250 га хлебов, из них половина хлебов полеглих.

Опыт убеждает меня в том, что работать на шести жатках может каждый механизатор. Использование такого подхода увеличивает производительность труда. В этом году, мы три механизатора, заменили 12 работников и высвободили 4 трактора. Это дает возможность снизить себестоимости зерна».

Фрезеровщица завода «Уралсельмаш» Н.И. Дягтерева рассказала, что их завод начал выпускать новые машины, мощные колесные тягачи. Создание этой машины потребовало создания специального конструкторского бюро, укрепления технических служб, а главное, проведения большой работы по обучению рабочих. В конечном результате, завод стал иным – появились новые цеха, новое современное оборудование. И вскоре завод сумел освоить три вида новых машин.

В серийное производство пустили одноосные тягачи. Кроме того, инженеры, конструкторы и рабочие испытали четырехосный тягач.

Коллектив завода добросовестно трудится. Одна треть трудового коллектива, три цеха, 30 бригад и смен боролись за звание коллектива и ударника коммунистического труда. 500 молодых рабочих учатся в техникумах, вечерних школах и институтах. Свыше 600 человек повышают свои знания непосредственно на заводе.

Н.И. Дягтерева заявила, что трудовой коллектив завода не только стремится хорошо работать, но и помогать подшефному Половинскому району. В 1960 году на уборке урожая в районе трудилось 400 заводчан, в т.ч. 80 из них работали трактористами и комбайнерами. Завод выделил колхозам района 22 станка, изготовил 30 печей для цыплятников, отремонтировал 100 различных сельскохозяйственных машин. Кроме того, в 1961 году завод изготовил для колхозов 800 новых подборщиков, 500 кормодробилок, смонтировал на ряде ферм водопровод... Это помогало колхозам выполнять свои обязательства перед государством.

На торжественном совещании дали слово ученице восьмилетней Межборской школы Лебяжьевого района Тамаре Живиловой. Она сказала, что только в этом году учащиеся Курганской области вырастили полмиллиона голов птицы, 20 тыс. кроликов, школьники принимают участие в уборке урожая. Учащиеся высадили сотни тысяч деревьев. Только их Межборская школа высадила 38 тыс. деревьев.

Юннаты Межборской школы вот уже 4 года работают над выращиванием нового сорта кукурузы. Начали эту работу с 5 початков. В 1959 году в колхозе «Сибирь» было уже получено на 7 га по 65 центнеров с гектара. Если наш гибрид пройдет испытание, то назовем этот сорт «Межборский-пионерский».

Профессор Курганского сельскохозяйственного института М.И. Лопатин заявил, что студентов здесь обучают в тесной связи с реальным производством. В институте на фермах и скотных дворах учебно-опытных хозяйств студенты зоотехнического факультета работают телятницами, скотниками, доярками, свиноводцами, конюхами, птичницами, успешно выполняют производственные задания. Студенты агрономического факультета на больших земельных массивах учебно-опытных хозяйств с ранней весны до поздней осени работают в составе постоянных производственных бригад на закрепленных за ними земельных участках с использованием современной техники, выполняют все виды работ от посева до уборки урожая. В 1960 году урожай семенной пшеницы получили высокий – по 23,4 ц с га, а на землях нашего Шадринского опытного поля получили по 23,9 ц с га.

Сегодня сельхозинститут ведет работу по агротехнике выращивания кукурузы в зауральских условиях. На больших площадях учебно-опытного хозяйства мы получаем урожай 350 ц зеленой массы кукурузы с початками восковой спелости. А такой сорт, как «Первомайский», полученный из Оренбуржья, и «Воронежский -79» в отдельные годы дает 40- 50 ц с га зрелых семян кукурузы в початках.

Кафедра микробиологии проводила испытания в течение трех лет наземного способа силосования кукурузы. Полученный в этом плане положительный результат позволил перенести этот способ в работу сельскохозяйственных предприятий.

Вместе со специалистами Курганского завода медпрепаратов кафедра микробиологии впервые в Курганской области производила испытания в животноводстве сухой биомассы, приготовленной заводом медпрепаратов из отходов от производства антибиотиков – биомицина и витамина В-12. В 1959-60 годах биомасса применялась многими колхозами и совхозами Курганской области при выращивании поросят и цыплят. Во всех испытаниях биомасса вызывала значительное увеличение продуктивности животных, почти полностью сохранялся молодняк. В 1960 году израсходовано около 150 тонн этого ценного препарата. Высокая экономическая эффективность применяемой в животноводстве биологической массы вызывала огромный спрос во многих колхозах и совхозах.

Кафедра разведения сельскохозяйственных животных ведет работу по созданию новой Курганской молочной породы овец для Зауралья. В институтском учебном хозяйстве имеется 700 голов. В 1960 году постриг шерсти от баранов этой группы составляет 7,1 кг с головы при среднем живом весе в 76-80 кг.

В сельскохозяйственном институте имеются успехи в деле изучения и применении приемов, разработанных Т.С.Мальцевым, по применению на полях органических и минеральных удобрений, по применению денежной оплаты труда в колхозах области, по разработке агротехники по возделыванию сахарной свеклы...

В финале торжественного совещания выступил первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. ХРУЩЕВ. Представим основные положения его выступления:

«Курганская область награждена орденом Ленина за успехи в увеличении производства зерна и выполнении обязательств по продаже хлеба государству. В первом и втором годах семилетки ваша область значительно превысила план продажи хлеба государству. Награждение орденом вашей области не означает, что вы достигли потолка и в полной мере используете свои возможности. Высокая награда- это признание ваших успехов, но вместе с тем и поощрение,

чтобы область двигалась вперед в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов.

...Больших успехов достигла Курганская область в производстве зерна. Но областному комитету партии, секретарю обкома тов. Сизову, облисполкому, его председателю тов. Князеву, всем коммунистам и комсомольцам, работникам совхозов, агрономам, инженерам, зоотехникам, ученым Курганской области надо и дальше не ослаблять своего внимания к выращиванию пшеницы, ячменя, гороха, проса, гречихи и других культур. Особое внимание необходимо обратить на увеличение производства кормовых культур, главным образом кукурузы и сахарной свеклы, с тем, чтобы Курганская область заняла достойное место по производству мяса, молока, шерсти и других продуктов животноводства.

Нужно и в развитии зернового хозяйства, и в подъеме общественного животноводства равняться на передовые колхозы и совхозы, на новаторов производства и добиваться новых успехов в целом по области. Имеются те резервы для дальнейшего увеличения производства хлеба в вашей области? Да, имеются. Об этом убедительно свидетельствуют показатели работы передовых колхозов и совхозов, замечательных новаторов высоких урожаев.

Самый важный резерв увеличения производства зерна в колхозах и совхозах области – это повышение урожайности. Область в прошлом году получила урожай по 15 ц с га. Если эту урожайность рассматривать с позиций хозяйств, которые получают по 10 ц с га, то вы добились в общем неплохих результатов. Но если рассматривать эту урожайность с позиции требований январского пленума ЦК и ваших возможностей, то вам, товарищи, предстоит ещё много поработать.

В вашей области трудится замечательный полевод, Герой Социалистического Труда Т.С.Мальцев. Более 30 лет руководит он полеводством в колхозе «Заветы Ленина». И хорошо руководит! За последние 12 лет средний урожай яровой пшеницы составляет 20 ц с гектара, а в прошлом году – 22 центнера. Мальцев любит пшеницу и умеет выращивать её. Но ему следовало бы полюбить и такую ценнейшую культуру, как кукуруза. На совещании в Свердловске я высказал ему претензию и посоветовал поучиться у лучших уральских мастеров высоких урожаев кукурузы. Он согласился с этим. Думаю, что он выполнит обещание и вырастит хороший урожай кукурузы.

...Нет более могучей культуры, чем кукуруза. Будете получать высокие урожаи кукурузы в виде сухого зерна или силосной массы – значит больше будете производить продуктов животноводства.

...В Курганской области есть немало колхозов и совхозов, которые получают высокие урожаи зерновых. В прошлом году, например, колхоз «Серп и молот» получил урожай зерна по 21 центнеру с гектара.

Тракторно-полеводческая бригада А.Ф.Тихонова из Баксарского совхоза Лебяжьевого района на площади 2240 гектаров получила урожай зерновых по 20 ц с га при себестоимости центнера в 19 рублей. А бригада С.А.Волосникова из колхоза им. Комсомола Макушинского района на площади 750 га получила урожай пшеницы по 186 пудов с гектара...

Важным условием увеличения производства зерна в нашей области является дальнейшее расширение посевных площадей. Вместе со всей страной в освоении целинных и залежных земель участвовали и труженики Курганской области. Вы знаете, что в стране подняли 41 млн га полевых земель. Как я говорил на Пленуме ЦК, целинные земли наполнили хлебные ресурсы страны. Она дает 40% запасов государственных запасов хлеба. Целина окупила все расходы на освоение и дает большие накопления.

Партия и правительство приняли решение в ближайшие два-три года освоить дополнительно ещё 8 млн га целинных и залежных земель. Вашей области предстоит освоить в ближайшие три года 120 тыс. га земли. Если вы их освоите, то в ближайшие годы сможете дополнительно произвести большое количество зерновых и бобовых культур. Нужно умело использовать этот резерв.

...У меня создается впечатление, что, что обязательства, которые вы берете на себя по производству зерна и продаже его государству, ниже имеющихся в области возможностей. В самом деле, в 1959 году Курганская область продала государству 90 млн пудов зерна. За эти успехи вам вручаем сегодня орден Ленина. В 1960 году, который вы сами оцениваете как неблагоприятный в климатическом отношении, было продано государству 76 млн пудов хлеба. Поэтому совершенно непонятно, почему в текущем году вы намечаете продать государству только 80 пудов зерна? Разве это шаг вперед? Каждый понимает, что 80 - это меньше чем 90, то есть нынешние обязательства ниже уровня, достигнутого два года назад.

Большие задачи стоят в области животноводства - одной и наиболее сложных отраслей сельского хозяйства. Стране нужен не только хлеб, нужно больше производить мяса, молока, масла и других продуктов животноводства.

Труженики Курганской области после сентябрьского Пленума ЦК КПСС много сделали по увеличению поголовья общественного скота и повышению его продуктивности. Если в 1953 году поголовье крупного рогатого скота в колхозах и совхозах составляло 367 тыс., то в этом году - 572 тыс., поголовье свиней выросло с 217 тыс. до 493 тыс., овец с 493 тыс. до 730 тыс., птицы - с

975 тыс. до 2 млн 242 тыс. голов. В 1960 году по сравнению с 1959 годом производство мяса выросло на 38%.

В области имеется много замечательных мастеров животноводства. Например, Герой Социалистического Труда Полина Васильевна Пайвина, свиноводка колхоза «Красная Звезда» Шадринского района, откормила и сдала государству 2448 свиней общим весом 2320 центнеров. В этом году она взялась откормить 3000 свиней. Доярка совхоза им. Томина Усть-Уйского района Ольга Никифоровна Сафронова надоила в 1960 году от каждой коровы 5226 ц молока, а доярка этого же совхоза Матрена Терентьевна Шадрина – по 4428 кг.

Надо шире внедрять механизмы в животноводстве, переходить от ручной дойки на механическую».

Затем Н.С.Хрущев приводит примеры положительной работы сельских тружеников Зауралья. В итоге он поздравил тружеников Курганской области с большой правительственной наградой за высокие успехи в развитии сельского хозяйства.

С заключительным словом на торжественном совещании выступил Секретарь Курганского обкома партии Г.Ф. Сизов. Он сказал: «Дорогой Никита Сергеевич, от имени трудящихся Курганской области разрешите преподнести Вам подарок. Это производство наших ковроткачих, труд которых очень высоко оценен. В 1959 году на Всемирной выставке в Брюсселе они получили вторую премию, а в Москве на Всероссийской выставке также получили достойную награду. (Н.С.Хрущеву преподносят ковер, все встают, бурные и нескончаемые аплодисменты)».

От посещения зауральских предприятий Хрущев отказался. Отказался и от предложенного обеда (а для него было подготовлено три точки для питания – в драмтеатре, в здании обкома партии и на даче Болдинская). Гостей вывезли через территорию городского сада, откуда они отправились к месту дислокации правительственных вагонов.

В.Г. Савельев

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В 1920-е ГОДЫ

Судебно-следственные и прокурорские работники, несмотря на правоохранительную специфику своей деятельности, иногда и сами являлись нарушителями норм права. Изучение специфики преступности в этой среде может представлять определенный интерес и актуальность и в наши дни. Для всестороннего изучения этой проблемы были использованы данные в целом по стране и в отдельном уральском регионе. Основными источниками явились постанов-

ления высших законодательных органов СССР, циркуляры наркомата юстиции, циркуляры и приказы Уральского облсуда и Курганского окружного суда за 1920-е годы, представленные в Государственном архиве Курганской области.

Начнем рассмотрение проблемы с кадрового вопроса, который позволит характеризовать судебно-прокурорских работников по социальному признаку, партийности, служебному стажу, образовательному уровню, а также выявить специфику их правонарушений. Так, в бюллетене о личном составе судебных и прокурорских работников от 1 февраля 1929 года приводятся данные о членах краевых, областных, губернских и окружных судов¹. Всего в данной категории представлено 878 сотрудников, из них 204 (91,6%) партийных, 74 (8,4%) беспартийных. По социальному признаку – 407 (46%) из рабочих, 370 (42%) служащих и 101 (12%) из крестьян. Образовательный уровень – 664 (74,8%) начальное образование, 66 – среднее и 88 – высшее. По служебному стажу сотрудники распределились следующим образом: стаж до 1 года - 46 (5,2%) сотрудников, от 1 до 3 лет - 162 (18,4%), от 3 до 5 лет - 188 (21,5%) и свыше 5 лет - 482 (54,9%) сотрудника². Отдельной группой рассмотрены прокуроры и помощники прокуроров – всего 1376 человек, из них 1293 (95%) партийных, 83 (5%) беспартийных. По социальному признаку – 566 (41%) из рабочих, 649 (47%) служащих, 160 (12%) из крестьян. По стажу работы в органах юстиции данная категория распределилась следующим образом: до 1 года – 170 (12,3%) сотрудников, от 1 до 3 лет – 522 (37,9%), от 3 до 5 лет – 380 (27,6%) и свыше 5 лет – 303 (29,2%) сотрудника³. По представленным данным можно сделать следующие выводы:

- 1) подавляющее большинство судебных и прокурорских работников были членами ВКП (б);
- 2) по социальному признаку – судей и следователей примерно равное количество из рабочих и служащих, прокурорских работников большинство из служащих;
- 3) образовательный уровень у судей и следователей – минимален, у прокурорских работников вообще не указан;
- 4) по стажу работы все категории работников юстиции представлены в среднем довольно ровно.

В целом, необходимо отметить низкий уровень образования сотрудников и недостаточный стаж работы, необходимый квалифицированному юристу, примерно у половины из них.

1 ГАКО, Ф.р – 475. Оп. 1. Д. 287, Л. 45 – 54.

2 Там же. Л. 45.

3 Там же.

Перейдем непосредственно к вопросу правонарушений, совершенных судебными и прокурорскими работниками. В рассматриваемом бюллетене приведены данные о судьях и прокурорах в количестве 339 (100%) лиц, уволенных в 1929 году за различные правонарушения. Среди них 95 (28%) сотрудников перешли из Наркомата юстиции (НКЮ) на другую работу, 84 (24,7%) были уволены за дискредитирование, 64 (18,8%) - по болезни, 52 (15,3%) - по несоответствию, 29 (8,5%) - за систематическое пьянство, 15 (4,7%) - по другим причинам¹. Не случайно член Коллегии НКЮ, начальник Организационно-инструкторского управления Стельмахович подчеркивает, что «особенно плохо во всем этом то, что ответственные судебные-прокурорские работники стали привыкать к различного рода преступлениям местных работников и недостаточно на это реагировать. Между тем, совершенно ясно, что лица с уголовным прошлым, взяточники, растратчики, пьяницы и все, так или иначе дискредитирующие судебные органы, не только должны быть немедленно изъяты из судебных органов, но необходимо принять все меры к тому, чтобы они не могли вновь втереться туда»². Далее Стельмахович приводит «наиболее характерные случаи преступности среди судебные-прокурорских работников» на примере Татарской АССР. За 11 месяцев 1928 года в данной республике было уволено 74 судебные-прокурорских работника, из которых 29 (среди них 6 прокуроров) передано суду³. Мотивами увольнения и причинами предания суду указаны пьянство, дебоши, избиение врача скорой помощи, изнасилование, злоупотребление служебным положением в корыстных целях, подлоги, взяточничество, активное участие в Белом движении, стрельба в общественном месте, участие в восстании против Советской власти, несоответствие занимаемой должности, ведение в нетрезвом виде судебных заседаний, общение с кулачеством, тесная связь с местными бандитами и т.п.⁴ Подобные правонарушения судебные-прокурорских работников приводятся и в бюллетене от 25 февраля 1929 года⁵. Наиболее часто повторяющимися нарушениями являлись пьянство, взяточничество, подлог и злоупотребление служебным положением в различных формах.

Рассмотрим преступность среди судебные-следственных и прокурорских работников на региональном уровне. В качестве источника обратимся к бюллетеню № 1 Уральского областного суда и прокуратуры от 9 февраля 1929 года⁶. Так, за подписью председателя Областного суда Чудновского и заместителя

¹ Там же. Л.47.

² Там же. Л.48.

³ Там же. Л.51.

⁴ Там же. Л. 51-51об.

⁵ Там же. Л.63.

⁶ ГАКО. Ф.р – 475. ОП. 1. Д. 285. Л. 2 – 8.

Областного прокурора Козырькова значится, что «за 1928 год через Областной суд прошло 25 дел по обвинению судебных и следственных работников»¹.

Наиболее часто повторяющимся нарушением являлось пьянство. Судья Златоустовского округа Степучев В.М. «неоднократно пьянствовал, в том числе в домах граждан, родственники которых имели дела в Нарсуде». Судья Ишимского округа Полыгалов «пьянствовал и, не будучи в состоянии вести судебное заседание, поручил это секретарю. Не будучи в состоянии написать приговоры по делам о налогоплательщиках, отмечал только сумму штрафа и по выходе из совещательной комнаты, указывая пальцем на обвиняемого, называл сумму штрафа, что и заменяло оглашение приговора». Секретарь суда Свердловского округа Карпечкин с обращающимися в суд гражданами «обращался чрезвычайно грубо. Постоянные его слова к посетителям были – «убирайся», «не разговаривать», «мне некогда». По просьбе гражданки Блиновой Карпечкин написал ей заявление, однако, когда Блинова сказала, что у нее нет денег, Карпечкин разорвал заявление и бросил ей в лицо. Пришедшей за справкой в суд гражданке Аликиной отвечал: «Убирайся, или я тебя вышвырну». Судья Кунгурского округа Иванов «в мае 1928 г. при выезде с сессией в село Тису пьянствовал с милиционером Поповым. Пьяные Иванов и Попов избили секретаря сельсовета Сорокина и арестовали его. Иванов ночью в одной рубашке разогнал вечеринку молодежи, а затем с двумя револьверами пришел к совершенно незнакомому ему приказчику Тисовского Потреб. общ. Малафееву. Выйдя на улицу, согнал лежащую тёлку и лег на ее место на глазах у жителей. Вечером ходил пьяный по улицам, требовал женщин и дважды наставлял оружие на гр. Блохина»².

В Сарапульском округе помощник прокурора Юшков «выступил с докладом на собрании в состоянии явного опьянения, говорил несуразные вещи, отвечал невпопад, делал ненужные реплики «гражданам, выступавшим в прениях»³.

Подведем некоторые итоги: на региональном уровне наиболее распространенными правонарушениями были пьянство при исполнении служебных обязанностей, злоупотребление служебным положением, подлоги, взяточничество, избиение задержанных, изнасилование арестованных женщин⁴. Данные правонарушения судебно-прокурорских работников региона, их специфика идентичны рассмотренным ранее правонарушениям их коллег в масштабе всей страны.

¹ Там же. Л.3.

² Там же.

³ Там же. Л.3 об.

⁴ Там же. Л.3.

Особенностью привлечения к ответственности за совершенные деяния этой категории работников было то, что лица, часто привлекаемые к ответственности, лишь увольнялись с работы или получали строгий выговор.

Немало способствовал преступности среди судебно-следственных и прокурорских работников их низкий образовательный уровень, что объективно приводило к правонарушениям даже при исполнении ими профессиональных обязанностей.

Членство большинства судебно-следственных и прокурорских работников в ВКП (б), строгий социально-классовый подход к подбору данной категории работников заметного влияния на характер их правонарушений не оказал.

Меры, проводимые центральными и региональными органами юстиции по очищению собственных рядов от нарушителей норм права и морали, несомненно, оказывали положительное влияние на их кадровый состав.

Ю.Н. Кряжев

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

В отечественной исследовательской практике уже отошла в прошлое традиция резкого противопоставления интеллигенции и офицерства. Сегодня не принято исключать чиновничество, служителей религиозного культа и офицеров из всей массы лиц интеллигентных профессий. И эта установка, несомненно, предоставляет ученому целый ряд очевидных выгод, но лишь до известных пределов. Скажем, в начале XX века мало кому из офицеров приходило в голову именовать себя интеллигентом. Точно также и штатские представители образованных слоев общества отнюдь не отождествляли интеллигенцию и офицерство. Впрочем, все это не исключало существования между обеими социальными группами исторически сложившихся уз, определенного диалога, осознания единства культурных истоков. Хорошо известно, какой неоценимый вклад внесли представители офицерской корпорации в развитие российской науки, как ярко проявили они себя и в различных областях искусства. Наконец, крайне важно и то, что именно офицеры (декабристы) оказались основателями отечественной революционной традиции.

К началу XX столетия социокультурное взаимодействие офицерства и профессиональной интеллигенции во многом определялось результатами государственной политики в армии. С одной стороны, путем запретов и репрессий, с другой — интенсивно культивируя представления об особом, более высоком положении офицеров среди других социальных групп, власть сумела оградить

командный состав не только от активного участия в общественном движении, но и способствовала тому, что офицерство не испытывало острой заинтересованности в интенсивном диалоге с интеллигенцией. Отношение к этому социальному слою со стороны большинства офицеров теперь напрямую зависело от того, какой стереотип военного складывался в общественном мнении России (благодаря публикациям об армии в гражданской печати, произведениям художественной литературы и т.д.). В итоге офицерство выступало пассивной стороной означенного диалога и формировало свое восприятие общественности (интеллигенции) скорее как реакцию на вопрос или вызов, брошенный корпорации извне.

Каким же представлялся облик офицера в сознании образованных людей? Какие типичные черты выделяла профессиональная интеллигенция, характеризуя офицерство? Проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. Все дело в том, что о каком-либо единстве базовых ценностей и действий различных групп российской интеллигенции в конце XIX — начале XX века говорить сложно. Это обусловлено существовавшей тогда сильнейшей социальной фрагментацией как российского общества в целом, так и образованной его части. Американские исследователи, авторы коллективной монографии «Между царем и народом. Образованное общество и поиски социальной идентичности на закате императорской России», в данной связи справедливо отмечают, что к началу Первой мировой войны «по существу все группы профессиональной интеллигенции были глубоко разобщены».

И тем не менее попытка реконструировать стереотип офицера, бытовавший в профессиональной интеллигентской среде, может оказаться удачной. Один из возможных вариантов состоит в изучении источников, исходивших от представителей российской духовной элиты, — ученых, философов, писателей и поэтов, которые активно воздействовали на формирование и распространение этого стереотипа. Анализ проблемы сквозь призму восприятия творцов «высокой» культуры может быть плодотворным не только благодаря обращению к художественной либо теоретической стороне их трудов, но также и с учетом текстов, содержащих обыденные наблюдения интеллигентов — очевидцев событий.

Начнем с произведения В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Эта работа была завершена великим российским мыслителем в 1900 г. Здесь участником диалога наряду с представителями интеллигенции, высказывающими различные мнения по существу обсуждаемых вопросов, становится генерал. Генерал у Соловьева — живое воплощение ценностных ориентаций военного сословия — совсем не случайно был введен в круг собеседников. Дискуссия вращалась вокруг вечной темы добра и зла, с не-

избежностью затрагивая проблему войн и насилия. Не вдаваясь в философские аспекты спора, отметим, что содержание речей его участников помимо прочего достаточно выпукло демонстрирует болевые точки во взаимоотношениях профессиональной интеллигенции и офицерства рубежа двух веков.

Соловьевские диалоги в данном случае отображают реальную специфику ситуации, когда интеллигенция под влиянием прогрессистских и пацифистских веяний лишала воинское служение ореола святости; в лучшем случае она отводила военным роль бесстрастных исполнителей утилитарных задач государства, в худшем — распространяла свое осуждение насилия в войнах и на тех, чьими руками эти войны ведутся. Офицерство в подобном споре занимало оборонительную позицию, стремясь отстоять ее ссылками на традицию. Аргументация военных при этом сочетала религиозную составляющую со «здравым смыслом» и сильным эмоциональным началом. Не случайно Соловьев в предисловии к «Трем разговорам» открыто заявляет, что его генерал выражает религиозно-бытовой взгляд на мир¹.

Этот взгляд не трудно обнаружить, обращаясь, например, к трудам современника Соловьева, одного из крупнейших военных деятелей России второй половины XIX в., генерала М.И. Драгомирова. Так, в полемике с пацифистами Драгомиров заявлял: «Я первый говорю, что война дело отвратительное, бесчеловечное, жестокое, утверждаю только, что вместе с тем и неизбежное. Человечество, по примеру своего Божественного Учителя, может молить: «Господи, да мимо мене идет чаша сия», но пусть не забывает и окончания этой мольбы: «но не якоже аз хочу, но якоже Ты»; ибо, — пишет Драгомиров, — когда совершаются времена, чаши избежать нельзя».

Заключительный раздел «Трех разговоров» — «Краткая повесть об Антихристе» — это воплощение в необычайно оригинальной и яркой художественной манере апокалиптических видений автора, включающих сцены битв массовых армий. Таким образом, генерал у Соловьева оказывается среди участников диалога еще и благодаря предчувствию философом надвигавшихся духовных и военных катаклизмов. Соловьев довольно благожелателен по отношению к своему герою: генерал не вызывает у читателя отрицательных эмоций. И это довольно симптоматично. Рискнем предположить, что здесь задействован тот же механизм восприятия офицерства штатским интеллигентом, что был раскрыт Н.А. Бердяевым в несложной психологической формуле: «Я с уважением относился к военным во время войны, но не любил их во время мира»².

Данный контекст, по-видимому, объясняет и метаморфозы в поведении многих других представителей российской интеллигенции. Так, литератор Б.А.

¹ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 640.

² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 25.

Садовской оставил описание почти анекдотичного происшествия, участниками которого были два известных поэта — Константин Бальмонт и Юргис Балтрушайтис. Однажды, «сидя в ресторане с Балтрушайтисом подле двух военных, Бальмонт воскликнул: «Ненавижу военных, презираю офицеров!» Те промолчали. Бальмонт крикнул громче. Офицер с размаху хватил его шашкой по голове. Балтрушайтису удалось отклонить удар стулом, и автор «Горящих зданий» отделался легкой царапиной на виске»¹. Стоит напомнить, что позднее, в 1914 году, тот же Бальмонт сочинял проникновенные патриотические строки о войне, где не было и не могло быть места неуважению к армии.

Действительно, русско-японская война, а в еще большей степени — Первая мировая по-своему подтвердили наличие странной, напоминающей принцип движения маятника закономерности, которой подчинялось отношение штатской интеллигенции к офицерству. Отчасти «механизм» подобных «колебаний» раскрыл генерал А.И. Деникин на страницах своей книги «Старая армия». «В годы войн — японской и мировой, — утверждал Деникин, — в обществе вспыхивал на время повышенный интерес к армии и ее жизни, появлялась большая родственная близость к ней — ведь почти не было семьи, которая не дала бы армии воина... Но в гражданской среде воспринималась больше внешняя, героическая сторона боевой страды, в преломлении сквозь призму патриотического подъема, или наоборот — изнанка жизни фронта и тыла как материал для революционной пропаганды... Знакомство общественных кругов с армией возросло мало».

Российская общественность отдала должное офицерам — героям обороны Порт-Артура и крейсера «Варяг», но окончание боевых действий на Дальнем Востоке в 1905 г., ставшее следствием тяжелых поражений россиян в войне с Японией, породило просто шквал нелицеприятных высказываний в адрес офицерства. Спустя годы, характеризуя состояние общественного мнения и ответную реакцию офицеров, А.В. Колчак отмечал в одном из своих писем: «Минувшая война сделала флот прямо притчей во языцех — ведь было даже неловко ходить по улицам первое время»².

В истории России начала XX века войны с неизбежностью влекли за собой и мощнейшие революционные катаклизмы, что, безусловно, усложняло характер взаимоотношений военных и штатской интеллигенции. Использование армии в подавлении антиправительственных выступлений 1905—1907 гг. стало одной из причин обострения этих взаимоотношений. Хорошей иллюстрацией

¹ Садовской Б. Записки (1881—1916) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 181.

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

логики восприятия образа офицера молодым интеллигентом в данной связи может служить фрагмент мемуаров Андрея Белого «Между двух революций». Находясь в Москве в момент издания знаменитого приказа Д.Ф. Трепова «Патронов не жалеть» (октябрь 1905 г.), Белый выдвинул лозунг — «Бойкот офицерам!» и даже предпринял попытки к осуществлению этой идеи. Позднее поэт вспоминал: «Они (офицеры. — Ю.К.), вернувшись с войны, казались мне левыми; я ждал заявления: «Стрелять не будем»; его — не было; вот я и придумал бойкот...»¹.

В период первой российской революции, в условиях относительной свободы слова, демократическая печать открыла целую кампанию массового, по своему аргументированного осуждения армейских порядков и нравов, включая поведение офицерства. Офицер, как мишень для критики, во-первых, представлялся человеком, изначально обреченным вести образ жизни, замкнутый на узкопрофессиональные интересы и бытовые заботы; во-вторых, считалось, что по причине изолированности от общества и его проблем он вынужден служить не народу, а ненавистному самодержавию. На этом фундаменте надстраивались прочие клише, рисовавшие офицерство в невыгодном для него свете. Так, если речь шла о службе командного состава армии, то офицерам, как правило, приписывали непрофессионализм, халатное выполнение своих обязанностей, жестокость и безразличие к нижним чинам. Восприятие частной жизни офицера нередко было сопряжено с представлениями о губительной склонности к пьянству и разврату, безудержной картежной игре. Офицеров обвиняли также в бессмысленном убийстве себе подобных посредством практики дуэлей. Наконец, с точки зрения общественно-политической офицер изображался как реакционер, потенциальный или реальный душитель народной свободы.

Подобная позиция была развернута, например, в серии публицистических статей либерального литератора (а в недалеком прошлом офицера) П.М. Пильского. Его статьи, напечатанные под общим заглавием «Армия и общество. Элементы вражды и препятствий» в нескольких номерах журнала «Мир Божий» за 1906 год, получили довольно широкий резонанс. Приводя факты и описывая детали армейского быта, автор довольно точно воспроизвел структуру и содержание того негативного стереотипа офицера, что присутствовал в сознании профессиональной интеллигенции. Соответственно основной пафос этих статей состоял в обличении кастовости офицерского корпуса — главной, по мнению публициста, причины взаимного неприятия и противостояния обеих социальных групп. «Рознь офицерства с так называемым «гражданским» обществом, — подчеркивал Пильский, — старая, исконная, глубокая рознь. Каста

¹ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 39.

заперлась и замкнулась, и ее представители входят в толпу «обыкновенных людей» только в качестве карателей и мстителей для усмирения, расправы и вразумления, сводя личные счеты своими «средствами» и квитаясь с невоенными при помощи кулака и нагайки, шашки и револьвера».

Феномен гипертрофированного критицизма по отношению к военным вызывал озабоченность даже у демократически настроенного офицерства, и оно как могло стремилось объясниться и сгладить остроту возникших противоречий. Так, в мае 1906 г. редактор неофициальной офицерской газеты «Военный голос» подчеркивал, что уже в ходе русско-японской войны на основании немногочисленных примеров поведения офицеров, порочивших военный мундир, в обществе стало складываться превратное мнение обо всем командном составе армии. По свидетельству военного журналиста, «преувеличенное уважение к офицерству сменилось преувеличенным же пренебрежением», а с началом революции, когда несправедливые обвинения и эксцессы участились, лишь меньшинство офицеров попыталось отнестись сознательно к причинам произошедшего, а большинство «ответило ненавистью и злобой народу и его стремлению к свободе».

В годы первой российской революции военная тема нашла свое отражение на страницах произведений В.В. Вересаева, А.И. Куприна, С.Н. Сергеева-Ценского, а также других российских писателей, которые не пожалели иронии и темных красок при воссоздании художественными средствами армейской действительности и социально-психологического портрета офицерства. Особенно громкий отклик, в том числе в военной среде, получила повесть Куприна «Поединок», опубликованная в мае 1905 г. Реакция офицерства была быстрой, но неоднозначной: от согласия и одобрения, до обвинений в клевете и вызовов писателя на дуэль. Чуть позже, в 1910 г., это произведение послужило источником рассуждений полковника Дрозд-Бонячевского, который поместил в двух номерах «Военного сборника» статью под названием «"Поединок" Куприна с точки зрения строевого офицера».

Возлагая часть ответственности за отчужденность офицерства и общества на профессиональную интеллигенцию, Дрозд-Бонячевский вместе с тем подчеркивал, что и офицеры не без греха: эпизоды и характеристики, представленные в произведении Куприна, в определенной мере соответствовали действительности; просто писатель невероятно сгустил краски. Поэтому военный публицист призывал офицерство, прежде всего, совершенствоваться самому, дабы реально оправдывать свой высокий статус и представления об идеале армейского начальника. «Ответственность офицера перед страной, — подчеркивал Дрозд-Бонячевский, — в данном случае слишком велика, чтобы окружающая атмосфера озлобления и недоброжелательства могла парализовать его энергию.

Священный долг наш всеми мерами подавить губительную рознь между народом и армиею, заставить эти две силы протянуть друг другу руку мира с тем, чтобы, соединясь, явиться могучим оплотом Государству! Офицер, как член общества, своим безукоризненным поведением, воспитанием, неустанной работой над собой, должен везде и всегда оправдывать свое исключительно почетное положение».

Волна критики в адрес офицерства не спадала еще несколько лет после окончания первой российской революции. Причем в эту кампанию включилась не только демократическая интеллигенция, но и крайне правые круги общественности. Так, в конце 1909 г. темой скандальных пересудов нижегородской публики и предметом оживленной переписки между различными военными инстанциями стала работа музыкально-драматического кружка, действовавшего при гарнизонном офицерском собрании Нижнего Новгорода. Все началось с появления в местной право-монархической газете «Козьма Минин» заметки под заголовком «Субботний шабаш в офицерском клубе». Содержание статьи сплошь составляли нападки и обвинения в адрес офицеров, виновных якобы в нарушении религиозных заповедей и чести мундира. «Разухабистые театральные представления, танцы и другие увеселительно-распутные скопища устраиваются накануне воскресных дней, с 8 час. вечера суббот, т.е. в то самое время, которое до освободительного красно-кровавого бреда постоянно и неизменно в течение тяжелой жизни русского народа посвящалось молитве», — негодуяще восклицал автор. Он без тени сомнения сравнивал офицерское собрание Нижнего Новгорода с «пошло-политиканствующим общедоступным клубом», в котором поощряются «демократическое хамство», «склонность к актерскому кривлянию и танцевальным выкрутасам».

В ответ председатель офицерского собрания полковник С.М. Солунсков потребовал привлечения к суду редактора «Козьмы Минина» и самого автора скандальной статьи. Проведение субботних вечеров все же было прекращено, а в штаб Московского военного округа и в штаб Гренадерского корпуса начальство нижегородского гарнизона направило донесения оправдательного характера. Эти послания и по смыслу, и по своей лексике рельефно отобразили характер взаимоотношений офицерства и правой общественности Нижнего. Так, в одном из писем говорилось, что за исключением факта проведения музыкальных вечеров в субботние дни, остальное «надо признать сплошной ложью, написанной грубым невоздержанным языком, затрагивающим офицерский состав гарнизона, и вооружающей против него местную интеллигентную толпу, при-

сущую Н-Новгороду, и без того не расположенную к военным служащим вообще»¹.

С началом Первой мировой войны в сознании профессиональной интеллигенции вновь происходят перемены. Войны всегда располагали интеллигента к рефлексии; затронула эта рефлексия и «офицерский вопрос». К примеру, философа В.В. Розанова в первые недели войны к переоценке ценностей подтолкнули волнующие впечатления от случайного разговора с офицером-артиллеристом в страдную пору мобилизации, встреча с другим офицером, который, не успев похоронить жену, умершую в момент получения приказа об отправке на фронт, поехал к месту назначения. Тогда Розанов буквально поразился несоответствию образа офицерства, укоренившегося в сознании российской интеллигенции, тому, что он внезапно ощутил. «Боже мой! Боже мой! — восклицает он. — Как же мы все это понимаем и чувствуем?!.. Ведь нам корифеи литературы нашей рассказывали, что это «полковник Скалозуб», который «развалился на софе», да «генерал Бетрищев», который, умываясь, острит с Чичиковым? Кто же не поверит Гоголю и Грибоедову? И мы вообще-то думаем, что офицеры «позвякивают шпорами», а батальные живописцы рисуют их «в кавалерийской атаке» с саблями наголо на красивых лошадях. Но ведь это же совсем не то, и это бесстыдство так думать, и как же нам решились внушать такие мысли, — хотя бы и корифеи слова! Дело-то ведь действительно в героизме...».

Позднее, уже в разгар Гражданской войны, Розанов усилит свой обвинительный пафос: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы — гораздо ранее его — начало слагаться пренебрежение к офицеру, как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях — к ничтожеству и отчасти к вору»².

Интересен для нас и другой ракурс — взгляд на профессиональную интеллигенцию со стороны мыслителя, облаченного в офицерский мундир. В 1916 году Ф.А. Степун, будучи фронтовым офицером, прибыл в Москву на лечение и некоторое время вращался в интеллигентских кругах. Он услышал тогда много рассуждений философского и политического свойства на злобу дня, например таких, как: «о predeterminedности России к республиканскому строю в связи с неприемлемостью догмата папской непогрешимости для православия». Его реакция была в большей степени реакцией офицера, нежели рафинирован-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 2. Д. 684. Л. 166.

² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 43.

ного интеллектуала, несмотря на то, что Степун сам принадлежал до войны к интеллигентской среде. Офицер-философ так вспоминал о своих впечатлениях от услышанного: «Развивались эти темы иной раз с исключительным талантом, блеском, глубиной и подлинной эрудицией. И, тем не менее, я чувствовал себя среди не выдавших фронта писателей, философов, в особенности же среди бойко философствующих интеллигентов-политиков, глубоко одиноким и неприканным. Их вольноотпущенные мысли, смелые построения, страстные речи и громкие голоса ощущались мною сплошной инфляцией, мозговой игрою, конструктивной фантазией, кипением небытия»¹.

Революция 1917 года привела к резкой перемене реального статуса командного состава российской армии. Приказ № 1 Петроградского Совета, призывавший нижних чинов избирать солдатские комитеты и выразивший своим содержанием открытое недоверие к офицерству, стал отправной точкой формирования двоевластия в войсках. Фигура офицера для многих солдат теперь символизировала наследие старого режима. Офицер зачастую рассматривался не только как проводник насилия и угнетения по отношению к низам общества, но и как потенциальный либо реальный контрреволюционер. Главную лепту в дискредитацию офицерства внесли представители радикально настроенной интеллигенции. «С первых же дней революции, — вспоминал генерал А.С. Лукомский, — левая печать обрушилась на них (офицеров. — Ю.К.), изображая их как извергов, насильников, врагов народа, наемников царской власти, опричников». В итоге прежний стереотип офицерства, возникший задолго до событий 1917 года, возродился и серьезно влиял на положение командного состава армии.

Что касается центристских и правых групп общественности, то по мере развития революционного процесса, сопровождавшегося стремительным разложением дисциплины и падением боеспособности армии, они все больше обращали внимание на «офицерский вопрос». Поворотным моментом здесь, пожалуй, оказался провал июньского наступления российской армии, когда солдаты отказывались выполнять приказания начальников, иной раз применяя насилие по отношению к ним. Сотни офицеров с горстками бойцов, которых удавалось поднять из окопов, погибли в безрассудных атаках вражеских позиций. Множество офицеров пострадало от рук своих же солдат во время хаотического отступления российских войск.

В середине июля 1917 г. историк культуры, критик и публицист Д.В. Философов откликнулся на злободневную тему статьей «Отбросим крайности». Автор признает, что до революции часть офицерства — гвардейцы «старого

¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 382—383.

типа» — служили резервом пополнения царской администрации и опорой трона, но одновременно он подчеркивает более важное обстоятельство — нетипичность для офицерской среды как этой, так и другой категории командиров (большевики вроде прапорщика Крыленко). Философов напоминает о том, что в массе своей «среднее офицерство третьего и четвертого года войны по происхождению своему демократично». После падения монархии офицерство благодаря позиции, занятой властью и обществом, оказалось в крайне тяжелой ситуации. «Делает ли что-нибудь новый строй, чтобы привлечь на свою сторону офицерство, облегчает ли он положение офицера, стремится ли он ему помочь? — вопрошает публицист и тут же дает ответ. — Офицеры этого не чувствуют. У них ощущение такое, что им предоставлено самим распутываться, как хотят, что новый строй занят лишь вопросом солдатским, не офицерским, а потому их положение безвыходно».

По прошествии полугода с момента падения монархии в представлениях части российской общественности офицер отображается не только как защитник Отечества, но и как страдалец, мученик, отданный на заклание молоху революции. Более того, офицерство не противопоставляется, а открыто причисляется к интеллигенции. Так, в сентябрьской книжке «Бюллетеней литературы и жизни» (издатели В.А. Крандиевский и А.Н. Толстой) была помещена редакционная заметка, в которой говорилось: «Есть что-то исключительно жестокое, мучительно несправедливое в положении русского офицерства в пореволюционный период. Одинокие носители воинской и гражданской чести среди взбунтовавшихся темных солдатских масс, ненавидимые этими массами и как интеллигенты, и как живое напоминание о суровой военной дисциплине старого режима, несущие на себе всю тяжесть ответственности за эти темные дезорганизованные массы, которые уже перестали быть войском, офицеры героически умирают, не уверенные даже, что их сразила пуля врага, а не предательский выстрел в спину своего же солдата. Только теперь широкое общественное внимание привлечено, наконец, незаслуженными нравственными страданиями этих скромных героев, этих мучеников долга, чести и любви к родине. В первые месяцы революции о них забыли».

В тяжелые для офицерства времена контакты с общественностью приобретали первостепенное значение. Однако возникает вопрос, насколько хорошо понимали друг друга участники диалога? Документы свидетельствуют о том, что полного взаимопонимания не было. Например, в мемуарах председателя Союза офицеров армии и флота полковника Л.Н. Новосильцева приводится эпизод, ярко иллюстрирующий особенности диалога между офицерами — сторонниками жестких мер, нацеленных на оздоровление армии и победу над противником, с лидерами правых общественных кругов в Москве в июне 1917 го-

да. На частной встрече руководителей Союза и штатских политиков своеобразную реакцию у Новосильцева вызвала речь видного историка кадета А.А. Кизеветтера. В ходе беседы выяснилось сходство мнений офицера и общественного деятеля по общеполитическим вопросам. Когда же Кизеветтер коснулся военных проблем, офицер был обескуражен. Об этом Новосильцев с сожалением написал: «Я помню, мне невольно пришло в голову — вот как мало знает про Армию такой умный человек»¹.

Генерал А.И. Деникин, оценивая поведение лидеров общественности в отношении военных в 1917 г., не без оснований подчеркивал: «Когда рушились стены, отделявшие официальную армию от внешнего мира, ... выяснилось разительное незнакомство с военным укладом и либеральной, и социалистической демократии. Не злая воля только, но чаще именно это полное непонимание было причиной губительного бездействия или же губительных действий тех групп и лиц, которые еще держали тогда в своих руках остатки власти».

Если не брать в расчет несколько тысяч офицеров, что выступили в революции единым фронтом с большевиками и другими левыми радикалами (включая образованные элементы этого лагеря), можно утверждать, что настоящего сближения основной массы офицерства с интеллигенцией не состоялось. Такой своеобразный источник, как произведение С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги» демонстрирует всю глубину разрыва между обеими социальными группами.

Статья, написанная весной 1918 г. и вошедшая в философский сборник «Из глубины», содержит, по сути дела, оригинальное продолжение темы, затронутой В.С. Соловьевым в «Трех разговорах». Для нас важно, что у Булгакова, так же как и в работе его предшественника, выведен боевой генерал. Он участвует в беседе небольшого кружка интеллигентов, обсуждающих причины и последствия катаклизмов, произошедших в России в 1917 году. Его высказывания представляют собой почти одно сплошное обвинение в адрес интеллигенции, например: «Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. И ведь посмотрите, какое самодовольство, самовлюбленность, напыщенность какая, даже и теперь, когда уже совершенно провалилась с треском. Как же может устоять государство, если у него отравлена вся нервная система? Соль земли! Гонимая, идейная, мученическая интеллигенция! Да это проказа, чума на теле России!»² Стрелы генеральского гнева направлены, прежде всего, в адрес наиболее идео-

¹ «Единственный выход — военная диктатура». Из воспоминаний Л.Н. Новосильцева — председателя Союза офицеров армии и флота. Июнь—август 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 81.

² Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 326.

логизированных групп образованного общества — социалистов и либералов, которые, по его мнению, разрушили духовные скрепы армии и государства, выразившиеся некогда лозунгом: «За Веру, Царя и Отечество».

Содержание речей булгаковского генерала вряд ли удивит читателя. Удивить может другое: как терпят эти консервативно-монархические выпады и инвективы прочие собеседники, принадлежащие к той самой «проклятой русской интеллигенции»? Ключ к разгадке поведения персонажей Булгакова и позиции Соловьева по отношению к генералу из «Трех разговоров», очевидно, один и тот же. Дело в том, что диалоги «На пиру богов» написаны в канун развертывания масштабных коллизий Гражданской войны. Герои Булгакова, соответственно, присутствуют при завязке трагического действия, в котором офицерству будет отведена одна из главных ролей. Именно эта ситуация, невзирая на разные системы ценностей и различный социальный опыт революции у военных и интеллигентов, вновь порождает потребность в социокультурном диалоге, пусть он даже ведется иногда «на разных языках».

Еще гремели залпы Гражданской войны, а волны беженцев уже стремились прочь из России. За пределами страны оказались и интеллигенты, и офицеры. Эмигрантская общественность, расколота на противоборствующие группировки, высказывала довольно разнообразные суждения по адресу российского офицерства. В данной связи остается ответить на последний вопрос: что же изменилось в отношении профессиональной интеллигенции к офицерству по окончании революционной смуты и многолетней братоубийственной войны? Как нам представляется, — ничего. Продолжала действовать все та же закономерность, сохранял силу все тот же принцип движения маятника.

Приведем лишь два красноречивых примера. В 1922 году в Берлине вышла книга историка и экономиста социал-демократа Д.Ю. Далина «После войн и революций». Этот убежденный противник большевизма предсказывал, что падение установившейся в России диктатуры произойдет не вследствие каких-либо вооруженных акций извне, а станет результатом перерождения самого режима. О военных же, как часто случалось с российскими интеллигентами в мирные времена, Далин напишет кратко, но вполне определенно: «Офицерство самоуверенное до наглости, дикое, пьяное и развратное, беспощадное к солдатам, сплошь терпевшее поражение в обеих последних войнах»¹.

Диаметрально противоположные заявления можно было услышать от И.А. Ильина. После высылки из Советской России осенью 1922 г. философ установил тесные контакты с деятелями военной эмиграции. Он даже брался за выполнение неких секретных заданий и активно сотрудничал с основанным ге-

¹ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 8.

нералом П.Н. Врангелем Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Несомненно, Ильин расценивал военную эмиграцию как силу, способную эффективно бороться с Советами. Ильин чтит жертвы, понесенные российским офицерством, и оно представлялось философу в качестве будущего избавителя России от большевизма. Об участниках Белого движения, например, о воинах армии Врангеля и их вождях он отзывался возвышенно. Именно об этих людях в одном из писем, относящихся к 1923 году, Ильин скажет: «Живой символ моей чудесной родины, символ, в котором правда и честь стали мечом и силою...»¹.

В.П. Могутнов, А.В. Могутнов

ОБОРОННО-МАССОВАЯ РАБОТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЕЁ НЕОБХОДИМОСТИ

К началу Второй мировой войны в СССР, и в том числе в Южном Зауралье сложилась система оборонно-массовой работы, которая имела свои особенности и достигла определенных результатов. Не потеряла она своей актуальности и в настоящее время, изменилось лишь ее содержание. В современных условиях проводимая оборонно-массовая работа, прежде всего, преследует цель воспитания у молодежи уважения к военно-историческому прошлому нашей Родины, овладение основами знаний и навыков, необходимых для службы в Вооруженных силах Российской Федерации. На наш взгляд, есть необходимость остановиться на причинах её зарождения.

Оборонно-массовая работа получила свое развитие во второй половине двадцатых годов, чему во многом способствовала политическая, военная, экономическая ситуация, в которой находилось молодое советское государство. В этот исторический период были актуальными идеи руководителя государства В.И. Ленина о повышении оборонного могущества Советской России, о создании боеспособной армии и флота, способностях широких народных масс во всеоружии встретить врага. Для этого, считал он, необходимо в мирное время не забывать о военном обучении населения. Руководитель правящей партии и государства призывал трудящихся овладевать наукой стрельбы, расширять вширь и в глубь в массах азбуку военного дела². То есть эти указания, идеи составили основу для партийно-государственных структур, общественных, оборонных организаций по организации в стране масштабной подготовки к войне не только Красной Армии и Флота, но и всего населения в стране. Это первая и

¹ И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923—1928 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 228.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 358.

главная причина, способствовавшая массовому охвату различных категорий военным обучением, их вовлечением в оборонно-массовую работу.

Сегодня можно по-разному относиться к событиям октября 1917 года, к руководителю советского государства В.И. Ленину, партии большевиков. Однако, оценивая прожитые после этого бесспорно эпохальные события, можно смело утвердить, что минувшие десятилетия стали периодом создания принципиально нового общества, с какой бы стороны, позитивной или негативной, мы его не оценивали. Экономический, социально-политический, культурный облик страны, ее оборонный потенциал приобрели за это время совсем иные в отличие от дореволюционного времени черты, особенности, достижения. Советскому государству постоянно приходилось заботиться о своей безопасности, строить новую Рабоче-крестьянскую Красную Армию, готовить оборонные кадры из среды трудящихся масс. Подобная задача остается актуальной и на современном этапе.

Второй, достаточно весомой на наш взгляд причиной активизации оборонной работы в стране стала военная доктрина, получившая свое рождение в послеоктябрьский период.

Как свидетельствует анализ источников, методологическую основу военной доктрины составляли выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. Положение о роли крепкого тыла для ведения победоносной войны получило развитие во многих теоретических трудах В.И. Ленина. Как считает исследователь его военного наследия Ю.И. Кораблев, вождь рабочего класса включал в содержание этого понятия ряд многочисленных факторов. К ним, в частности, он относил характер социального строя государства, политическую, экономическую организацию общества, моральное состояние и сплоченность народа, идеологию, науку, постановку работы всех звеньев государственного аппарата. При этом В.И. Ленин делал акцент на том, что для победы в современной войне решающее значение имеют не только преимущества в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способность государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил¹.

Военная доктрина уже в тот период времени представляла систему официально принятых в государстве основополагающих взглядов, положений по вопросам обороны страны. Она определяла отношение государства к войне, в ней был сформулирован характер возможных военных задач, способы решения и главные направления военного строительства.

¹ См.: Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной армии. М., Наука, 1970. С. 368-390.

Военная доктрина советского государства дала толчок развитию понятия «мобилизационная работа», имевшего огромное значение как для кадровой армии и флота, так и для решения задач подготовки населения, экономики страны к обороне в случае нападения врага.

Смысловое содержание понятия «мобилизация» раскрыл М.В. Фрунзе. В своей основе это относилось к армии и включало призыв личного состава в Красную Армию, ее обеспечение всеми видами довольствия¹. Одновременно им были определены важнейшие методологические выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. При этом решающее значение отводилось не только преимуществам в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способности государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил². В современном понимании мобилизационная работа – понятие достаточно объемное и содержательное, включает мероприятия экономического, военного, социального, политического характера. Мобилизационная работа, проводимая в Южном Зауралье, как в предвоенные годы, так и в годы войны составляла стержневую основу обеспечения фронта всеми видами боеприпасов, довольствия, средствами ведения боя, обученным пополнением. То есть ее содержание охватывало широкий спектр конкретных направлений, связанных с решением разнопланового комплекса оборонных мероприятий, реализацию которых невозможно было осуществить без мобилизации материальных и духовных сил всего народа, подчинения всех народно-хозяйственных ресурсов интересам фронта. То есть мобилизационная работа подразумевала заблаговременное обучение военному делу населения страны, накопление военнообученного резерва. Проводимая в этом направлении работа подлежала контролю со стороны партийно-государственных, военных органов. Например, по итогам мобилизаций Реввоенсовет СССР в январе 1930 года принял постановление «Об основных задачах по мобилизации РККА», в котором наряду с причинами низкого уровня мобилизационной готовности РККА отмечалось несоответствие систем комплектования мирного и военного времени³. Из сказанного вытекает значимость военного обучения населения, постановка на учет имевших военно-учетные специальности для последующего их призыва в РККА.

¹ Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957. С. 222.

² На тыл страны делал ставку видный военный деятель Германии фельдмаршал Мольтке (1800-1891 гг.), руководивший войсками в австро-прусской и франко-прусской войнах. Он впервые в мировой практике составил мобилизационный план с целью упредить противника в переходе с мирного положения на военное, в котором тылу страны отдал приоритетное значение. См.: Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. С. 582.

³ Макарыч И.П. От стратегии сокрушения к стратегии измора // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 6.

Подобная оценка состояния мобилизационной работы Реввоенсоветом страны послужила серьезным толчком для ее проведения в тридцатых годах.

Итак, становление в двадцатые годы советских военно-теоретических взглядов на создание и использование стратегических резервов, их подготовка в последующий период оказали огромное влияние на развитие оборонно-массовой работы в стране. На формирование теоретических взглядов в этой области повлияла вся совокупность факторов, включавших изменения в международной обстановке, уровень военной опасности, взгляды на характер будущей войны, военная теория передовых в военном отношении государств, а также опыт создания и применения стратегических резервов в войнах прошлого.

Одной из важнейших причин, повлиявшей на вовлечение широких масс в оборонно-массовую работу, стало воздействие научно-технического прогресса в общей системе факторов, влияющих на ход и исход любой войны, переосмысление значимости и роли личности, обладавшей суммой военных знаний и практических навыков.

Опыт ведения локальных, крупномасштабных войн наглядно показал роль тыловых районов страны как непосредственных участников вооруженной борьбы, поскольку широкое использование авиации, особенно бомбардировочной, войск противовоздушной обороны влекло за собой дальнейшее стирание грани между фронтом и тылом. Войны стали носить все более ожесточенный характер, применение автоматического оружия, боевой техники, обладающей огромной разрушительной силой, приводило к значительным людским и материальным потерям¹. Данное обстоятельство, наряду с обострением военно-политической обстановки в мире, побудило советское и партийное руководство страны принять меры, направленные на организацию военного обучения граждан.

Происходившая в годы предвоенных пятилеток моторизация Красной Армии, оснащение ее новой по тем временам современной техникой потребовало коренного изменения подходов в заблаговременной подготовке допризывной молодежи к военной службе. Уже в 20-е годы в штаты уездных военных комиссариатов были введены отделы Всевобуча, непосредственно занимавшиеся организацией военной подготовки призывников Красной Армии, которая нуждалась не только в сильных, смелых, физически крепких, а прежде всего знающих, способных быстро овладеть сложными военными специальностями бойцах и командирах. Начавшаяся Вторая мировая война в сравнении с Первой мировой значительно отличалась по военно-техническому уровню. В армиях

¹ Война и армия. М., 1977. С. 201-213.

государств, участвовавших во Второй мировой войне, насчитывалось 160 различных воинских специальностей¹.

В 20–30-е годы в Красную Армию стала поступать разнообразная боевая техника. Советская оборонная промышленность с 1927 по 1931 годы ежегодно выпускала 100 танков, 220 гаубиц². На 1929-1933 годы планировалось произвести и поставить в армии 6665 единиц бронетехники³. По расчетам военных специалистов Генерального штаба РККА в целях развертывания мобилизационной готовности к 1933 году планировалось иметь в соединениях, полках, частях, 10400 самолетов, 100 тысяч автомобилей. К 1938 году количество самолетов в авиации РККА планировалось довести до 32 тысяч единиц⁴. То есть потребность в квалифицированных военных специалистах возрастала ежегодно. Это в свою очередь ложилась дополнительным грузом на оборонные общества, которые обязывались вести подготовку военнообученного пополнения для армии.

Еще одна из причин, обусловивших необходимость сделать упор на оборонно-массовой работе, кроется в проводимой в 1924 – 1925 годах военной реформе. Она внесла изменения в область военного строительства в стране в целях укрепления Красной Армии, сократив ее численность в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны. Была принята смешанная система устройства Рабоче-крестьянской Красной Армии, позволившая при меньших затратах иметь небольшую кадровую армию, способную обеспечить безопасность границ страны, а в случае войны быстро мобилизовать армию. Одновременно ставка делалась на широкое военное обучение трудящихся, в том числе из военнообязанных запаса. Была упорядочена организационно-штатная структура войск, регламентирована система комплектования, качественно обновлен кадровый состав, реорганизована система снабжения, заложена плановая система боевой подготовки и многое другое.

Во многом приданию положительной динамики в развитии оборонной работы в стране способствовало принятие VII Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик. В соответствии со статьей 126 Основного закона определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. С целью развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР, в соответствии со статьей 126 обеспечивалось право объединяться в общественные организации, профессио-

¹ Гнатко И.Я. Роль военно-патриотического воспитания в обеспечении защиты социалистического Отечества /Труды академии. М., 1970. С. 380.

² Самуэльсон Л. Красный колос. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921-1941. М., 2001. С. 63.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С.182.

нальные союзы, кооперативные объединения, молодежные, спортивные и оборонные организации¹. Создаваемые повсеместно организации представляли самые разнообразные направления оборонно-массовой работы. Например, воспитанию патриотического сознания во многом способствовало проведение в 1928 году Всесоюзного смотра интернациональных связей. Уральский комсомол взял шефство над китайским комсомолом, помогал ему денежными средствами. С этого времени уральская молодежь стала вовлекаться в работу Международной организации помощи борцам революции (МОПР), созданной в 1922 году². Эта организация была одной из самых уважаемых и массовых в молодежной среде. Только в городе Кургане по состоянию на 1 мая 1928 года работали 60 ячеек (первичных организаций) МОПРа, в них насчитывалось 6098 членов³.

Таким образом, оборонно-массовая работа как категория, охватывающая воспитание гражданина-патриота, направленная на привитие ему навыков военного дела, строилась на идеологической классовой основе. Вместе с тем её возникновение было обусловлено рядом причин, главной из которых считалась необходимость подготовки и защите СССР от империалистических агрессоров.

В.П. Копылов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КУРГАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (1952-1985 гг.)

В 1952 году был осуществлен первый набор студентов в Курганский педагогический институт. Всего держали экзамены на первый курс 248 абитуриентов, из них сдали экзамены на «хорошо» и «отлично» 116 человек. Из 200 студентов, принятых на первый курс, 19 человек были приняты без вступительных экзаменов как отличники учебы. Контингент студентов первокурсников распределился следующим образом: на физико-математическое отделение было принято 75 человек; на отделение русского языка и литературы – 50; историческое отделение – 25 и на отделение иностранных языков – 50 человек. Таким образом, к началу нового 1952-53 учебного года в Курганском педагогическом институте обучалось по четырем специальностям на дневном отделении 613 студентов и на первый курс заочного отделения было принято 275 человек, из которых 174 уже работали учителями школ⁴.

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Сборник законов СССР. Т. 1. М., 1938-1967. С. 109.

² Там же.

³ ГАОПДКО, Ф. 10, Оп. 1, Д.185, Л. 6.

⁴ ГАКО. Ф.Р-1687. Оп.1. Д.6. С.1.

Весь учебный процесс в институте был спланирован. С этой целью был составлен целый ряд планов по различным направлениям деятельности института. Преподавание всех учебных дисциплин было обеспечено учебными программами. Из-за недостаточного обеспечения библиотеки научной и учебной литературой невысокой была подготовка студентов к семинарским занятиям и экзаменам¹.

С самого начала учебного процесса в институте большое значение придавалось организации качественного проведения учебных занятий. На первом же заседании ученого совета института был утвержден примерный план по осуществлению контроля над качеством преподавания. Он включал в себя такие виды контроля как посещение заведующими кафедрами лекций и семинаров, взаимопосещение преподавателями учебных занятий, учет консультаций и коллоквиумов. Такие формы учета и контроля быстро прижились на кафедрах института. Главной задачей контроля было установить основные недостатки в преподавании учебных дисциплин. В связи с высоким уровнем политизации учебного процесса одной из главных задач было установить, насколько глубоко лекции и семинары отвечали требованиям марксистско-ленинской теории, историческим постановлениям ЦК КПСС по идеологическим вопросам, насколько умело преподаватели увязывают материал лекций и семинаров с трудами И.В.Сталина. Важнейшей целью контроля было и то, насколько учебные занятия отвечали требованиям коммунистической партийности и педагогизации учебного процесса.

Основной формой контроля за качеством проведения занятий было посещение представителями учебной части, деканами и завкафедрами, а также взаимопосещение членами кафедр с последующим обсуждением. Только за первый учебный год директор института посетил 20 лекций, 16 раз деканы факультетов посещали учебные занятия, свыше 90 посещений провела учебная часть. Всего за первый учебный год было зафиксировано по учету и отчетам кафедр 345 посещений и взаимопосещений².

Одной из форм контроля был метод обследования кафедр специальными комиссиями. Большое внимание качеству преподавания уделяли партийные органы Курганской области; так, неоднократно посещал лекции и семинары секретарь Курганского обкома КПСС Ф.И. Крылов и заведующий отделом школ и вузов обкома А.М. Курочкин³.

Студенты института испытывали постоянные материальные трудности. В этот период единственным источником существования студентов была стипен-

¹ ГАРФ. Ф.А-А2306. Оп.73. Д.529. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 22.

дия, но для того, чтобы ее получать, необходимо было учиться только на «хорошо» и «отлично». По итогам окончания первого учебного года за период летней экзаменационной сессии 596-ю студентами, сдававшими сессию, было получено 46 отличных оценок, 350 хороших, 129 посредственных и 66 неудовлетворительных оценок¹. По результатам летней сессии руководством института были сделаны следующие выводы: подавляющее большинство студентов обладает глубокими и прочными знаниями предметов; отсутствие должной дисциплины среди ряда студентов повлияло на результат сессии; слабые знания студентов, получивших неудовлетворительные оценки, характеризовалось недостаточным овладением марксистско-ленинской теорией, что приводило к примитивизму ответов студентов и неумению их делать обобщения и выводы; у большинства студентов еще недостаточно развита речь и даже грамотность по русскому языку, математике и истории².

В первый год существования вуза в Кургане для студентов третьего и четвертого курсов была организована педагогическая практика. Студенты третьего курса проходили практику в сентябре-октябре 1952 года, а студенты четвертого курса в феврале-марте 1953 года. В подготовке к практике активное участие принимали деканаты и кафедры, которые выделяли методистов, вместе с учебной частью они проводили инструктаж практикантов. Особое внимание руководство института уделяло студентам четвертого курса, т.к. им вскоре предстояло пополнить ряды педагогов школ. Практика студентов состояла из двух этапов. В первую неделю для студентов были даны показательные уроки лучших учителей города. Всего было проведено 16 показательных уроков. Со второй недели практики студенты начали давать уроки сами. Всего за практику было проведено 824 часа различных уроков³. В ходе практики студенты выступали с докладами перед школьниками, проводили беседы с отстающими учениками и их родителями, участвовали в работе пионерской и комсомольской организаций школ. Выпускали стенные газеты и изготавливали наглядные пособия. Из 114 студентов четвертого курса 36 человек получили отличные оценки, 72 хорошие и шестеро посредственные. В ходе проведения практики были выявлены следующие недостатки: многие студенты плохо усвоили методику опроса учащихся, завышали или занижали оценки; допускали ошибки во время опроса; недостаточно применяли наглядные пособия и дополнительную литературу⁴.

¹ ГАКО. Ф.Р-1687. Оп.1. Д.5.Л. 115.

² Там же. Л. 116.

³ Там же. Л. 87.

⁴ Там же. Л. 93.

В 1953 году состоялся первый выпуск учителей Курганского пединститута. Полностью выполнили учебный план и были допущены к государственным экзаменам 112 человек, в том числе: по физико-математическому факультету – 28 студентов, по литературному факультету – 39 и по историческому – 45 человек. Из 112 выпускников института девять получили дипломы с отличием. Все выпускники получили путевки для работы учителями, заведующими учебной частью или директорами школ. Только школы Курганской области получили 91-го педагога с высшим педагогическим образованием¹.

В середине 50-х годов в КГПИ продолжалась работа по повышению качества организации учебной работы. Основной формой контроля по повышению качества преподавания по-прежнему оставались посещения лекций и семинаров представителями дирекции, учебной части и заведующими кафедрами, а также взаимопосещения преподавателей. Только за 1953-54 учебный год директор института провел 15 посещений, заместитель директора по учебной и научной работе 75 посещений занятий. Заведующие кафедрами в общей сложности провели 155 посещений². Помимо осуществления контроля за качеством проведения занятий, большое внимание в учебной работе уделялось самостоятельной работе студентов. Чтобы хоть как-то обеспечить качественную подготовку студентов к зачетам и экзаменам, библиотека института в период сессии работала с 8 часов утра до 12 часов ночи. В учебных кабинетах кафедр был организован строгий учет не только посещаемости их студентами, но и того, что читают студенты, насколько их работа соответствует требованиям изучаемых в институте учебных курсов. Периодически учебная часть и заведующие кафедрами интересовались этим учетом и могли делать вывод о самостоятельной работе студентов, об их литературных вкусах и расширении кругозора. Во время подготовки к экзаменам по всем факультетам планировались консультации, в учебных кабинетах дежурили преподаватели. Преподаватели-консультанты, прикрепленные к учебным группам, в этот период посещали общежития, интересуясь не только бытом своих студентов, но и главным образом системой их подготовки к экзаменам. Особое внимание в вопросах самоподготовки уделялось студентам первого курса, которые изменение системы обучения в вузе, по сравнению со школьной системой, воспринимали как облегчение режима обучения. В связи с этим в институте были предприняты меры для усиления и улучшения самостоятельной работы студентов первых курсов. В самом начале учебного года ряд кафедр организовали для этих студентов лекции на тему: «Как работать над лекционным курсом», «Как работать над книгой», «Как писать конспект лекции» и т.д. Самостоятельная работа студентов в этот период

¹ Там же. Л. 17.

² ГАРФ. Ф.А-А2306. Оп.73. Д.914 Л.15.

обсуждалась на различных комсомольских и профсоюзных собраниях с приведением положительных и отрицательных примеров, освещалась она также и в стенной печати института, обсуждалась на заседаниях кафедр и ученого совета института¹.

В октябре 1955 года в КГПИ обучалось на дневном отделении 784 студента и на заочном отделении 1293 человека. Меры, направленные на улучшение качества преподавания, осуществление контроля за самостоятельной подготовкой студентов, сказывались и на успеваемости. По результатам летней экзаменационной сессии 1955-56 учебного года из 779 студентов, сдававших экзамены, только 51 человек получил неудовлетворительные оценки и нечет. По сравнению с прошлым учебным годом успеваемость повысилась с 90% до 93,5%. Самый высокий уровень успеваемости был на физико-математическом факультете – 96%, а самый низкий на факультете иностранных языков – 91,1%. Возросло также и количество отличников, число которых достигло 43 человек, что было на 14 человек больше, чем в прошлом учебном году. Количество неуспевающих студентов, по сравнению с прошлым годом, сократилось на 15 человек².

В середине 50-х годов студенты выпускных курсов всех факультетов проходили педагогическую практику не только в школах Кургана, но и Курганской области. В конце 1955 года из 181 студента-практиканта 48 человек проходили практику в сельских школах. Для проведения практики выделялись лучшие школы, где работали наиболее опытные учителя города и области, у которых студенты-выпускники могли многому научиться в организации учебно-воспитательной работы. По результатам практики было получено 142 отличных и хороших оценки, 36 удовлетворительных и три неудовлетворительных. По итогам педагогической практики были проведены факультетские конференции, предложения которых обсуждались на кафедрах и ученом совете института в целях устранения имеющихся недостатков в профессиональной подготовке студентов³.

В 1956 году институт произвел очередной выпуск учителей. Из 175 студентов, допущенных к госэкзаменам, успешно сдали и получили дипломы учителей 168. Из них: на физико-математическом факультете – 66, на историко-филологическом – 62 и на факультете иностранных языков – 40. Дипломы с отличием получили 11 выпускников. Большинство выпускников получили путе-

¹ Там же. Д.529.Л.26.

² Там же. Д.1489.Л. 53.

³ Там же. Л. 26.

ки на работу в школы Курганской области – 144 человека, остальные по разрешению комиссии выехали на работу в другие области¹.

В 1960 году на первый курс КГПИ было принято 275 студентов, из них на историко-филологический – 75, физико-математический – 150 и на факультет физвоспитания – 50 человек. Из 453 абитуриентов основную массу составляли жители Курганской области – 420. Из общего числа числа абитуриентов сдали вступительные экзамены 344 человека, решением приемной комиссии на первый курс было зачислено 275 человек. Преимущественным правом при приеме в институт пользовались лица работавшие на производстве и абитуриенты из сельской местности. На 1 октября 1960 года в КГПИ обучалось на дневном отделении 1075 студентов, из них на историко-филологическом – 313 человек, физико-математическом – 612 и на факультете физвоспитания – 150 студентов².

Организация учебной работы в институте в 60-е годы осуществлялась в соответствии с планом работы института, ученого совета, работы деканов и кафедр. Контроль за выполнением учебных планов, за качеством учебной работы осуществлялся через посещение директором и его замами, деканами и завкафедрой лекций и семинаров, лабораторных занятий с последующим обсуждением результатов проверки на совещаниях при директоре, на кафедрах или производственных совещаниях факультетов. Практиковалось и взаимопосещение лекций и практических занятий между преподавателями с обсуждением результатов посещений на кафедрах. Пристальное внимание уделялось и организации самостоятельной работы студентов. За 1960-61 учебный год в порядке контроля за учебной работой было посещено учебных занятий: директором института – 60 часов, заместителем директора по учебной и научной работе – 90 часов, деканами факультетов – 140 и заведующими кафедр – 496 часов³.

В связи с реформой высшего образования и с целью приближения обучения к практической деятельности в начале 60-х годов были пересмотрены лекционные курсы, они были больше насыщены вопросами, имеющими практическое значение. Было принято решение о сокращении количества лекционных часов по всем предметам, путем вынесения отдельных тем и разделов курса на самостоятельную работу. К чтению отдельных лекций и проведению практических занятий привлекались директора школ, учителя, старшие пионервожатые, специалисты сельского хозяйства и промышленности. На всех кафедрах рассматривался вопрос улучшения и организации и содержания семинарских, практических и лабораторных работ, в результате произошло улучшение этой важнейшей части учебного процесса. На семинарских занятиях по обществен-

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Д.3253.Л. 10.

³ Там же. Л. 17.

ным и гуманитарным дисциплинам широко применялась докладная система, наряду с семинарскими занятиями проводились теоретические конференции. Практические занятия по педагогике, психологии, школьной гигиене, значительная часть по частным методикам проводились непосредственно в школе¹.

По результатам летней экзаменационной сессии успеваемость за 1960-61 учебный год в целом по институту составила 91,4%. На историко-филологическом факультете успеваемость составляла 90,3%, на физико-математическом – 88,5% и на факультете физического воспитания – 94,4%.

В результате сдачи зачетов и экзаменов было получено 150 хороших и отличных оценок и 87 неудовлетворительных. Большое количество неудовлетворительных оценок объяснялось главным образом слабой подготовкой абитуриентов недостаточной организацией самостоятельной подготовки студентов и значительной перегрузкой обязательными занятиями из-за сокращения учебного года на 1,5 месяца в связи с участием в осенних сельхозработах².

В 1960-61 учебном году впервые проводилась стажерская педпрактика студентов пятых курсов. Подавляющее большинство практикантов проходило педагогическую практику в сельских школах. Из 132 студентов, в сельских дневных школах работало 78 человек, в вечерних школах рабочей и сельской молодежи 20 человек, в школах-интернатах четверо человек. По просьбе областного отдела народного образования лучшие студенты в количестве 46 человек были посланы во время практики для работы на вакантных должностях в качестве учителей русского языка, литературы и истории, математики и физики в сельские школы. Непосредственное руководство педагогической практикой студентов осуществляли директора школ, где работали практиканты³.

Помимо педагогической практики, студенты КГПИ проходили и производственную практику. В начале 60-х, студенты работали на заводах Кургансельмаш и Авторемонтном. Все студенты были разбиты на бригады, с выделением старших бригад. От заводов выделялся руководитель производственной практики. Студенты проходили практику в механическом, литейном, термическом цехах и отделе технического контроля. Помимо этого, студенты работали на участках счетной станции, конструкторского бюро, ОТК и в кузнечном цехе. В конце практики проводились конференции, на которых подводились итоги производственной практики⁴.

В 1961 году полностью выполнили учебный план и были допущены к государственным экзаменам 132 человека, из них по историко-филологическому

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 38.

факультету 43 человека, по физико-математическому факультету – 89. Полностью сдали государственные экзамены и получили диплом об окончании института с присвоением звания учителя средней школы 125 человек, из них двое получили диплом с отличием¹.

В середине 60-х годов институт прилагал большие усилия по сохранению контингента студентов. Если на начало 1965-66 учебного года в институте обучалось на дневном отделении 1674 студента, то к концу учебного года эта цифра уменьшилась до 1612 человек. В течение учебного года ubyло 62 человека, из них только по неуспеваемости и пропуски занятий было отчислено 35 студентов. По сравнению с прошлым годом эта цифра уменьшилась на 12 человек. Одной из главных причин такого отсева было большое количество студентов из сельской местности – 1204 человека, которые по уровню своей подготовки значительно проигрывали выпускникам городских школ. Поэтому институт был вынужден принимать меры по качественному набору абитуриентов. Для этого в институте работали 10-месячные подготовительные курсы, за кафедрами института были закреплены районные и городские школы, в выпускных классах проводили широкую агитационную работу. По телевидению транслировались передачи с рассказами о деятельности института. Кроме этого, неоднократно помещались объявления о приеме в областной газете «Советское Зауралье». Коллективы академических групп более 30 раз выезжали в районы области с лекциями и концертами для населения и учащихся. Все эти мероприятия оказывали положительное влияние на отбор абитуриентов и способствовали сохранению контингента студентов².

Большую роль в повышении уровня учебной работы играли деканаты факультетов. Основным мероприятием по совершенствованию уровня учебной работы было рассмотрение вопросов преподавания учебных предметов на заседаниях кафедр; отдельные заседания посвящались успеваемости студентов, на эти заседания приглашались некоторые студенты и старосты академических групп. Преподаватели кафедр систематически проводили консультации, по ряду предметов проводились дополнительные занятия с использованием технических средств. Широко использовались магнитофоны, на которые записывались занятия по диалектологии и предметам литературного цикла, кино по историческим и литературным дисциплинам. Учебными секторами бюро ВЛКСМ и профбюро проводились рейды проверки по подготовке студентов к семинарским и практическим занятиям. По итогам проверок выпускались боевые листки. Для беседы в деканаты приглашались родители отстающих студентов. Были и объективные причины невысокого уровня подготовки студентов к практиче-

¹ Там же. Л. 60.

² Там же. Д.4470. Л. 51.

ским и семинарским занятиям. Это прежде всего острый недостаток учебников по педагогике, истории педагогики, политэкономии, очень мало было учебников и пособий по иностранному и современному русскому языкам¹.

За 1965-66 учебный год педагогическую практику в КГПИ прошли 1153 студента, в том числе в школах 769 человек и в летних лагерях 384 студента. Проведению педагогической практики предшествовала значительная организационно-подготовительная работа: подбор школ, учителей и классных руководителей. В плане подготовки к практике проводились инструктивные беседы, на установочных конференциях методисты знакомили студентов с задачами педпрактики, недостатками в ее проведении, путями и средствами подготовки к ее успешному проведению. В учебных кабинетах по всем темам, по которым студентам предстояло проводить уроки, выставлялась методическая, научно-популярная и художественная литература, подбирались наглядные пособия, картины, диапозитивы и диафильмы, карты и схемы. В первый день практики во всех школах проводились встречи студентов с методистами, директорами школ, завучами, классными руководителями и учителями-предметниками. В течение первой недели студенты посещали открытые уроки лучших учителей с последующим анализом этих уроков, готовили свои первые планы-конспекты уроков под руководством методистов и учителей, всесторонне изучали своих учеников в классе.

Руководители практики стремились углубить и закрепить теоретические знания, полученные студентами при изучении педагогики, психологии, частных методик, научить студентов самостоятельно проводить учебно-воспитательную работу в школе и с родителями. С этой целью методисты учили студентов не только методически четко строить занятия, но и использовать в их проведении новейшие требования методик преподавания специальных дисциплин. Уроки строились таким образом, чтобы учащиеся могли не только получать знания, но и воспитывались нравственно и эстетически².

Летнюю экзаменационную сессию 1966 года из 1586 студентов на «отлично» сдали 54 человека, на «хорошо» и «отлично» - 229 человек и 141 студент получил неудовлетворительные оценки. Таким образом, в целом по институту успеваемость составила 88,1%. На историко-филологическом факультете было получено 50 неудовлетворительных оценок, на факультете иностранных языков – восемь, на физико-математическом факультете – 50, биолого-химическом – 19 и на факультете физвоспитания – 14 неудовлетворительных оценок. Летом 1966 года дневное отделение КГПИ закончило 328 выпускников,

¹ Там же. Л. 53.

² Там же. Л. 94.

11 из них не сдали государственные экзамены и пошли работать в школу, не имея высшего образования¹.

В 1970 году на пяти факультетах КГПИ обучалось 3974 студента, из них на дневном отделении обучалось 1799 и на заочном 2175 студентов. С целью подготовки к поступлению в институт и качественного набора абитуриентов, при институте работали девятимесячные подготовительные курсы, на которых обучалось 530 человек. Ежегодно в течение июля работали подготовительные курсы для всех поступающих абитуриентов. Для привлечения поступающих в институте проходил день открытых дверей, публиковались в местных газетах заметки о работе института, объявления о приеме документов. Летом 1970 года, на все факультеты КГПИ было подано 1200 заявлений на поступление. Из них 1004 абитуриента из Курганской области и 196 из других областей. Из общего количества заявлений 659 проживали в сельской местности. Наибольшее количество заявлений (408), было подано на историко-филологический факультет.

Из 454 студентов, принятых на первый курс, 330 были жители сельских районов, что составляло 73%. С похвальными грамотами подавали заявление 98 человек, из них были приняты только 67 абитуриентов. По комсомольским путевкам ЦК ВЛКСМ было принято 30 человек, также были зачислены 56 человек, имеющие стаж практической работы более двух лет, из них 29 имели стаж работы по избранной или родственной специальности².

Одним из главных направлений деятельности института было совершенствование учебно-методической работы. Ректорат, партийное бюро, деканаты и кафедры уделяли значительное внимание вопросам учебно-методической работы. Она осуществлялась посредством планирования учебного процесса, работы преподавателей, конкретных мероприятий, направленных на улучшение качества преподавания и повышение эффективности учебного процесса. Наиболее актуальные вопросы, связанные с учебной работой, обсуждались на объединенных заседаниях кафедр. Особое внимание уделялось вопросам профессиональной подготовки будущего учителя, которые обсуждались на заседаниях кафедр, советах факультетов и на открытых партийных собраниях института.

Особое внимание в учебной работе уделялось работе с молодыми преподавателями. Как правило, они посещали лекции и практические занятия более опытных преподавателей института. Только за 1970-71 учебный год было взаимопосещено более 3 тыс. часов различных занятий. Из них более 100 часов вместе с членами комиссии Министерства просвещения РСФСР с последующим обсуждением текстов лекций³. С целью повышения научно-методического

¹ Там же. Л. 52.

² ГАКО. Ф.Р-1687. Оп.1 Д.1350. Л. 3.

³ Там же. Д.1347. Л. 15.

уровня преподавателей на заседаниях кафедр регулярно заслушивались научно-методические доклады членов кафедр, на некоторых кафедрах работали меж-кафедральные семинары. В своей работе кафедры особое внимание обращали на работу, связанную с перестройкой содержания и методики педагогического образования в связи с переходом школ на новые учебные программы. С этой целью для чтения отдельных лекций и проведения практических занятий привлекались опытные директора школ, учителя, старшие пионерские вожатые. На всех факультетах под руководством преподавателей кафедр организовывались встречи с мастерами педагогического труда, заслуженными учителями РСФСР.

Немаловажное значение в учебной работе придавалось и успеваемости студентов. Неоднократно по этому вопросу заслушивались деканаты, отдельные кафедры на заседаниях совета института, советов факультетов, партийных бюро института и факультетов. В результате принимаемых мер по повышению успеваемости, таких как контроль за самостоятельной подготовкой студентов, работа преподавателей-консультантов, кураторов учебных групп и других, успеваемость в институте по результатам летней сессии 1970-71 учебного года несколько улучшилась. Самый высокий процент успеваемости был на биолого-химическом факультете – 98,2%; на факультете физвоспитания – 97,7%; на историко-филологическом – 96,5%; иностранных языков – 96,3% и физико-математическом факультете – 88,9%. В целом по институту успеваемость составила – 94,7%¹.

Помимо учебной работы, большое внимание в КГПИ уделялось и практической подготовке будущих учителей. За 1970-71 учебный год педагогическую практику прошло 1136 студентов. Из них в пионерских лагерях – 402 человека и в школах – 734 человека. Для работы в качестве учителей в школы были направлены 55 студентов выпускного курса. Все кафедры проводили большую работу по подготовке студентов к практике. Студентами были прослушаны основные курсы специальных предметов, проведены практические и семинарские занятия по методике ведения уроков. Во всех учебных кабинетах перед практикой выставлялась необходимая литература в школе. Все студенты проводили уроки по своим предметам, организовывали внеклассную работу по своей специальности и работали в качестве классных руководителей. По результатам практики студентами выпускного курса были получены следующие оценки: «отлично»-122, «хорошо»-197 и «удовлетворительно»-41. В своих отчетах студенты писали, что практика усилила их желание стать учителем, многому их научила, помогла увидеть пробелы и недостатки в своих знаниях и подготовке к будущей работе учителя².

¹ Там же. Л. 48.

² Там же. Л. 61

О достаточно высоком уровне подготовки говорили и результаты государственных экзаменов на факультетах. По итогам госэкзаменов на историко-филологическом факультете было получено 207 (55,9%) хороших и отличных оценок, удовлетворительных 155 (41,9%) и неудовлетворительных восемь (2,2%). На факультете иностранных языков хороших и отличных оценок было получено 52 (70,2%) и удовлетворительных 22 (29,7%). На биолого-химическом факультете хороших и отличных оценок было получено 189 (70%), удовлетворительных 79 (29%) и три неудовлетворительные оценки. На физико-математическом факультете хороших и отличных оценок было получено 81 (44,7%) и удовлетворительных 100 (55,2%). На факультете физвоспитания хороших и отличных оценок было получено 34 (54,8%), удовлетворительных 27 (43,5%) и неудовлетворительных была получена одна оценка¹.

В середине 70-х годов для качественного отбора абитуриентов, помимо подготовительных курсов, при институте работали научные кружки общества учащихся, такие как: «Математический огонек», «Юный педагог», «Ищем спортивные таланты». На подготовительных курсах в 1975 году обучалось 710 человек. Еще до начала вступительных экзаменов с будущими абитуриентами беседовали не только члены приемных комиссий, но и члены общественной приемной комиссии, состоящей из активистов-комсомольцев. К вступительным экзаменам было допущено 1070 человек, из них из Курганской области было 923 человека, что составляло 86,2%, и 147 (13,8%) человек - жители других областей и республик. Основную массу абитуриентов составляли женщины – 856 человек, или 80%².

Из общего количества абитуриентов 61 имел стаж практической работы не менее двух лет или отслужил в рядах Вооруженных Сил. По родственным вузам специальностям было подано 11 заявлений. По результатам вступительных экзаменов было получено отличных оценок – 303 (9,0%), хороших - 1109 (33,0%), удовлетворительных - 1501 (44,8%) и неудовлетворительных - 438 (13,8%). Из числа зачисленных на первый курс 470 студентов 311 были жителями сельской местности и 30 имели стаж практической работы не менее двух лет³.

На 1 октября 1975 года в институте обучалось 3377 студентов, из них на дневном отделении обучалось 1914 человек и на заочном 1463 человека. С целью активизации учебной работы среди студентов и вовлечения их в научную работу в середине 70-х годов широко применялась практика написания рефератов с последующим обсуждением их на семинарских занятиях. Помимо этого,

¹ Там же. Д.1349.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 6.

на кафедрах проводилась разнообразная методическая работа: взаимопосещение занятий преподавателями, посещение лекций и семинаров завкафедрами, обсуждение учебных занятий, заслушивание преподавателей о методиках обучения студентов конспектированию первоисточников, о практике проведения индивидуальных консультаций, об использовании технических средств обучения. В середине 70-х годов в институте стали значительно шире использоваться технические средства в учебном процессе. Хорошо были оснащены кабинет истории КПСС и политэкономии. В ходе занятий преподаватели использовали кинопроекторы, установки для просмотра диапозитивов, телевизоры и магнитофоны. По курсу «История КПСС» было 25 учебных кинолент, по всем главам были диапозитивы. Невозможность более широко применения ТСО в учебном процессе объяснялась отсутствием наглядного материала по отдельным учебным дисциплинам¹.

Большое внимание по-прежнему уделялось самостоятельной работе студентов. Во всех студенческих группах первого курса проводились вводные лекции «Как слушать и записывать лекции», «Как работать самостоятельно над учебной и научной литературой». Вопросы, связанные с самостоятельной работой студентов, рассматривались на заседаниях совета института, факультетов, кафедр, на совещаниях с участием ректора².

По итогам летней экзаменационной сессии в 1976 году успеваемость в целом по институту составляла 93,8%. На историко-филологическом факультете успеваемость составляла 90,7%, на факультете иностранных языков 98,2%, на физико-математическом – 92,8%, биолого-химическом – 96% и на факультете физического воспитания – 92%³. Всего в ходе экзаменационной сессии 1803 студента, сдававших экзамены, получили 69 отличных, 480 хороших, 181 удовлетворительная и 111 неудовлетворительных оценок. За неуспеваемость было отчислено два студента. Причиной снижения успеваемости была в основном перегруженность учебных планов и слабый состав абитуриентов, поступающих в институт⁴.

В течение 1975-76 учебного года педагогическую практику прошло 659 студентов дневного отделения и 124 студента заочного отделения. Методическое руководство практикой осуществлялось методистами специальных кафедр, кафедрами педагогики и психологии. Для руководства практикой студентов привлекались лучшие учителя школ. В первую неделю практики студенты знакомились с учебным процессом в школе, для чего посещали уроки всех учи-

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 44.

телей в прикрепленном классе, изучали учащихся, затем составляли индивидуальные планы практики на весь период работы. Со второй недели студенты приступали к работе в качестве учителей и классных руководителей. Практика завершалась итоговой конференцией в школах и институте. К конференциям обязательно готовились выставки наглядных пособий, изготовленных студентами. На итоговых конференциях студенты делились своими впечатлениями по практике, выступали с различными тематическими сообщениями из опыта работы в период практики. Каждый студент давал не менее 10-15 уроков за период практики, проводил разнообразную внеклассную работу по своим предметам, выполнял обязанности классного руководителя. Студенты тщательно готовились к урокам и ко всем внеклассным мероприятиям, много применяли наглядных пособий, использовали ТСО. Об этом говорили оценки, полученные по результатам практики: отличных оценок было получено 252, хороших - 358 и удовлетворительных - 49. Практика вскрыла и ряд недостатков в профессиональной подготовке студентов: некоторые студенты допускали ошибки в речи, неумело использовали ТСО, отдельные студенты допускали ошибки в фактическом материале по своим предметам¹.

В начале 80-х годов КГПИ испытывал проблему со снижением количества желающих учиться в педагогическом институте. Руководство института считало, что причины снижения количества подачи заявлений в институт – это демографический спад, падение престижа профессии учителя, снижение требовательности к знаниям школьника и негативные явления в формировании личности молодого человека. В 1976 году количество поданных заявлений о приеме в институт было 1097, в 1977 году – 917, в 1978 – 901, в 1979 – 835, а в 1985 году – 744².

В целом по институту конкурс поступающих составил 1,9 человек на одно место. На факультет физвоспитания 3,2 на место, на исторический – 3, на литфаке и биохиме по два, на отделение немецкого языка – 2,5 человека, французского – два, английского – 1,5 и на физико-математический факультет один человек на место. Снижение конкурса затрудняло работу по отбору нового контингента студентов, снижало требовательность к поступающим в вуз. Всего было допущено к вступительным экзаменам 744 человека, из них из Кургана – 302 человека, из городов области – 33, из сельской местности – 381 и из других областей – 68 человек. Имели стаж практической работы 47 человек, 11 из них по родственной вузу специальности. По социальному составу они характеризовались следующим образом: 331 из числа рабочих, 76 из колхозников и 337 из

¹ Там же. Л. 48.

² Там же. Д.2919. Л. 12.

служащих. Среди абитуриентов было всего 215 мужчин, или 29,1% от общего количества абитуриентов¹.

В августе 1980 года во время вступительных экзаменов на очном отделении, как и в прошлом 1979 году, проводился эксперимент по зачислению в вуз молодежи, окончившей средние учебные заведения с оценками «хорошо» и «отлично». Эксперимент проводился на физико-математическом факультете. Этот выбор был обусловлен двумя причинами: во-первых, небольшим конкурсом на факультете и во-вторых, небольшим количеством абитуриентов имеющих средний балл аттестата 4,5 и выше. Всего таких абитуриентов было зачислено 59 человек, или 49,5%. По результатам приема в институт было принято на первый курс 455 студентов, из них 240 жителей сельской местности².

Осенью 1980 года в КГПИ обучалось 3237 студентов, из них на дневном отделении 1908 студентов и на заочном 1329 студентов. В организации учебно-методической работы большое внимание уделялось традиционно первокурсникам. Первые лекции для них, как правило, читались деканами факультетов, где они подробно рассматривали особенности обучения в пединституте. Для них организовывались консультации для разъяснения методики семинарских, лабораторных и практических занятий, обучения конспектированию.

Улучшению учебно-методической работы в институте содействовала работа методических и учебно-методических семинаров преподавателей по отдельным проблемам наук, работа совета по общественным наукам, работа учебно-методических комиссий факультетов и организационно-методического совета института. До начала нового учебного года в институте разрабатывались и утверждались графики учебного процесса, индивидуальные планы преподавателей, графики прохождения учебных дисциплин и контрольных мероприятий, планы открытых лекций и практических занятий³.

Деканы факультетов и заведующие кафедрами систематически контролировали ход выполнения контрольных мероприятий (консультаций, коллоквиумов, зачетов, собеседований). Результаты этих мероприятий обсуждались на заседаниях кафедр, преподаватели непрерывно искали новые формы проведения контрольных мероприятий, способствующих активизации и повышению самостоятельной работы студентов. Этому способствовало также участие студентов в различных научных кружках, выполнение курсовых и дипломных работ. Положительную роль в совершенствовании учебного процесса играла аттестация студентов, которая проводилась дважды в семестр. Аттестация студентов заставляла преподавателей постоянно держать в поле зрения работу студентов по

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Д.2918. Л. 21.

своим дисциплинам, давая возможность своевременно принимать меры к слабоуспевающим студентам, а студентам более тщательно готовиться к экзаменам. Результаты аттестации отражались на экране успеваемости, обсуждались на заседаниях кафедр и общественных организаций¹.

За 1980-81 учебный год по плану совершенствования учебно-методической работы было проведено 127 открытых занятий, обсуждено 46 текстов лекций, посещено 1626 часов занятий, в том числе заведующими кафедр – 696 и членами кафедр – 930. Было издано 26 методических пособий, прочитано 1327 часов различных лекций (15,32). Усилия по совершенствованию учебно-методической работы отражались на успеваемости в институте. Успеваемость факультетов по итогам летней экзаменационной сессии выглядела следующим образом: на историческом факультете успеваемость составляла 98,6%, русского языка и литературы 89,4%, иностранных языков 98,4%, физико-математическом 90,6%, биолого-химическом 94,6% и на факультете физвоспитания успеваемость составляла 97,6%. В целом по институту успеваемость составляла 94,3%².

В становлении будущего учителя большое значение имела практическая работа в школах города и области. За 1980-81 учебный год 714 студентов очных факультетов и 120 студентов-заочников прошли педагогическую практику в 16 городских и 44 сельских школах Кургана и области. Методическое руководство осуществляли старшие методисты факультетов, преподаватели специальных кафедр, педагогики и психологии. В ходе проведения практики студенты в абсолютном большинстве показали хорошую теоретическую подготовку, знания методики преподавания предметов, основ воспитательной работы, проявили высокие нравственные качества: ответственность, гражданскую зрелость, патриотизм, умение преодолевать трудности. Важнейшая задача педпрактики заключалась в подготовке и проведении уроков, глубоких по содержанию, методически грамотно построенных, ставящих целью наряду с обучением воспитание и развитие учащихся³. С этой целью студенты использовали целую систему средств и методических приемов: работу с первоисточниками, использование средств ТСО, изготовление раздаточного материала, слайдов, чертежей и графиков, работу с историческими документами. В ходе уроков студенты использовали наглядность, имеющуюся в школе, постоянно изготавливали карточки, рисунки. Помимо проведения уроков в школе, студенты проводили большую внеклассную работу.

¹ Там же. Л. 35.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 54.

Во всех школах проходили занятия факультативов, предметных кружков, вечера, посвященные отдельным датам, КВН, викторины, выпускали специальные стенные газеты. Студенты принимали участие в проведении пионерских сборов, политинформаций, проводили тематические классные часы. По итогам педагогической практики было получено 150 отличных оценок, 171 хорошая, 27 удовлетворительных и три нечетка. В целом результаты педпрактики свидетельствовали о достаточно высоком уровне профессионально-педагогической подготовки студентов-выпускников¹.

Высокий уровень знаний показали студенты-выпускники института в 1981 году. Всего сдавало государственные экзамены 345 студентов, 10 (2,9%) из них сдали экзамены только на отлично и получили диплом с отличием, 98 (28,4%) выпускников сдали госэкзамены на «хорошо» и «отлично», 68 (19,7%) получили на экзаменах только удовлетворительные оценки и 169 (49%) выпускников получили смешанные оценки².

В октябре 1985 года в КГПИ обучалось 3060 студентов, из них на дневном отделении 1747 и на заочном 1313 человек. На первый курс дневного отделения было принято 470 студентов, из них: на факультет русского языка и литературы – 75 студентов, на исторический – 50, на факультет иностранных языков – 70, физико-математический -125, биолого-химический -75 и на факультет физического воспитания – 75 студентов. В целом по институту конкурс среди поступающих был 1,4 человека на одно место (в 1984 году – 1,6), Повышение конкурса наблюдалось на специальностях «биология и химия» - 1,6 (в 1984 году – 1,3), «история и английский язык» - 3,0 (в 1984 году – 2,7)³.

Совершенствованию учебно-методической работы в институте уделялось самое пристальное внимание. Проводились и обсуждались на кафедрах открытые занятия. В соответствии с планами внутривузовских изданий, разрабатывались и издавались различные методические указания, прежде всего для проведения лабораторных работ и практических занятий. Для этого в институте создавалась необходимая материально-техническая база учебного процесса. В институте использовалась новейшая по тем временам ЭВМ «Наири-2», свыше 100 микрокалькуляторов, была установлена и принята в эксплуатацию ЭВМ «Искра – 226». Полностью были обеспечены потребности института в кинопроекционной аппаратуре, диапроекторах, звукозаписывающих и звуковоспроизводящих устройствах. Семь лабораторий и учебных кабинетов были оборудованы различными устройствами программированного контроля. Таким образом, в середине 80-х годов в институте были созданы определенные материально-

¹ Там же. Л. 59.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Л.18.

технические предпосылки для совершенствования учебного процесса, применения современных приемов и методов обучения. На всех факультетах института в процессе преподавания использовались элементы проблемного обучения. На физико-математическом и биолого-химическом факультетах в процессе преподавания широко использовались машинный и безмашинный программированный контроль. Всеми кафедрами для проведения учебных занятий использовалась проекционная техника. Кафедры, деканаты, ректорат института уделяли большое внимание созданию на кафедрах методических фондов, которые включали в себя различные методические разработки, учебно-методические комплексы, раздаточные материалы для учебных занятий и контрольных мероприятий, другие методические документы. Значительное внимание совершенствованию учебного процесса уделяла организационно-методическая комиссия института и учебно-методические комиссии факультетов, организующие и контролирующие в значительной степени обсуждение вопросов совершенствования этой работы на заседаниях кафедр и советов факультетов. Они организовывали планирование и контролировали выполнение графика мероприятий, разумную дозировку учебного материала, организацию самостоятельной работы студентов и другие вопросы, связанные с организацией учебного процесса¹.

По итогам 1984-85 учебного года, успеваемость в институте составила 92,2%, процент успевающих на «хорошо» и «отлично» составлял 30,1. По факультетам успеваемость выглядела следующим образом: на историческом факультете – 97,7%, русского языка и литературы – 94,9%, иностранных языков – 97,6%, физико-математическом – 81,2%, биолого-химическом – 94,7%, физического воспитания – 92,7%².

За 1984-85 учебный год непрерывной педагогической практикой было охвачено 857 студентов первых и вторых курсов всех факультетов. До начала практики были организованы занятия со студентами и преподавателями по подготовке их к практике. Перед выходом на практику были определены школы, классы, состоялись установочные конференции для студентов, где были определены цели и задачи практики, требования к ее успешному проведению. Кафедра педагогики и психологии разрабатывала рабочую программу, преподаватели кафедры истории КПСС готовили методические разработки по проведению политинформаций, бесед для школьников к знаменательным политическим событиям. Большинство студентов хорошо были подготовлены к практике, владели теоретическими знаниями по предметам, умели их применять на

¹ Там же. Д.3619. Л. 33.

² Там же. Л. 95.

практике. Об этом говорили оценки полученные студентами по результатам практики: хорошие и отличные оценки получили 95% выпускников¹.

В 1985 году выпуск КГПИ составил 341 человек, государственные экзамены сдавало 322 человека, кроме этого девять человек сдавали из числа окончивших теоретический курс обучения в прошлые годы. По результатам государственных экзаменов было получено семь неудовлетворительных оценок².

Таким образом, прослеживая путь становления и организации учебно-методической работы КГПИ, можно сделать вывод, что он был достаточно сложным. Постепенно, с каждым годом обучения, учебно-методическая работа становилась более качественной. Повышался уровень подготовки педагогических кадров, в учебный процесс активно внедрялись технические средства обучения, что способствовало формированию высокоподготовленных будущих учителей. В результате КГПИ был способен решать задачу по подготовке педагогических кадров высшей квалификации для Южного Зауралья и других регионов нашей страны.

И.Б. Гоголев

**РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
В РОССИИ XVIII – XIX ВЕКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ
Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО**

Без глубокого и всестороннего знания отечественной и мировой истории невозможно всерьез говорить о подготовке и воспитании высококвалифицированного специалиста, гражданина, патриота, цивилизованной личности с активной жизненной позицией.

Настоящее время уникально и беспрецедентно по открывшимся возможностям объективно, с научных позиций, без идеологических клише и табу изучить и проанализировать широкому кругу лиц историческое наследие не одного поколения отечественных историков, до последнего времени известное, к сожалению, только относительно узкому кругу ученых.

Данная статья - скромная попытка на примере изучения жизни и творчества одного из крупнейших русских историков конца XIX начала XX века Николая Павловича Павлова-Сильванского познакомиться с его научными взглядами на историю антифеодального и революционного освободительного движения и общественной мысли в России XVIII- первой половине XIX в.

¹ Там же. Л. 42.

² Там же. Л. 18.

Н.П. Павлов-Сильванский специально не занимался разработкой антифеодального движения, однако, в связи с созданием работы о жизни и деятельности А.Н. Радищева, он обратился к этой проблеме. Поводом послужил выход в свет труда Е.П. Трифильева «Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I»¹.

Внимательно проанализировав его, Н.П. Павлов-Сильванский опубликовал свою статью «Волнения крестьян при Павле I». В ней автор дал обстоятельную оценку взглядов Е.П. Трифильева на историю антифеодального движения в России во второй половине 90-х годов XVIII в. Свою рецензию ученый дополнил в ответ на публикацию исследователя в октябре 1905г.²

В совокупности историк, на наш взгляд, показал объективный подход к изысканию Е.П. Трифильева, и одновременно высказал свое мнение по проблеме антифеодального движения в России в правление Павла I».

Из положительных аспектов работы автора Н.П. Павлов-Сильванский отмечает значительный фактический материал о крестьянских выступлениях по 32 губерниям России, попытку его осмысления, а также то, что это была одна из первых публикаций по данной проблеме..

Вместе с тем, историк подверг весьма резкой обоснованной критике взгляды Е.П. Трифильева по важнейшим принципиальным вопросам истории антифеодального движения крестьян в России в период правления Павла I во второй половине 90-х годов XVIII в. В полемике с ним он высказал свою точку зрения по данной теме.

По его мнению, три четверти труда автора составляет подборка документальных материалов и их описательность. Все основные вопросы крестьянских выступлений остались нераскрытыми, за исключением оценки Указа Павла I 1797г. о трехдневной барщине, что несколько облегчило положение крепостных крестьян³.

Одним из главных недостатков работы Е.П. Трифильева Н. П. Павлов-Сильванский считает смешение географического и хронологического принципов в изложении истории крестьянских выступлений в это время, вследствие чего у него не прослеживаются закономерность и динамика в антифеодальном движении. Он вполне правомерно критикует автора за то, что им не был использован труд В.И. Семевского, который позволяет показать размах крестьян-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Волнение крестьян при Павле I // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2. С. 154 -205.

² Там же. С. 154 -205.

³ Там же.С. 154-205.

ских выступлений в период правления Екатерины II и во второй половине 90-х годов XVIII в. (1796-1797 гг.)¹.

Существенным изъяном исследования Е.П. Трифилева ученый считает то, что автор не различает крестьянских волнений по существу (жалобы, неповиновение помещику, властям, восстание), смешивает мирные и немирные формы антифеодальной борьбы. По его убеждению, это связано и с некритическим отношением к источникам, слабым использованием метода их сравнения и сопоставления.

Исследователь подчеркивает, что серьезно снижает научный уровень работы Е.П. Трифилева то, что он слишком детально анализирует отдельные крестьянские выступления, причем не самые главные; подробно освещает пребывание крестьянских ходоков в Петербурге².

Наконец, Н.П. Павлов-Сильванский не соглашается с Е.П. Трифилевым по наиболее принципиальному вопросу: причинам антифеодального движения крестьян в России в период правления Павла I, высказывая свою позицию по данной проблеме. По мнению Е.П. Трифилева, главной причиной крестьянских выступлений в России во второй половине 90-х годов XVIII в. было абстрактное стремление крестьян к свободе³.

Павлов-Сильванский придерживается другой точки зрения. Используя те же данные автора, он приходит к совершенно другим выводам. Продолжая традиции демократической историографии, он подчеркивает, что главными причинами крестьянских выступлений в 60-90-е годы XVIII в. был непрерывный рост феодально-крепостнической эксплуатации, особенно после выхода жалованной грамоты дворянству 1785 года. Поэтому крестьяне хотели, прежде всего, уменьшения феодальных повинностей (барщины и оброка), улучшения своего экономического положения. Причем он подтвердил свою позицию в ответе на выступление Е.П. Трифилева, конкретными данными о неуклонном росте феодальных повинностей в 90-е годы XVIII в., в среднем в 2 раза⁴.

Истоки революционного освободительного движения и общественной мысли в России он связывает с жизнью и деятельностью первого русского революционера Александра Николаевича Радищева (1749-1802 гг.)

Н.П. Павлов-Сильванский впервые в полном объеме подготовил и издал знаменитое произведение А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Моск-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Волнение крестьян при Павле I // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2. С. 154 -205.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ву» в 1905г.¹ Оттиск этой публикации хранится в личном фонде Н.П. Павлова-Сильванского в Российском государственном историческом архиве.

Следует отметить, что и до Николая Павловича делались попытки издания «Путешествия из Петербурга в Москву», после снятия запрета на имя автора в 1868 г.²

В 1872 г. были напечатаны в двух книгах «Сочинения Александра Николаевича Радищева» под редакцией А.А. Ефремова, но издание это было сожжено цензурой. В 1888 г. А.Ф. Суворин издал «Путешествие», перепечатав его с подлинника, со всеми особенностями правописания³. В 1901г. сочинение А.Н.Радищева издал А.Е.Бурцев в пятом томе «Библиографического описания редких и замечательных книг». Однако все эти публикации были сделаны по спискам «Путешествия из Петербурга в Москву», в которых имелись серьезные проблемы и стилистические погрешности, нередко искажающие содержание⁴.

Несомненной заслугой Н.П.Павлова-Сильванского является то, что он подготовил издание «Путешествия из Петербурга в Москву» по лучшему списку, обнаруженному им в Государственном архиве. Оно вышло из печати в 1906г. в двухтомном собрании сочинений А.Н.Радищева⁵.

К этому изданию он написал введение, представляющее цельный очерк о жизни и творчестве А.Н Радищева. Для этого им были использованы все имеющиеся в его распоряжении источники и публикации, посвященные А.Н.Радищеву. Список их приведен в конце очерка. Из наиболее ценных и интересных следует назвать следующие: « Архив князя А.Р.Воронцова» (переписка с А.Н.Радищевым), « Библиографические записки», «Русский архив», «Вестник Европы», «Живописец», «Известия русского отделения Академии Наук», «Современник»⁶.

Кроме того, Н.П. Павлов-Сильванский в полной мере учел изыскания своих предшественников и современников, в которых дана оценка жизни и творчества А.Н. Радищева, список их приведен автором в конце работы. В своем исследовании он рассмотрел важнейшие вехи жизненного пути и деятельности первого русского революционера⁷.

Историк выяснил родословную А.Н. Радищева. По его версии, основателем династии был татарский мурза, перешедший на службу к Ивану Грозному во

¹ Павлов-Сильванский Н.П. А.Н. Радищев. СПб., 1906.

² Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

³ Там же. С. 100-157.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

второй половине XVI в.¹ Более точно он говорит о деде, Афанасии Прокофьевиче, и отце, Николае Афанасьевиче, которые имели потомственное дворянство².

Значительное внимание Н.П. Павлов-Сильванский уделил анализу формирования личности А.Н. Радищева, его мировоззренческой и общественно-политической позиции. Важнейшей вехой в этом он считает период его учебы в Пажеском корпусе в Лейпциге в 1766-1771гг.³ Именно здесь, по его мнению, Александр Николаевич получил прекрасное образование не только в области гуманитарных, но и естественных наук. Он прекрасно знал основные европейские языки⁴.

Исследователь отмечает, что мировоззрение и общественно-политические позиции А.Н. Радищева сложились в период его пребывания в Германии. Он прекрасно знал труды ведущих философов Западной Европы. Наибольшее влияние на него оказали Гельвеций, Гольбах⁵. По мнению Н.П. Павлова-Сильванского, А.Н. Радищев не был их подражателем, а выработал свое понимание развития общества, в котором своеобразно сочетались идеализм и материализм⁶.

Ученый подчеркнул, что на формирование общественно-политических взглядов первого русского революционера оказали великие французские просветители XVIII в. - Вольтер, Монтескье, Руссо и др. А.Н. Радищев воспринял от них теории естественного права и общественного договора, а также идею Монтескье о разделении трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной⁷. Он несколько переоценил влияние их на Александра Николаевича. Однако эта точка зрения нейтрализуется тем, что историк пишет о том, что общественно-политические позиции А.Н. Радищева во многом формировались под воздействием российской действительности⁸.

Центральное место в работе Н.П. Павлова-Сильванского занимает анализ жизни и деятельности А.Н. Радищева после возвращения в Россию, начиная от его службы в Петербурге в коммерц-коллегии и таможне и вплоть до его ареста и ссылки на поселение в Сибирь, а затем возвращения обратно и ухода из жизни⁹.

Наиболее весомым и ценным в изысканиях ученого является изучение литературного наследия и общественно-политических воззрений А.Н. Радище-

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 158.

³ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905. С.100-157.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 158.

⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

⁷ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 158

⁸ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

⁹ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 158

ва на основе анализа произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» и оды «Вольность». Он подробно останавливается на процессе их создания и судьбе. Над ними писатель работал в течение 1785-1790гг., причем сам проделал путь из Петербурга в Москву¹. Книга была напечатана в неполном объеме в издательстве Н.И. Новикова, стоящего на просветительских позициях. Экземпляры ее моментально разошлись по Петербургу².

Как известно, произведение попало в руки Екатерины II. Прочитав его, она назвала автора «бунтовщиком хуже Е. Пугачева». Он был арестован и после унижительных допросов Шешковского был приговорен к смертной казни, которую затем по императорскому указу заменили на 10 лет ссылки в Илимский острог в Восточной Сибири.

Н.П. Павлов-Сильванский, стоя на демократических позициях, осудил эту жестокую расправу над писателем, тем более что он не готовил заговора против власти. Историк считал, что одной из причин этого было то, что Екатерина II была напугана Великой французской революцией и возможностью ее влияния на Россию.

Только в период правления Павла I в 1797г. А.Н. Радищев был возвращен из ссылки.

В отличие от официальной и либеральной историографии, которая искажала деятельность А.Н. Радищева, ученый дал наиболее объективную оценку его наследия, анализируя «Путешествие из Петербурга в Москву» и другие работы автора.

Так, официальные и либеральные авторы утверждали, что А.Н. Радищев копировал авантюрные и романтические романы Стерна и Рейналя. В противовес им, он доказывал, что Александр Николаевич взял у них только жанр и форму сочинений. Однако, содержание «Путешествия...» было оригинальным, самостоятельным, и в отличие от них, отражало реальную историческую действительность³. Н.П. Павлов-Сильванский верно оценил историческое значение и революционную направленность труда А.Н. Радищева, который выражал протест против самодержавия и крепостничества⁴. В этом отношении «Путешествие...» кардинально отличалось от «Большого Наказа» Екатерины II и её переписки с французскими просветителями, в которых ее идеи просвещенного

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

² Павлов-Сильванский Н.П. Волнение крестьян при Павле I // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2.

³ Павлов-Сильванский Н.П. Волнение крестьян при Павле I // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2.

⁴ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 163

абсолютизма и демагогия лишь прикрывали крепостническую политику, нашедшую яркое отражение в «жалованной грамоте дворянству»¹.

Н.П. Павлов-Сильванский подчеркивал, что Радищев никогда не выступал категорически только за насильственное решение политических проблем на Западе и в России, при условии их решения путем проведения реформ «сверху» правительством, хотя в это он мало верил².

Н.П. Павлов-Сильванский показал, что сибирская ссылка не сломила Радищева, он остался верен своим революционным убеждениям, о чем свидетельствует его деятельность в Сибири, не только просветительская, но и научно-исследовательская³. В этом ему оказывал постоянную материальную помощь и присылал книги и материалы граф А.Р. Воронцов, не боясь попасть в немилость у Екатерины II. Александр Николаевич вел опыты в области естественных наук (геология, география), а также писал труды по философии (трактат «О бессмертии»), истории (осталось его незаконченное исследование по истории Сибири и Ермака), доказывал выгоду торговли с Китаем⁴.

Н.П. Павлов-Сильванский рассмотрел и завершающий этап жизни и творчества А.Н. Радищева в Петербурге. В марте 1801г. по предложению Александра I А.Н. Радищев стал членом комиссии по выработке новых законов, которую возглавлял граф Завадовский. Он предложил свой проект закона по реформированию государственного строя, исходя из своих радикальных убеждений. Граф Завадовский намекнул ему на возможность снова оказаться в Сибири. Не найдя выхода, А.Н. Радищев покончил жизнь самоубийством. Историк считает, что виновником этого были представители правящих кругов⁵.

В тесной связи с изучением жизни и деятельности А.Н. Радищева стояла разработка Н.П. Павловым-Сильванским истории движения декабристов, которые считали себя его преемниками.

Следует подчеркнуть, что Н.П. Павлов-Сильванский одним из первых в отечественной историографии с демократических позиций дал оценку истории движения декабристов.

Павлов-Сильванский раньше В.И. Семевского получил доступ к следственным делам декабристов⁶. Он посвятил две работы П.И. Пестелю: «Политическая программа Пестеля» и «Пестель перед Верховным уголовным судом»⁷.

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Волнение крестьян при Павле I // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2.

² РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37. Л. 133-151.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Жизнь Радищева. СПб., 1905.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37. Л. 124.

⁷ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37., 35., 53.

Исследователь впервые использовал в качестве источника текст «Русской правды»¹. Им впервые была обнаружена рукописная книга «Алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ лицам, приобщенная к делу, от 17 декабря 1825 г. следственной комиссии» в государственном архиве, специально составленная для Николая I. Он сделал научную обработку текста и обширный комментарий к нему. Автор привел данные о 567 декабристах, привлеченных к уголовной ответственности. В качестве введения к «Алфавиту» Н.П. Павлов-Сильванский написал очерк обо всех тайных организациях декабристов. Однако все это осталось в рукописи. Ученый также широко использовал мемуары и дневники наиболее видных декабристов и воспоминания о них.

Несомненный интерес представляет также статья историка «Программы декабристов», опубликованная им в газете «Новая жизнь» в 1905 году². Н.П. Павлов-Сильванский обратился в ней к программным документам декабристов: «Конституции» Н.Муравьева («Северное общество») и «Русская правда» П.Пестеля («Южное общество»). К сожалению, он не дал их подробного анализа и сопоставления, сделав вывод об их различии. Основное внимание ученый сосредоточил на оценке «Конституции» Н.Муравьева и, прежде всего, на форме государственного устройства, предложенной в документе. Как известно, в нем говорилось о федеративном устройстве России по типу США, с большими полномочиями местных органов управления, а по форме правления конституционной монархии, против чего, вероятно, был историк. Его привлек проект Пестеля о создании унитарного государства³.

В отличие от «Конституции» Н. Муравьева «Русская Правда» П. Пестеля предполагала введение всеобщего избирательного права, республики и однопалатного парламента (Народное вече), а также создание исполнительной власти в лице Державной думы в количестве 5 чел., избираемой, как и народное вече, народом на 5 лет. По мнению ученого, в программе Южного общества проводилось четкое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную⁴.

Н.П. Павлов-Сильванский дал анализ социально-экономических преобразований, сформулированных в «Русской правде». Он показал, что они были также радикальными по сравнению с программой Северного общества. Если в «Конституции» предполагалось наделить крестьян землей в размере 2 десятины, причем за выкуп, то в программе Южного общества крестьяне должны были получить полный земельный надел без выкупа. Половина земли передава-

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-4

³ Павлов-Сильванский Н.П. Программы декабристов //Новая жизнь. 1905 г. 5(18) июня.

⁴ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37

лась бы в собственность волости, т.е. в коллективную, а вторая половина земли могла быть частной собственностью¹.

Ученый подчеркнул, что «Русская Правда» была программой всего Южного общества, в то время, как «Конституцию» разделяли не все члены Северного общества. Часть из них (Каховский, Рылеев и др.) склонялись к республике, а не к конституционной монархии².

Как показывают факты, в центре внимания исследователя оказалась жизнь и деятельность руководителя Южного общества - П.И. Пестеля. Он впервые дал биографический очерк и политический портрет Павла Ивановича. Его отцом был Иван Борисович Пестель, который был генерал-губернатором Сибири. Мать - Елизавета Ивановна, урожденная Фон-Крюк, была высокообразованной и честолюбивой женщиной, любящей своего старшего сына.

Н.П. Павлов-Сильванский подробно показал жизненный путь П.И. Пестеля, становление его как личности и общественно-политического деятеля. Он, по его мнению, получил блестящее образование сначала в Дрездене в 1805-1809гг., а затем в Пажеском корпусе в 1810-1811гг., который закончил с отличием и был занесен на мраморную доску лучших выпускников.

Историк прослеживает его блестящую военную карьеру от прапорщику Литовского (позднее Московского) гвардейского полка, а затем адъютанта командующего русскими войсками в период заграничного похода 1813-1814гг. и 2-й армии на Украине до полковника и командира вятского пехотного полка с 1821г. П.И. Пестель был участником Бородинского сражения 1812г., где был ранен и за мужество награжден Александром I золотой шпагой.

Следует отметить, что биографический очерк П.И. Пестеля Н.П. Павлов-Сильванский тесно связал с важнейшими моментами истории движения декабристов. Он показал, что в течение 10 лет именно Павел Иванович играл важнейшую роль в создании и деятельности всех организаций декабристов: «Союза спасения» (1816-1818гг.), «Союза спасения» (1818-1821гг.), «Южного общества» (1821-1825гг.)³ Им было доказано непосредственное влияние Пестеля на усиление радикализма среди членов «Северного общества»⁴.

Опираясь на воспоминания наиболее видных декабристов, историк пришел к выводу, что П.И. Пестель играл ведущую роль в деятельности декабристских организаций в силу своего таланта, логики мышления, организаторских и ораторских способностей, решительности и смелости действий. Не случайно,

¹ Павлов-Сильванский Н.П. П.И. Декабрист Пестель перед Верховным судом. Ростов-на-Дону, 1907. С. 206-237.

² РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37.

³ Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным судом. Ростов-на-Дону, 1907. С. 206-237.

⁴ Там же. С. 210, 224-239.

он оказался в числе 5 человек, приговоренных к смертной казни. По мнению ученого, для такого жестокого решения не было доказательства непосредственного участия П.И. Пестеля в руководстве Южного общества, т.к. за две недели до восстания он был арестован. Как писал Н.П. Павлов-Сильванский, Павел Иванович мужественно встретил свой приговор¹.

Н.П. Павлов-Сильванский называет декабристов революционерами, отмечает мужество и самоотверженность выдающихся деятелей, особенно Пестеля. Он считает их последователями Радищева в идейном отношении. Декабристы вслед за ним писали, что человек есть категория социальная. Ученый подчеркивает, что декабристы были противниками крепостничества и самодержавия. Сравнивая документы двух декабристских организаций, он приходит к выводу, что наиболее радикальный характер носит «Русская правда» Южного общества П.Пестеля².

Ошибкой Н.П. Павлова-Сильванского было то, что движение декабристов он представил как результат «сложного» влияния французской просветительской литературы XVIII и первой половины XIX в., недооценивая национальные корни его. Историк писал о «покоряющей власти этой литературы». После ареста декабристов у некоторых из них произошел «душевный перелом». Поколения 10-х и 20-х годов в лице наиболее живых и чутких представителей были сняты и уничтожены³.

Вероятно, Н.П. Павлов-Сильванский не располагал материалом о том, что часть декабристов не была сломлена каторгой и ссылкой, и активно занимались в Сибири научной и просветительской деятельностью.

Внимание ученого привлекла также жизнь и творчество революционеро-демократов А.И. Герцена и В.Г. Белинского. В статье «Герцен-изгнанник» историк дает довольно объективную оценку воззрений революционеро-демократа: вера в сельскую общину как ячейку социализма в России и возможность избежать ей капитализма. Он считает А.И. Герцена великим трибуном свободы. Н.П. Павлов-Сильванский имел в виду издание революционером - демократом «Колокола», где пропагандировались революционные идеи для России. Кроме того, историк ставит в заслугу А.И. Герцену сбор и первую публикацию мемуаров декабристов, благодаря чему они дошли до нас⁴.

В личном фонде Николая Павловича сохранилась незаконченная статья о В.Г. Белинском [1, Ф.1014. Оп.1. Д. 39.]. В ней он показывает его «святым» в противовес консервативному публицисту, издателю Суворину, который посто-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным судом. Ростов-на-Дону, 1907. С. 210,224-239.

² Павлов-Сильванский. Программы декабристов // Новая жизнь. 1905 г. 5(18) июня.

³ РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 37.

⁴ Там же. Д. 55.

янно выступал с резкими нападками на революционера – демократа¹. Тем самым исследователь отстаивал наследие В.Г. Белинского от искажения его представителями официального и либерального лагерей.

Таким образом, Н.П. Павлов-Сильванский одним из первых в дореволюционной историографии правильно определил его место в освободительном движении в России как основателя революционно-демократического лагеря, в отличие от официального, куда он отнес Булгарина, Греча, Суворина и др. Премниками В.Г. Белинского и А.И. Герцена Н.П. Павлов-Сильванский считал Н.Г. Чернышевского и революционных народников².

Г.Г.Павлуцких

ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ И ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ

В Российской империи, несмотря на наличие большого земельного фонда, всегда существовали земельные споры. Получалось так, что в них было втянуто практически всё население. Вопрос о земле, также как вопрос об иных видах собственности, стоит во всяком обществе, на любом этапе его развития. В России реально этот вопрос возник в 30-е годы XVIII века, а наиболее остро в 70-х годах этого же века. Это объяснялось тем, что, во-первых, после Семилетней войны и указах о вольностях, дворянство стало оседать в своих имениях; во-вторых, развитием рынка, разрушением натурального хозяйства, требованием денег, основным источником которых оставалось то же самое сельское хозяйство, или, другими словами, - земля; в-третьих, именно в это время Россия впервые начала ощущать малоземелье в своей центральной части, вызванное ростом населения; в-четвертых, после присоединения новых земель на юге и востоке России возникает потребность приведения новых земель в «известность» в фискальных и владельческих целях; в-пятых, государство, являясь верховным собственником земель, желало получить свои деньги за право собственности. Таким образом, все население, вольно или невольно, через земельные споры оказывалось втянуто в поземельные отношения.

Средством разрешения этих проблем должно было стать Генеральное межевание как государственная политика, или точное определение границ земельных владений отдельных лиц, общин, городов, церкви и т.д. Оно проводилось в период с 1765 по 1861 годы. Началом послужил вопрос о размежевании земель по всему государству при Анне Иоанновне (1731), когда был издан указ о посылке повсеместно валовых межевщиков; успехи просвещения выразились в требовании участия геодезистов и составления ландкарт. Но указ на практике

¹ Там же. Д. 39.

² Там же. Д. 55.

не осуществился и только при Елизавете Петровне (1754) была обнародована основанная на писцовом наказе 1684 г. Межевая инструкция; в ней было принято в соображение совершившееся слияние вотчин и поместий, а с технической стороны прежнюю веревку заменила десятисаженная цепь, за единицу меры принята десятина, и межевщик снабжен астролябией. На межевщика из военных, сопровождаемого геодезистом и военной командой, возложена была обязанность измерять и межевать все земли в порученном ему округе, проверять и утверждать права на владение в определенном пространстве и в определенных границах. Начатое в 1755 г. межевание подвигалось настолько медленно, что до 1762 г. не было окончено размежевание одного Московского уезда; чуть не каждый шаг межевщика вызывал споры со стороны владельцев. Комиссия о Генеральном межевании, учрежденная Екатериной II 5 марта 1765 г. для рассмотрения того, “полезно ли производить межевание на таком основании, как донныне установлено”, подробно указала все недостатки инструкции 1754 года. Манифест 19 сентября 1765 г. (П. С. 3. 12474), ссылаясь на эти указания, возвестил учреждение межевания на новых основаниях. Задачей Генерального межевания постановлено было исключительно «всех владельцев собственное спокойствие и развод по настоящим границам их владения». Не должно быть ревизии прав и редукации владений: надлежит «только межевать и класть на планы земли каждого владения». Чтобы обеспечить успех межевания, манифест приказал всем владельцам, городам и селам всех ведомств отнюдь не распространять своих владений за те границы, в которых каждого застанет публикация манифеста, освидетельствовать свои границы окольными людьми, заметить их и ожидать спокойно Генерального размежевания. Вместе с манифестом обнародованы были генеральные правила, которые затем положены были в основание новых инструкций: одной — землемерам (13 февраля 1766 г., П. С. 3. 12570), другой — межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам (25 мая 1766 г., П. С. 3. 12659). Генеральные правила объявили в принципе, что обязательное прекращение общего и чересполосного владения — дело будущих специальных и уездных межеваний и что прямая задача Генерального межевания — размежевать дачи, а не владельцев, кроме тех, которые разведутся полюбовно и будут просить об укреплении их полюбовных границ. Правила предписали “все земли межевать не к именам владельцев, но к именам сел и деревень, а пустоши к их собственным названиям”; при этом, однако же, каждому владельцу совокупности селений и пустошей предоставлено было не отмежевывать каждое селение порознь, а обводить все свое владение общей межей. В межевых книгах и планах велено было писать, за кем при Генеральном размежевании какие селения и пустоши во владении окажутся и сколько в них земли. Споры о правах на владение предоставляются общему государственному суду

— Вотчинной коллегии; но только "утверждаются навсегда земли к селам и деревням, а пустоши к их старым названиям". Сообразно с этим землемеру, деятельность которого была вообще строго отграничена от «межевых дел», т.е. от разбирательства споров о границах, воспрещено было требовать предъявления крепостных актов от лиц, спокойно и бесспорно владеющих своими дачами; он обязан был только наносить на планы дачи, а в случае споров — обозначать на планах спорные границы и отсылать спорщиков для разбора в учрежденные в каждой губернии на время межевания межевые канцелярии и конторы, которые должны были утвердить на оспоренных местах межи, а затем уже поручить землемеру проведение их в натуре. Отказавшись от ревизии и редукации, государство получило в примерных землях отличное средство для поощрения полюбовного размежевания: правила предписывали разыскивать примерные земли у всех спорщиков и оставлять им не более 10% этих земель, а остальные вымежевывать в особые государственные дачи, и, наоборот, отнюдь не проверять крепостей у всех, кто разведется бесспорно. Отображением всей примерной земли правила угрожали всем зачинщикам неправых споров, а также всем, кто выйдет из границ, в которых его застанет манифест. Правила, далее, рекомендовали полюбовный развод всем, у кого в крепостях граница значилась по разлитию вод и т. п., всем, у кого леса записаны были без всякой меры, угрожая в противном случае размежевать их «без наблюдения каждого из них собственной выгоды, а единственно по уважению общего государственного блаженнейшего положения». Екатерининские инструкции приняли в расчет то обстоятельство, что исторически в России частное землевладение образовалось в громадном числе случаев не на основании титулов, а путем заимки, захвата и обработки бесхозных земель. Не требуя крепостей, поощряя полюбовное размежевание и вместе с тем издав в инструкциях подробные правила о наделении землей поселенцев на городских выгонных землях, о намежевании земель церквам, однодворцам, ямским слободам, мельницам, иностранным поселенцам, горным заводам и т. д. об отводе пространств под дороги и бечевники — государство положило начало образованию многочисленных разрядов землевладельцев, которые до тех пор владели землей часто без юридических оснований, и достигло возможности обособить государственное и частное землевладение. Порядок, в котором должно было вестись Генеральное межевание, был изложен в подробной инструкции землемерам. Последние являлись на места межевания в качестве представителей власти. Так как Генеральное межевание должно было, помимо «покоя и тишины всем поселянам», доставить еще «к государственному общему экономическому правлению обстоятельное сведение», то на землемеров было возложено еще составление особых экономических примечаний или журналов; сюда заносились сведения о судоходстве, промыслах, качестве земель и

лесов, о фабриках и заводах, о числе душ и даже о курганах и пещерах. Для истории Екатерининской эпохи в этих журналах содержится громадный запас данных. Межевыми знаками служили межники, просветы в лесах, ямы, наполненные камнями и углем, курганы, деревянные или каменные столбы. Начатое в 1766 г., Генеральное межевание пошло вперед настолько быстро, что к концу царствования Екатерины II оно уже было закончено в 18 губерниях¹.

Издание Манифеста от 19.09.1765 года и издание Генеральных правил, положены в основу двух инструкций для межевщиков, одна для межевых губернских канцелярий, другая - для провинциальных межевых контор.

В 1783 г. правительство спланировало обмежевать земли Курганского округа. Целью межевых работ в Зауралье в дореформенный период являлось приведение "крестьянских земельных наделов в порядок, полагая по 15 десятин на ревизскую душу" и изъятие излишних земель в колонизационный фонд. Кроме того, предусматривалось создание дополнительного резерва казенно-оброчных статей.

Межевание земель Южного Зауралья началось с "Высочайшего повеления о приступе к нарезке крестьянских наделов" от 06 ноября 1831 г. Согласно этому постановлению планировалось формирование волостных фондов, из которых на одну ревизскую душу старожилов предусматривался надел в 15 десятин, а на излишних землях планировалась организация переселенческих деревень. В 1832 г. начался такой отвод земель крестьянам девяти волостей Курганского округа. Основанием для отвода земель послужили данные седьмой ревизии. Излишние земли после наделения удобной земли по 15 десятин на ревизскую душу переходили в резерв казенного ведомства. Межевые комиссии подтверждали верховное право собственника: устранялась череполосица, выделялись земли для переселенцев, а с 1844 г. излишки вымежовывались в оброчные статьи, с 1848 г. из крестьянских владений отрезались леса и передавались в казну. Даже такое межевание проводилось очень медленно и было закончено лишь к середине 19 века. Нередко земли Курганского округа приобретались новыми владельцами с учетом интересов государства-собственника. Рента за пользование наделами становилась единой.

После губернской реформы 1775 года ряд провинциальных контор был упразднен. Уже в этих инструкциях предусматривалось обязательное присутствие при межевании 12 понятых, дававших клятвенное обещание. Вот как выглядело это обещание в 1847 г. при межевании земель Курганского округа: «Я, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед святым его Евангелием в том, что в деле сем, к которому я призван свидетельствовать,

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.. Т. 8. СПб., 1892 . С. 318-322.

имею показать самую сущую правду и всею ясностью, сколько о том по истине знаю, ни мало из всего того ни под каким видом не утаивая и никому никак не норовя ни для вражды, ни для страха, ни для подарков или какой либо корысти, но со всею истиною и как перед Богом и судом Его страшным ответ в том дать должен, в заключении же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь. Подпись»¹. Правда, с подписями выходило не всегда гладко, поскольку даже уважаемые и знающие люди, выбираемые в понятые, нередко были неграмотны. Типичной иллюстрацией этого факта могут служить соответствующие записи в межевых документах: «К сему плану вместо крестьянина деревни Новой Антона Пушкарева за неимением его грамоте по личной его просьбе ... поверенный от деревни Новой Платон Загурской руку приложил»; или: «К сему плану вместо волостного правления от волости Смолинской Ивана Шушарина и вместо понятых сторонних людей Падеринской волости разных деревень государственных крестьян всего 12 человек имена коих написаны в присяжном листе приложенном при полевом журнале за неумением их грамоте по личной просьбе крестьян деревни Новой и Речковой государственный крестьянин Платон Попов руку приложил»².

Уважение крестьян к межеванию было традиционным. Еще в Краткой редакции Русской правды была статья: «И иже между переорет или перетес, то за обиду 12 гривен» при цене жизни смерда или рядовича в 5 гривен³. Такое наказание определяло важность и принципиальность вопроса о границах, неправильное или несправедливое решение, которого вело к кровавым столкновениям или даже убийствам. Особенностью выбора понятых было то, что крестьяне выбирали их по 2-м критериям. Первый разряд понятых - это те, которые участвуют в работе по общему межеванию волостных угодий, казенных дач, частных владений. Эти понятые работали с экспедициями почти все теплое время года, нередко выполняя роль подсобных рабочих и выбирались либо по жребию, либо из плохих ленивых хозяев. Если же решался вопрос о непосредственно общинном владении, тем более если это владение было спорным, то здесь избирались наиболее грамотные, опытные и знающие люди, способные отстаивать свои интересы, поскольку межевание было не столько измерением земли при помощи цепи, или веревки, или сажени, сколько, по сути, являлось судом по делам о земельной собственности, особенно в исследуемый период. И неслучайно даже совпадение числа 12 (апостолов, присяжных заседателей в суде, понятых при межевании). Тем не менее нередкими были случаи, когда на помощь землемерам приходилось присылать полицию. Примером может слу-

¹ ГАКО.Ф.245,ОП.1,Д.1779,Л.2.

² ГАКО.Ф.245,ОП.1,Д.3.

³ Российское законодательство X-XX веков. Т.1. М.,1984. С.48.

жить спор между елымскими и каминскими крестьянами курганского округа по поводу размежеванной в общее пользование территории на правом берегу Тобола. Спор принял характер военных действий. Скот, переходивший реку, изымался или убивался, крестьяне дрались. Землемер Андриан Данилов(?) посланный для проведения межевания и разрешения спора, отказался его проводить, «дабы не учинилось смертоубийства» крестьян этих волостей, от которых уже пострадали и писарь, и священник, и ряд выборных. Такие случаи, конечно, были, и, употребив власть, правительство привело крестьян к смирению, но чаще все-таки дело решал межевой чиновник, который, по сути, являлся судьей о земельной собственности, причем от его честности и компетентности зависело очень много. Хотя нельзя забывать двух вещей, столь характерных для исследуемого периода: во-первых, взятка не только не считалась грехом, а была почти обязательным атрибутом, сопутствующим взаимодействию крестьянской общины (да и дворян так же) с чиновничеством, а во-вторых - нередко слабой специальной подготовкой чиновников, особенно в такой сфере как измерение земель¹.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных » от 15 августа 1845 года, в главе 11 наличествует отделение, посвященное проступкам и преступлениям должностных лиц межевой части. Согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи» от 1775 года в главе 3 пункте 69 было отмечено: «В губернию губернский, а в уезде уездный землемеры определяются сенатской межевою экспедицией», что подразумевало тщательный подбор кадров. Тем не менее, во втором отделении «О преступлениях и проступках чиновникам по делам межевым» было 10 статей, предусматривающих наказание межевиков. Остановимся на них особо, поскольку они отражали существовавшую действительность. Их можно поделить на 4 категории. Первая - это неумышленные ошибки, которые приводили к несправедливому и неправедному межеванию. Вторая - это умышленные притеснения владельцев или крестьян, требование подарков и взяток, размежевывание казенных земель в другое владение, составление неправильных планов и т. п. Третье - это небрежение и незнание, вызвавшее неверности при межевании. Четвертое - это использование своего служебного положения при межевании своих земель или родственников. Наказание же было весьма строгим, от минимума - штраф по 3 коп. за каждую неправильно перемеренную десятину до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение².

В Западной Сибири Указом Сената от 13 февраля 1783 года полагалось установить должности уездных землемеров, в обязанности которых входило

¹ ГАКО.Ф.245,ОП.1,Д.1-10.

² Российское законодательство X-XX вв. Т. 5, С. 179., Т. 6, С. 294-294, 404-405.

составление карт уездов и доставка их в межевую экспедицию губернии. Наиболее ранними были карты и планы, составленные в 1783-1787 годах, но, доставленные в Тобольск, они сгорели в 1788г. Повторно собранные материалы, в том числе описания Курганского, Ялуторовского, Ишимского уездов, а кроме них и Шадринского, в настоящее время находятся в РГВИА, подобное описание Куртамышского дистрикта находится в РГАДА¹.

После некоторого перерыва в 1804 году в Сибири вновь начинает работать губернская канцелярия по межеванию и приведению земель в известность. Межевание было необходимо для: « 1) Находящихся ныне там казенных поселен. 2) Для скотоводства и звериной ловли ясашным и кочующим народом. 3) Для водворения будущих казенных поселенцев. 4) Для всякого рода казенных заведений». Одновременно с землемерами работали и чиновники губернского правления, выяснявшие причины недоимочности крестьянских хозяйств. В целом работа этой канцелярии в те годы не дала точной съемки земель, а свелась к разбирательству земельных тяжб между волостями и селениями, приняв на себя функцию поземельного суда. К другим видам работ относилось выделение частных и наградных земель, определение городских территорий, уточнялись границы смежных губерний².

Во время короткого пребывания М.М. Сперанского на посту губернатора в Сибири произошло немало положительных изменений. Среди них были и перемены, коснувшиеся межевого комитета, который признал свою неспособность провести предложенную губернатором съемку наиболее заселенной части Сибири (от южных границ до 60-й широты) Для этих работ набиралась новая экспедиция, состоявшая из начальника, 16 офицеров и 50 топографов. Уже в 1826 году этот проект, как и ряд других проектов, предложенных Сперанским, был приостановлен «до того как позволят приступить к этому финансы», хотя в Курганском, Ялуторовском, Ишимском округах работа топографов не прерывалась³.

Межевание в Западной Сибири возобновилось в 1831 году по представлению преемника М.М.Сперанского генерал-губернатора Сибири П.М. Канцевича, одновременно комитет признал, что «в Сибири измерение земель составляет одно из самых необходимых дел, а для Западной Сибири особенно нужно для наделения крестьян законною пропорцией земли, для сбережения лесов, для поселения ссыльных и для переселения крестьян из внутренних губерний». Даже в этих коротких строках видно, насколько важно было межевание в Си-

¹ ПСЗ.Т.26.№19967;РГАДА.Ф.611,ОП.1,Д.234.

² ПСЗ.Т.27.№20740;РГАДА.Ф.1343,ОП.2,Д.38,19;ГАКО.Ф.245,ОП.1,Д.2,4.

³ Дуров А. Краткий исторический очерк о колонизации Сибири. Томск,1891; Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа. Т.1-3.СПб.,1890.

бири, мы видим, что оно охватывало самые разнообразные стороны жизни - от экологии до сохранения морально-нравственного облика селян (в том случае, когда регламентировалось расселение ссыльных на свободных землях целыми селениями, но вдали от крестьян-старожилов, дабы не смущать мирных обывателей зловредными нравами».

Доказательством того, насколько серьезно относилась администрация к проведению межевых мероприятий, служит пожелание Тобольскому губернатору, сделанное лично Николаем I при высочайшем утверждении журнала комитета по межеванию земель в Тобольской губернии от 6 ноября 1831 года: «При сем поставить на ответственность губернатора бдительно наблюдать за ходом сего дела, дабы не допустить жалобы на притеснения». Еще одним подтверждением серьезности отношения властей к межеванию может служить и то, что «ведомость надела земель государственных крестьян и переселенцев в Курганский округ» подписал лично начальник межевания казенных земель в Западной Сибири генерал-майор Будберг и старший запасный землемер титулярный советник Медведев¹.

В этом же 1831 году была сформирована рота топографов для обмежевания земель в Сибири. В уезде межевание было возложено на местных землемеров. Уже в 1832 году они приступили к разграничению участков и отводу наделов; большая часть ранее составленных планов признавались негодными. С возникновением в 1837 году Министерства Государственных имуществ резко возрос объем работы по выделению земель для поселенцев, но только в 1843 году штат землемеров был увеличен, и была сформирована четверть-рота топографов для выделения земли под колонизацию. Результатом 10 лет их работы в Курганском округе стала «Карта Тобольской губернии Курганского округа участков земли для наделения государственных крестьян старожилов и на излишнии земли для переселения из малоземельных губерний» с примечаниями².

Работа землемеров была регламентирована до предела, как в принципе и все в России во время «бюрократической империи». Под регламент попадали: нормы расходных материалов «на одного землемера годовой выдачи бумаги - 3-4 дести, карандашей - 1 дюжина, перьев 2 пучка, клея - 2 куска весом 5,3 золотника, туши китайской 2 куска, резины 2 куска», прогоны, нормы питания, соблюдение инструкций. За ошибки платили, кроме перечисленных выше статей, выговорами, лишением права на ордена, гауптвахтами, арестами и снятием с должности. Так землемер Завьялов, сделавший очень много в межевании Кур-

¹ Дуров А. Указ. Соч. С.41;ГАКО.Ф.245, Д.1981.

² ГАКО.ф.245,ОП.2,Д.2.

ганских земель, получил 8 суток гауптвахты «за нарушение грани 1783г.» и межевание против 15-десятичной пропорции¹.

В ходе Генерального межевания в России было размежевано 275 млн десятин, составлено более 200 тыс. планов владений, на основе которых были созданы впоследствии уездные планы, губернские атласы. Приложением к этим атласам и планам были экономические примечания, включавшие в себя статистические сведения (в Зауралье по 8-й ревизии) о числе жителей, дворов, количестве усадебной и пашенной земли, покосов, удобий и неудобий, лесов, дорог, водоемов и т.д., и топографических примечаний, в которых приводились сведения о качестве почвы, качестве лесов, водоемов, животном мире, доходности промыслов, ремесел, урожайности, ценах и т.д.

Таким образом, в рассматриваемый период государству удалось основательно реализовать свои права собственника и в Зауралье. Из некогда свободно захваченных земель предполагалось выделить для государственных крестьян-переселенцев 400 967 десятин, из них 395 706 десятин удобной для занятий сельским хозяйством, для водворения пятисот семейств бедных дворян - 41 270 десятин, из них 40 000 десятин удобной, 35 607 десятин было выделено в казенно-оброчные статьи, 129 210 десятин - в лесные дачи казенного ведомства и 212 десятин для "государственных преступников". У крестьян - старожилов Курганского округа оставалось 1 253 014 десятин, из них удобной - 819 078 десятин на 42 814 д.м.п., что составило по 19,1 десятины удобной земли на д.м.п. Данные цифры были получены в результате анализа более 100 дел, содержащихся в 245-м фонде ГАКО. Это фонд Тобольского губернского управления земледелия и государственных имуществ, содержит 2431 дело за 1802-1915 годы. В нём кроме межевых, топографо-статистических описаний находятся и уникальные планы и карты Курганского округа, что делает его одним из самых информативных в ГАКО.

В Зауралье, также как и в других регионах, были составлены общие «топографо- статистические примечания» особенностью которых стало то, что кроме вышеперечисленных проблем они включали в себя даже социально-психологические характеристики крестьянских характеров с натуры. Таким образом, на землемеров, работавших в межевых комиссиях, ложились самые разнообразные задачи. Правительству они служили для выполнения фискальных задач, наделения крестьян положенной земельной нормой, выделения излишних земель в казенно - оброчные статьи и для приема переселенцев. Тем самым решались проблемы малоземелья в центре, снималась социальная напряженность. На местах землемеры являлись представителями местной администрации

¹ ГАКО.Ф.245,ОП.1,Д.3,567,678,924.

в земельных спорах, проводниками подушного наделения земель, но благодаря своему образованию им приходилось быть и социологами, биологами, географами, почвоведом, экономистами, юристами и психологами. Конечно, те их отчеты, которые дошли до нас, неоднозначны. Одни из них пользовались заготовленными трафаретами, что доказано документально, другие подходили действительно творчески. Тем не менее тот блок документов, который остался нам как результат работы межевых комиссий и комитетов, дает возможность характеризовать жизнь зауральских крестьян с совершенно новых, ранее неизвестных сторон, а данные, сохранившиеся в них, явились отражением уровня развития социально-экономических отношений в регионе.

Т.В. Козельчук, Е.В. Тершукова

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

подавляющая часть исторических исследований осуществляется на базе письменных источников. Они по праву считаются, как отмечал М.Н. Тихомиров, «фундаментом исторических исследований». Более того, подчёркивал историк, «...там, где они отсутствуют, историк бродит в потемках, и на страницах исторических изданий появляются пробелы, трудно восполняемые изучением всех других видов исторических источников»¹. Значит ли это, что степень полезности в познании прошлого других, особенно вещественных источников, ничтожна? Разумеется, это не совсем так. Письменные источники, несмотря на свои явные преимущества в плане отражения окружающей действительности, не способны отразить её многообразие, как, впрочем, и любой другой тип источников, будь то устные, этнографические, лингвистические и прочие. Можно сказать, что при формировании источниковой базы действует принцип «чем больше и разнообразнее, тем лучше», то есть при реконструкции прошлого нельзя обойтись и без неписьменных источников. Кроме того значение письменных материалов как источников может падать, что доказывает изучение истории советского общества: советская официальная печать и публицистика, делопроизводственная документация и статистика, наконец, художественная литература и даже научные тексты, решали вполне известные задачи и потому неизбежно проникнуты идеологией, некоторые из них передают действительность однобоко и даже искажают её. Поэтому вполне закономерно обращение историков к таким свидетельствам, в которых советская реальность предстаёт

¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962. Т.1. С.12.

без откровенного официоза и явного идеологического подтекста, насколько это, конечно, возможно.

Проблематичность обозначенной темы определяется не только источниковедческим контекстом, на сегодняшний момент достаточно актуальным представляется изучение концепта историческая память¹. Обращение к наиболее значимым периодам прошлого нашей страны, например Великой Отечественной войне², необходимо не только для историков-профессионалов, это нужно для всех последующих поколений как способ формирования исторического сознания, как сохранение прошлого в исторической памяти народа. Историческая память о Великой Отечественной войне сегодня, говоря словами Л.П.Репиной, это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ... имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем»³. Своё место здесь занимает и научное знание, призванное кроме прочего с помощью источниковедческого метода оценить информационный потенциал сохранившихся свидетельств, запечатлённых всевозможными способами. Одним из таких способов является сооружение памятников.

Памятник - довольно объёмное понятие и в различных отраслях знания может трактоваться по-разному. В нашем случае речь идёт об особой группе культурного наследия – мемориальных сооружениях. В широком смысле это «различные архитектурные сооружения, возводимые в память отдельных лиц и исторических событий»⁴. Условно все мемориалы можно разделить на три группы:

1) мемориальные ансамбли (несколько сооружений, образующих вместе единую архитектурную композицию, возводимые в честь отдельных лиц и событий);

2) памятники (архитектурные или скульптурные объекты, сооружённые в честь значительного исторического события или выдающегося деятеля);

3) другие мемориальные сооружения (колодцы памяти, аншлаги, мемориальные доски).

¹ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С.35-45; Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С.47-55 // http://ec-dejavu.ru/c-2/Cultural_Memory.html; Тощенко М.В. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния// Новая и Новейшая история. 2001.№ 4. С.3.

² Полянская Я.А. Важность исторической памяти россиян о Великой Отечественной войне // <http://www.rae.ru/forum2011/pdf/article608.pdf>

³ История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 24.

⁴ Архитектурный словарь / Авторы-составители Н.И.Баторевич, Т.Д. Кожицева. СПб., 2001. С.183.

Тем самым, собственно памятники, а точнее обелиски, стелы, бюсты, статуи, памятники технике и другие, являются одним из видов мемориальных сооружений, причём наиболее распространенным¹.

Согласно принятой в источниковедении типовой классификации мемориальные сооружения можно отнести к вещественным источникам. Это достаточно разнообразная группа - от предметов быта и личной гигиены до произведений искусства. При всём различии их объединяет именно такое качество как предметность, поэтому, соглашаясь с И.Д. Ковальченко, «будучи остатками, реликтами действительности, они, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней»². Другое дело, как извлекать эту информацию, в чём собственно и заключается одно из решающих затруднений исторического изучения источников данного типа. Тем более мемориальные сооружения, как и все другие вещественные источники, одновременно являются изобразительными, то есть буквально изображают реальность, формируя её образ, что порождает наряду с несомненными плюсами дополнительные сложности их источниковедческого изучения, например, в плане интерпретации, вербализации смыслов.

Указанная классификационная неопределённость, споры о первичности изображения или предметности являются, на наш взгляд, косвенным показателем их высокого эвристического потенциала, то есть мемориальные сооружения отражают и воплощают, фиксируют и транслируют информацию широкого историко-культурного плана – эстетическую, этическую, научно-техническую, идеологическую, наконец, историческую. Самое важное, что мемориальные сооружения антропогенны, значит, как и любой другой продукт деятельности и мысли человека, отражают самого человека как автора, творца, в частности, и общество, в целом. А это и есть наиболее убедительный аргумент, доказывающий несомненное источниковедческое значение мемориальных сооружений и широкие возможности их исторического изучения. Появление в 1990-е гг. памятниковедения как вспомогательной исторической дисциплины, «области знаний о памятниках истории и культуры», «комплексной науки»³ и т.д., знаменует то, что научная мысль считает их самостоятельным предметом познания.

¹ В данной статье для удобства мы будем использовать термины «мемориальные сооружения» и «памятники» как синонимы.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 122.

³ Шмидт С. О. Памятники в системе науки и общественного сознания // Музееведение. Музеи мира: Сб. науч. тр. / Науч.-иссл. ин-т культуры. М., 1991; Золин П. М. Памятниковедение — наука // Вопросы истории. 1990. № 3. С.188-190; Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990; Памятники в контексте историко-культурной сферы: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Дьячков. М., 1990.

Историческое изучение мемориальных сооружений Курганской области, посвященных Великой Отечественной войне - это, прежде всего, постановка и ответ на традиционные в таких случаях вопросы, а именно, в чём конкретно состоит познавательная значимость памятников, каковы их источниковедческие особенности и приёмы изучения, какое место они занимают в ряду иных материалов о войне и масса других. Однако источниковедческий анализ - это только одна из составляющих исторического изучения мемориальных сооружений. На наш взгляд, можно выделить следующие этапы исторического изучения мемориальных сооружений Курганской области:

1. Выявление мемориальных сооружений, посвящённых войне, расположенных на территории Курганской области.
2. Характеристика, атрибуция, классификация.
3. Организация мероприятий по сохранению, в том числе ремонтных, реставрационных работ.
4. Разработка и апробация приёмов источниковедческого изучения, определение источниковедческого значения.
5. Введение в научный оборот, использование в исторических, культурологических и других исследованиях.

Первые воинские мемориалы на территории Курганской области появились уже во время Великой Отечественной на могилах солдат и офицеров, умерших в эвакуогоспиталях Кургана, Шадринска, Кособродска, Лебяжья. Они ближе к отображаемым событиям, значит, более достоверны, их ценность заключается именно в отражении непосредственного отношения к погибшим солдатам.

Один из первых воинских памятников, не связанных с захоронениями, был сооружен в 1947 г. с. Плоское Лебяжьевого района. Это кирпичный обелиск, на гранях которого высечены фамилии погибших на фронтах односельчан. Обелиски - самый массовый тип военных памятников - приобрели новую жизнь в советских монументах, возведенных в честь Гражданской и Великой Отечественной войн, поскольку трактовались как монументализированная форма армейского штыка. По типу к условным обелискам отнесена и усеченная пирамида, увенчанная, как правило, пятиконечной звездой или изображением орденов Победы или Великой Отечественной войны.

В 1940-50-е гг. открытие воинских мемориалов было редким событием. Так, в 1956 г. жители с. Нижнеполевское Шадринского района установили каменный памятник, посвященный односельчанам, не вернувшимся с войны. Ситуация изменилась в начале 1960-х гг., когда 9 мая – День Победы - был признан официальным советским праздником: в городах и селах стали появляться новые воинские памятники. В 1965 г. в областном центре скверу у Дома полит-

просвещения по улице Пушкина, 137, было присвоено наименование - сквер Победы. 9 мая этого года здесь состоялась торжественная закладка обелиска в честь Победы советского народа над фашистской Германией.

Особенно активно памятники возводились в 1970-80-е гг. В этот период распространение кроме обелисков получили стелы - небольшие архитектурные сооружения в виде вертикально установленной каменной плиты с рельефным изображением или надписью. По данным отдела учёта и охраны культурного наследия Управления культуры Курганской области больше всего стел в Сафакулевском, Альменевском, Лебяжьевском районах. В подавляющем большинстве данный вид памятников не представляет художественной ценности, однако плиты со списками погибших могут быть востребованы в генеалогии, ономастике, краеведении.

Также в ряде городов и сел Зауралья в этот период появились статуи воинов. Например, в селе Каменное Шатровского района авторы памятника изобразили солдата, который поднял руку с автоматом в приветственном жесте. Среди других типичных скульптурных композиций можно выделить статуи солдата, преклонившего колени; солдата с ребенком на руках. Символами памяти стали и образы тех, кто провожал воинов на фронт и ждал их возвращения, в частности, образы женщины, скорбящей о павших. Источниковедческое значение таких мемориальных сооружений заключается как раз в том, чтобы передать эмоциональную, патриотическую, идеологическую составляющие мировоззрения послевоенного поколения.

Память о конкретных героях войны нашла отражение в бюстах солдат и офицеров – зауральцев, которые прославили отечественную армию в борьбе с фашистами. Заметим, что персонифицированные памятники - в Курганской области явление редкое. Наиболее заметными из них являются бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза К.А. Евстигнеева, установленный в 1952 г. в д. Хохлы Шумихинского района. В 1960 г. этому памятнику монументального искусства был присвоен статус объекта культурного наследия регионального значения. Позднее он был перенесен в Шумиху.

7 мая 2010 г. в торжественной обстановке состоялось открытие бюста Герою Советского Союза М.С. Шумилу, которое вошло в план юбилейных мероприятий, посвященных 65-й годовщине Победы. Памятники данного рода ещё не стали предметом специального внимания историков, и на то есть свои объяснения, но благодаря своему экспоненциальному характеру они уже участвуют в передаче новым поколениям исторической информации, отражая скорее послевоенную историю.

География памятников технике не так обширна. На территории областного центра имеется несколько таких объектов – бывших действующих машин

времен Великой Отечественной войны. Это паровоз ФД-20-2697 на привокзальной площади Кургана, военные орудия у стены Памяти в парке Победы, танк Т-34. В Шадринске установлена автомашина в честь погибших в годы войны шоферов. В селе Уксянское Далматовского района на бетонном постаменте поставлен танк Т-34 с мемориальной надписью «В грозные дни войны на личные сбережения граждан села Уксянское был построен танк Т-34 и назван «Тракторист Уксянской МТС Курганской области». Еще один танк Т-34 в селе Рига Шумихинского района был подарен землякам генералом армии В.П. Дубыниным. В районном поселке Лебяжье одноименного района в состав мемориального ансамбля входят орудия Второй мировой войны. В отличие от других разновидностей мемориальных сооружений такие памятники аутентичны, они позволяют воочию почувствовать героическую эпоху военных лет и, как минимум, являются источником для изучения военной техники.

К 60-летию Победы была организована региональная акция по увековечиванию памяти погибших воинов-земляков «Поставим памятник деревне». В районах нашей области были установлены памятные знаки на местах населённых пунктов, исчезнувших с административной карты региона, с указанием тех, кто ушёл на фронт и погиб в боях за Родину. В мае 2010 г. в селе Усть-Миасское Каргапольского района по инициативе местной школы и при финансовой поддержке благотворительного фонда «Мама» была установлена стела, на которой прикреплены металлические плиты с фамилиями земляков, погибших на войне. В сентябре этого же года состоялось торжественное открытие памятника павшим защитникам Отечества в селе Медведское Щучанского района.

На протяжении полувека краеведами, учителями, школьниками велась большая работа по установлению личностей зауральцев, погибших на фронтах войны, солдат и офицеров, умерших в курганских госпиталях. Результат этой поисковой работы – десятки и сотни мемориальных плит с фамилиями участников Великой Отечественной войны. Возникшие спустя десятилетия после войны, что сужает их информационные возможности, эти памятники, вместе с тем, содержат достоверную информацию, например, имена и фамилии солдат, в чём собственно и заключается их привлекательность для изучения военной эпохи. В остальном мемориальные сооружения послевоенных лет позволяют охарактеризовать процессы сохранения в памяти народа образа войны. Сама история сооружения памятников характеризует, в том числе, политику и идеологию власти.

Итак, на данный момент на территории Курганской области выявлено 955 мемориальных сооружений, посвященных Великой Отечественной войне¹. В

¹ Эта цифра носит условный характер, она однозначно занижена, т.к., во-первых, не во всех административно-территориальных образованиях Курганской области учтены мемориальные

каждом из районных центров Курганской области имеются местные мемориальные ансамбли, как правило, включающие центральный объект в виде обелиска или стелы, вокруг которого расположенные плиты с фамилиями участников войны. Как минимум 70% населенных пунктов области имеют мемориалы. В Кетовском и Куртамышском районах мемориалы есть почти в каждом селе и деревне. Но поисковая работа ещё не завершена, выявлены далеко не все мемориальные сооружения.

Таким образом, исследователь имеет вполне приличную источниковую базу для того, чтобы начать комплексное изучение мемориальных сооружений, тем более к настоящему моменту уже есть определённые результаты таковой. Прежде всего, мемориальные сооружения стали объектом интереса и профессиональной деятельности отдела учёта и охраны объектов культурного наследия Управления культуры Курганской области. В результате проделанной сотрудниками работы в 2010 г. был создан сайт о мемориальных сооружениях Курганской области, посвященных Великой Отечественной войне¹. Его основу составляет реестр, который включает сведения о мемориальных сооружениях, созданных для увековечивания памяти о событиях войны и людях, так или иначе связанных с этим историческим событием. Активное участие в формировании сайта приняли Государственное учреждение «Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области» и общественная организация «Историческое наследие Зауралья». При создании реестра использованы материалы (фотографии, списки, описания, карты) областного смотр-конкурса муниципальных образований Курганской области по реализации проекта, посвященного 65-й годовщине Победы «Без прошлого нет будущего»; информация, подготовленная отделами культуры муниципальных образований; а также фотографии, предоставленные членами Зауральского генеалогического общества имени П.А. Свищева. Зауральское генеалогическое общество осуществляло самостоятельные изыскания, результаты которых были размещены на сайте этого общества².

Таким образом, названные интернет-сайты, с одной стороны, можно рассматривать как введение в научный оборот мемориальных сооружений как объектов научного интереса, с другой стороны, отправной точкой для дальнейшего количественного и качественного их анализа. В настоящее время материалы сайтов востребованы в различных краеведческих исследованиях, проводимых

доски, во-вторых, в поле зрения исследователей объективно не попали отдельные населенные пункты, в которых имеются интересующие нас объекты.

¹ <http://www.memory45.ru/>

² <http://www.kurgangen.org/>

школьниками и студентами, и социальных проектах, в том числе по созданию интерактивной карты памятников Курганской области.

История человечества фиксировалась, как известно, разными способами, и не всегда это делалось сознательно, то есть при создании того или иного предмета его творец даже и не помышлял, что его произведение станет когда-то историческим источником. Этого мы не можем сказать о сооружениях, которые целенаправленно создавались для сохранения памяти о значимых событиях в жизни общества. Действительно, «историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»¹. Не последнюю роль в этом процессе играют мемориальные сооружения, они как раз и отражают отношение военных и послевоенных поколений к событиям 1941-1945 гг.

Сделанные, как правило, из доступных и дешевых материалов, эти скромные мемориальные сооружения, не претендующие на роль шедевров монументального искусства, несли и несут огромную этическую и аксиологическую нагрузку. Они передают образы мужества воинов, справедливости войны, трагизма событий, формируя культурную идентичность общества. Для современников мемориальные сооружения - это сохранение памяти о военных событиях, для власти и чиновников - выполнение государственной функции сохранения памятников культурного наследия. Для историков они могут стать объектами пристального внимания в контексте исторического изучения, как исторические источники по этологии, архитектуре, искусствоведению, культурологии, ономастике, генеалогии, краеведению, отдельным сюжетам войны, в частности, истории эвакогоспиталей, мобилизации, героям войны и труда, истории военной техники. Наконец, активизация исторического изучения мемориальных сооружений будет способствовать их сохранению.

А.И. Кулинич

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время социальные науки претерпевают изменения, связываемые с увеличением вариантов подходов к исследованию. Традиционная ис-

¹ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Новая и новейшая история. 2000. №4. С. 3; Тавокин Е. П., Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной Войне// Социс. 2010. № 5; Саралиева З.С., Балабанов С.С. Отечественная Война в памяти трёх поколений// Социс. 2006. № 11.

торическая наука, основывающаяся на письменном тексте, подвергается модернизации. Такие попытки совершенствования касаются стремления к нарративу, междисциплинарности, обращению к источниками визуального характера и т.д.

Современные исторические исследования не избежали визуального влияния. Многие западные и некоторые отечественные издания последних лет богато иллюстрируются, причем при подробном рассмотрении становится понятным, что «помещенные в авторский текст изображения – это не просто иллюстрации, они являются неотъемлемой частью аргументации историка, часто наравне с письменными текстами»¹. Такое переосмысление вида источника дало повод говорить о «визуальном повороте» в современной историографии (термин введен американским ученым У.Дж.Т. Митчеллом в 1980-х гг.).

Между тем, российский историк И.В. Нарский обращает внимание на то, что интерес историков к визуальным свидетельствам имеет несколько более богатую традицию. В немецкой научной среде XVIII века популярными были взгляды, «что искусство лучше, чем спекулятивный и научный разум, открывает сокрытые истины, а изобразительные источники – содержательно богаче книг»².

Несколько позже подобные представления Гегеля стали рассматриваться как основа исследования историков, которые начали предпринимать попытки использования произведения искусства как исторического источника. Прежде всего речь идет об авторах концепции Ренессанса Жюле Мишле (1798-1874) и Якобе Буркхардте (1818-1897). Они объясняли искусство через развитие религии, государства и общества. В целом, XIX век только очертил контуры тех проблем, которые заинтересовали историков в XX веке. Историки начинали интересоваться проблемами социального окружения произведения искусства, что ранее было приоритетно для искусствоведов. Точка зрения на произведение искусства сменилась на прямо противоположную. Если раньше искусствоведы пытались через социальные условия, в которых создавалось произведение, рассказать о нем, то позже историки поставили вопрос иначе: «что можно узнать из произведения искусства о его мире»³, о среде, в которой было рождено то или иное произведение.

А.Б. Соколов указывает на ряд предпосылок визуального поворота. Предпосылки социального характера отражают изменение статуса истории в совре-

¹ Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 10.

² Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 202.

³ Цит. по: Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 203.

менном обществе. Она идет по пути популяризации, утраты «четкой границы между профессиональной историографией и историей для широкого читателя»¹. Такая тенденция возникает в 1970-х гг., когда, по мнению французского историка Ж. Ревеля, в историческом чтении многие пытались найти средство отвлечения от современных проблем. А.Б. Соколов приводит несколько примеров проявления такой тенденции, одна из них – работы Ф. Арьеса, назвавшего себя «историком для воскресенья», то есть для удовольствия, отдыха. Такая тема постепенно завоевывает все большую популярность, а визуальные источники в ней начинают играть важную роль.

Вторая группа предпосылок – теоретические предпосылки – связана с влиянием постмодернистской методологии, внесшей в историографию концепцию дискурсивного, которая также обусловила появление новых приемов работы с визуальными источниками. «Подобно тому, как любой письменный текст можно «расшифровать» только в контексте дискурса, в котором он возник, так и изображение не может рассматриваться как «слепок реального»... и задача историка в том, чтобы «разгадать», «расшифровать» содержащееся в нем послание»².

Итак, в международной историографии в 60-70-х гг. XX века наметилось начало «визуального поворота», но первые серьезные результаты он принес в 80-90-х гг. Большое внимание стали уделять фотографии, «при этом происходит смена парадигмы использования визуального материала с иллюстративной на репрезентативную»³. В.Дж.Т.Митчелл, автор монографии «Иконология: образ, текст, идеология» (1986), один из теоретиков визуальных исследований, отмечает, что в последние годы «произошел настоящий переворот в гуманитарных науках»⁴. Специалисты с огромным интересом обратились к изучению проявлений визуальной культуры в широком смысле. По наблюдениям английского историка культуры Питера Берка, в журнале «Past and Present» («Прошлое и настоящее»), одном из наиболее авторитетных в международном масштабе периодических изданий, с 1952 по 1975 год не появилось ни одной иллюстрированной статьи, до конца 70-х их было опубликовано две, а в 80-х уже четырнадцать. Историческая книжная серия «Picturing History» была основана в Англии лишь в 1995 году.

¹ Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 11.

² Там же.

³ Гавришина О. «Опыт прошлого»: понятие «уникального» в современной теории истории // URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=104> (дата обращения: 23.04.11)

⁴ Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/usmanova_visualniy/ (дата обращения: 23.04.2011)

Сходная ситуация складывается и в России, хоть и с отставанием. В сфере гуманитарных наук в отношении изображений растет интерес исследователей. Первые попытки обращения к визуальным источникам предпринимали искусствоведы и этнографы, позже проблемами визуального стали заниматься социология и антропология. В последние годы появляются новые издательские серии, посвященные рассматриваемым вопросам, доступные российским ученым: «Очерки визуального», «Кабинет визуальной антропологии», в интернет пространстве веб-сайт viscult.ehu.lt (Сайт направления «Визуальные и культурные исследования» Европейского гуманитарного университета), являющийся местом общения социологов, культурологов, антропологов. Популярность и актуальность таких исследований обусловлена тем, что «визуальная культура и визуальная антропология, стремительно вошедшие в область социального знания, проблематизировали вопрос субъектности человека, его способности сохранять личную идентичность в визуально-виртуальном пространстве под напором массы предлагаемых зрелищ и образов»¹.

Издатели сборника «Визуальная антропология» (Библиотека Журнала исследований социальной политики) считают визуальную антропологию направлением, «развивающимся сейчас в рамках отечественной этнографической традиции», которая «ставит своей задачей изучение аудиовизуального наследия мировой и отечественной этнографии, фиксацию современной жизни народов, исследование визуальных форм культуры и создание аудиовизуальных архивов»². Авторы статьи выделяют несколько центров развития визуальной антропологии в России, которые входят в состав Российской ассоциации визуальной антропологии.

Как справедливо отмечает И.В. Нарский, отечественные историки пока не обладают широкой институциональной сетью для проведения визуальных исследований. «Крупнейшие российские исторические журналы «Вопросы истории» и «Отечественная история» по-прежнему не публикуют иллюстрированных статей. Журнал «Историк и художник», целенаправленно посвященный междисциплинарному освоению образов, в том числе изображенных, как исторических источников, начал издаваться лишь в 2004 году»³. В настоящее время большой вклад в дело популяризации научных изысканий по визуальной исто-

¹ Мальковская И.А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности. С. 45. // URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_4/Malkovskaia.pdf. (дата обращения 23.04.11)

² Круткин В., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Интеллектуальное поле визуальной антропологии // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 7.

³ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 204.

рии сделали специалисты Центра культурно-исторических исследований (Челябинск). Основным научным интересом Центра – междисциплинарные исследования в сфере гуманитарных наук, в том числе посвященные проблемам визуальной истории. Одним из таких шагов стал выпуск сборника статей «Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия» в 2008 году, по итогам Международной конференции по проблемам визуальной истории.

Фотография становится одной из наиболее распространенных форм визуальных свидетельств, распространенных в обществе и нуждающихся в изучении. История развития фотографии насчитывает более 170 лет, но, несмотря на небольшой срок существования, она смогла обрести круг заинтересованных исследователей. Интерес ученых к фотографии как источнику информации еще более молод.

В данном исследовании под фотографией мы понимаем почти всю совокупность смыслов, которые имеют употребление в настоящее время: и комплекс изображений, и технологию их создания, и практики производства и потребления, и многообразие ее жанров, и средство коммуникации. Также мы понимаем, что в нашем исследовании фотография рассматривается как источник информации, несущий специфически зашифрованный код, который возможно расшифровать с помощью некоторых методик. Таким образом, фотография предстает перед нами как явление культуры, с собственной историей и особенностями.

Кажущаяся простота восприятия фотографии по сравнению с текстом, долгая предубежденность в «объективности» фотоснимка, а также «иллюзорное убеждение о ненужности специального инструментария для его анализа»¹ сказались на том, что изображения не виделись в качестве ценного источникового материала.

Тем не менее, современные подходы исследования фотографии в рамках гуманитарных научных направлений подчеркивают необходимость интерпретации изображения.

Несмотря на свою относительную молодость, фотография имеет достаточно оригинальный путь развития. В настоящее время она очень популярна в самых разных сферах жизни человека. Своим каждодневным участием фотография обуславливает необходимость нового осмысления этого явления.

В процессе становления фотографии меняются подходы к осмыслению и трактовке фотоизображения. Они трансформируются в зависимости от уровня развития науки и техники, общего социально-культурного уровня, господствующей в обществе идеологии и т.п. Исходя из того, какое место занимает

¹ Там же. С. 31.

данное явление, определяются принципы, методы его исследования. И, наоборот, изменения в методологии изучения явления свидетельствуют об изменениях в понимании сути явления, его месте в культуре и, косвенно, даже об изменениях существующей идеологии.

Анализ любого изображения следует начинать с самого простого – внимательного рассмотрения снимка. При таком осмотре, в первую очередь, исследователь должен описать все изображенное, что показалось для него важным. Ход подобного описания может быть самым разным. Среди историков он стал одним из наиболее простых и распространенных подходов – метод исследования материальной культуры и быта. Основой данного метода является «уликовая парадигма» (по К. Гинзбургу)¹. Согласно такому подходу, в каждой, даже незначительной детали изображенной реальности сокрыта важная информация, которая, при сравнении и сопоставлении, может стать базой нового знания. Фотография по своей природе представляет на снимке даже мельчайшие детали, которые намеренно или случайно попадают в кадр. В этой связи датский ученый Луиз Вольтзерс указывает, что «отражение деталей как знаковая характеристика фотографии предстает прекрасным доказательством того, как фотоснимки могут стать историческими источниками»².

Этот метод имел широкое распространение до конца XX века и, прежде всего, направлен на «идентификацию и описание изображенных объектов». Не устарел он и в современных исследованиях, метод исследования материальной культуры и быта «при определенной постановке вопросов может быть продуктивен»³ при рассмотрении фотографии.

Одной из распространенных методик исследования изображений является искусствоведческий анализ. Применение такого анализа в исследованиях фотографии является вполне оправданным, так как с начала ее появления, светопись старалась стать полноправным видом изобразительного искусства, перенимала основные приемы, подражала, «брала на вооружение богатые традиции живописи»⁴. В историческом исследовании такой подход может являться лишь второстепенным.

¹ Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: Сб. статей/Пер. с ит. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 189-241.

² Wolthers L. Source Criticism and Beyond: A Photographical Turn in History // Nordic Network for the History and Aesthetics of Photography. Conference Papers. Nynäs Havsbad 2005. С. 5. URL: http://www.hf.uib.no/nnhap/nynaspapers2005/louisewolthers_2005.pdf (дата обращения: 02.02.11)

³ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 33.

⁴ Там же. С. 55.

Большого внимания заслуживает модель анализа содержания произведения искусства, которая дополняет анализ его форм. Основы этого метода заложил немецко-американский историк, исследователь Эрвин Панофски (1892-1968). Согласно ему, анализ может быть разделен на три этапа интерпретации изображения. Первый – доиконографическое описание – определяет главный или естественный сюжет, идентифицирует изображенные предметы и события. Вторым этапом – иконографический анализ – идентифицирует вторичную или условную тему, предполагает выявление подлинного значения или содержания, раскрытие «тем» изображения, аллегорий, с помощью которых автор пытается передать смысл. Третий этап – иконологическая интерпретация – заключается в расшифровке неосознаваемых, скрытых значений, потаенных смыслов, которые косвенно влияли на творца произведения искусства, и отражают «дух времени»¹. Э. Панофски обращал внимание на главный, третий этап аналитической работы с изображением – «иконологию», и понимал его как расшифровку «основополагающих принципов, которые раскрывают базовые представления нации, эпохи, класса, религиозного и философского убеждения, модифицированное в личности и воплощенное в одном-единственном произведении искусства»². Все это позволяет историку обнаружить скрытые характеристики, присущие эпохе или данному месту и освещающие культурную ситуацию, в которой было создано то или иное произведение.

Такая трактовка «иконологии» Э. Панофски в начале XX века оказалась достаточно необычным и часто подвергался критике. В качестве основного инструмента анализа произведения искусства на иконологическом уровне виделась «синтетическая интуиция», которая за счет опыта личной психологии, «мировоззрения», способствовала бы постижению духа эпохи. Такая умозрительность исследования, которая не находит подтверждения в источниках, а также ряд других причин, вызывали глубокие сомнения в оправданности применения такого подхода. Как заметил английский историк культуры П. Берк, критикуя иконологический подход Панофски: «с одной стороны он слишком точен и узок, с другой – слишком произволен»³.

Несмотря на обильную критику иконологии Э. Панофски, современные ученые, «в том числе историки, призывают не игнорировать его подход, а критически применять, дополняя иными методами». Современное исследование может базироваться на этом подходе, в данном случае одной из основных задач станет «ограничение и вместе с тем усложнение постановки вопросов: вместо

¹ Burke P. Eyewitnessing: the uses of images as historical evidence. London, 2001. С. 35-36.

² Цит. по: Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 59.

³ Burke P. Eyewitnessing: the uses of images as historical evidence. London, 2001. С. 41.

поиска пресловутого «духа времени» исследователь должен сосредоточиться на изучении с помощью изображений следов менталитета и эмоций людей прошлого, отраженных в способах репрезентации, в мимике и жестах изображенных персон»¹, обобщает И.В. Нарский точку зрения сторонников и критиков иконологии.

Сходные характеристики можно применить к структурно-семиотическому методу, представители которого рассматривают изображение как знаковую систему, обращая внимание на второстепенные, не выраженные явно в нем детали. Таким образом, при исследовании фотографии акцент переносится на неочевидные элементы изображения, а внимание к такому, с нашей точки зрения, важному аспекту, как исторический контекст, остается второстепенным. Основу структуралистским исследованиям фотографии заложил Ролан Барт (1915-1980), французский лингвист, философ-структуралист, один из самых известных теоретиков фотографии. В своем эссе «Camera lucida» (дословно «Светлая камера») Барт выделяет два возможных вида внимания: *studium* (дословно «изучение») – не сосредоточенное рассматривание изображения, доставляющее удовольствие; и *punctum* (дословно «укус, бросок игральных костей и др.») – внимание, предельно сфокусированное на каких-либо деталях снимка². Рассматривание фотографии означает концентрацию внимания на мелочах и, в то же время, появление разного рода ассоциаций с увиденным.

Р. Барт описывает *studium* как вид человеческого интереса к обучению, «что-то вроде общего усердия», которое мы проявляем в изучении чего-либо. Р. Барт в эссе обращает внимание, на то, что «именно благодаря *studium*'у я интересуюсь многими фотоснимками – потому ли, что воспринимаю их как политические свидетельства, потому ли, что дегустирую их как добротные исторические полотна; в этих фигурах, выражениях лица, жестах, декорациях и действиях я участвую как человек культуры»³. В *punctum*'е как специфическом виде внимания Р. Барт увидел «укол», заставляющий наблюдателя пристально рассматривать на первый взгляд не важные элементы снимка. Часто таким элементом на снимке выступает его деталь, выдающаяся своей нелепостью, противоречием, симпатией, «умилением» и т.д. «Я чувствую, что само ее присутствие меняет режим моего чтения, что я смотрю как бы на новое фото, наделенное в моих глазах высшей ценностью»⁴, - пишет о *punctum*'е Р. Барт.

¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 60.

² Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Пер. с франц. М. Рыклина. М.: «Ad Marginem», 1997. С. 43-45.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 67.

В другом своем эссе «Риторика образа» Р. Барт указывает на то, что фотография содержит три послания: «лингвистическое послание, кодированное иконическое (символическое) и некодированное иконическое (буквальное) послание»¹. Первое послание – текстовая информация, которая часто сопровождает фотографию в виде пояснений, надписей на фотографии и т.п. Второе – «коннотированный образ» - символическое послание, использующее знаки другой системы, культурный код. Третье – «денотированный образ» – буквальное послание, не кодировано, а представляет собственно изображение как форму отражения действительности, природу фотографии. Это позволяет фотографии предстать достаточно естественной, а влияние человека на процесс съемки замаскировать техническим происхождением фотографии, в сущности, случайностью фотоизображения. По мнению профессора истории искусств Вольфганга Кемпа, «денотированный образ натурализует символическую весть, он придает невинность искусственности семантических коннотаций»².

В определенном смысле, сущность способа рассматривания фотографии заключается в том, что Р. Барт «заключает в скобки социальные аспекты фотографии; устремляясь на поиски сущности (ноэмы) фото, он радикально отделяет этот вид изображения от других, прежде всего от кино, литературы и живописи. Он ищет в фотографии не сходное, а уникальное, неповторимое, сколь бы банальным оно ни казалось. Культурные обертоны в «Camera lucida» служат не более чем прологом к идиосинкратическому, личному видению фотографии, чуждому диалектике и опосредованию»³.

Не умоляя значения метода, предложенного Р. Бартом, необходимо отметить, что, выделяя *studium* и *punctum*, три типа фотографического послания, автор пытался «объяснить особенности собственного восприятия языка и зрительных образов»⁴. Автор метода на теоретическом уровне показал, что «для него «наука» фотографии оказалась неотделимой <...> от опыта глубокого личного переживания»⁵.

Структуралистско-семиотические исследования, как правило, не рассматривают исторический контекст, который, на наш взгляд, несет более богатый информационный потенциал. Знания, полученные в ходе семиотических изысканий, зачастую более гипотетичны и ненадежны. Тем не менее, в сочетании с

¹ Цит. по: Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 86.

² Цит. по: Там же. С. 87.

³ Рыклин М. Роман с фотографией // Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: «Ad Marginem», 1997. С. 183-184.

⁴ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 87.

⁵ Петровская Е. Антифотография. М.: «Три квадрата», 2003. С. 9.

другими данный структуралистско-семиотический подход мы считаем полезным, особенно при рассмотрении отдельных снимков.

Наряду с вышеописанными методами исследования фотографии, начиная со второй трети XX века, в трудах исследователей фотографии стали появляться мысли о «лживости» фотоизображения. Былая вера в подлинность изображения, полученного техническими средствами, подвергалась сомнению и критике.

Одним из первых на эти качества фотографии обратил внимание немецкий теоретик кино, социолог массовой культуры, Зигфрид Кракауэр (1899-1966). Еще в конце 20-х годов он «пришел к выводу, что фотография не может удержать информацию и без знания контекста ее создания ничего не дает»¹. Возможно, что его взгляды повлияли на Вальтера Беньямина (1892-1940), с которым он сблизился в Берлине в 1930-е годы. В настоящее время В. Беньямин, немецкий философ, теоретик истории, также считается одним из крупнейших историков фотографии. Также значительный резонанс в исследованиях фотографии произвели работы Гизеллы Фройнд (1912-2000), Вилема Флюссера (1920-1991), Пьера Бурдьё (1930-2002), Сьюзен Зонтаг (1933-2004).

Многие из вышеупомянутых авторов, «классики» истории фотографии, отмечали принципиально иной характер фотоснимка по сравнению с живописью или графикой. Фотография начинает отождествляться с жизнью, становится способной заменить базовые структуры человеческого сознания. Но для исследователей такая характеристика фотографических образов является не только поводом для критики. По их мнению, фотография качественно отличается от произведения искусства и представляет собой самостоятельный медиум, который необходимо изучать с принципиально иных позиций.

В середине 1930-х годов по поводу новых видов искусства фотографии и кинематографа, в одном из своих знаменитых эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В. Беньямин пишет, что они достигли уровня, позволяющего считать их самостоятельными видами художественной деятельности. Это становится возможным отчасти потому, что они обладают способностью «превращать в свой объект всю совокупность имеющихся произведений искусства»². Применительно к фотографии, вопрос подлинности становится второстепенным. Из одного фотонегатива можно сделать множество отпечатков. «В тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразуется вся социаль-

¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 108.

² Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: «Медиум», 1996. С. 66-91 // URL: <http://www.klinamen.com> (дата обращения: 23.04.11)

ная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая»¹.

Другие представители также отмечали этот поворот, произведенный с помощью фотографии. Г. Фройнд говорила, что фотография научила видеть мир другими глазами. В. Флюссер отмечал значение фотографии и других видов технических изображений как весьма важное, а кризис современной ему культуры он видел в проблемах перехода от текстовой информации и визуальной. Фототехника все больше совершенствовалась, модернизировался процесс получения фотоотпечатков, он стал более простым и доступным. Фотографирование, становившееся все более массовым, писала С. Зонтаг, порождает новую культуру зрительного восприятия². Все чаще фотография не воспринимается как искусство, она больше начинает включаться в повседневные практики, становится «общественным обрядом, средством успокоения и инструментом власти»³.

Со временем популярность фотографии растет, она становится самостоятельным медиумом, это заставило исследователей искать новые способы интерпретации фотографии, отличные от привычных подходов, применяемых к традиционным произведениям искусства. Социологическая критика 20-70-х годов XX века, представителей которой мы причисляем к «классикам» истории фотографии, пыталась обратить внимание на сущностную черту фотографии – ее лживость. Сила фотоизображения ими виделась в том, что оно создает искусственную действительность, фикцию. В данном случае, с этим связан и основной интерес к фотографии, которая в специфической форме отражает проблемы современного мира.

Среди социологических подходов к интерпретации фотографии 1920-70-х годов наиболее обоснованной оказалась концепция П. Бурдьё. Он понимал фотографию в широком смысле как социальную практику, отмечал субъективность как одно из важных качеств фотографии, поскольку она всегда связана с выбором (ракурса, предмета, параметров и т.д.). Но общество доверяет фотографии как объективному явлению, приписывая качества истинности, адекватного отражения действительности.

П. Бурдьё построил свою концепцию на основе «габитуса», под которым он понимал «систему усвоенных образов,<...> габитус заставляет человека

¹ Там же.

² Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 109-110.

³ Sontag S. On Photography. New York: RosettaBooks LLC, 2005. (электронное издание)

действовать определенным, привычным образом – этим он близок к менталитету»¹.

По мнению П. Бурдые, габитус определяет любое человеческое поведение, в том числе и фотографирование. Во время съемки человек принимает решение о том, что именно сфотографировать, какие параметры выбрать для съемки, какой ракурс выбрать и т.д. В таком выборе человек основывается на «фундаментальных ценностях социальной группы или общества в целом», это дает нам повод полагать, что «самая незначительная фотография наряду с явными намерениями ее производителей выражает <...> систему схем мышления, восприятия и предпочтений, общих какой-либо группе»². Помимо отмеченных П. Бурдые характеристик по отношению к тому, кто фотографирует, мы считаем, что такая трактовка габитуса может быть применена и к тому – кого фотографируют. Люди, попадающие в кадр, порой сами, без участия фотографа принимают специфические, только им привычные, позы, если это репортажная съемка – ведут себя в соответствии со своей социальной ролью, не обращая особого внимания на фотографа. На основе концепции габитуса П. Бурдые считал возможным исследовать структуру и иерархию социума, взаимоотношение между социальными группами.

В качестве одной из важных функций, которую выполняет фотография, П. Бурдые выделял функцию интеграции семьи. Во время широкого распространения фотоаппаратов, а также упрощения процесса съемки и печати изображений такая характеристика фотографии становится особенно явной. В объектив камеры, как правило, попадали какие-либо значительные для семьи события (прием гостей, родственников; поездка в отпуск; семейные праздники и т.д.). Вместе с появлением и ростом любительской фотографии, для себя и семейного пользования, профессиональная фотография оставалась популярной. Профессионалу старались доверить наиболее значительные, важные моменты семейной жизни (свадьба, выпускной в школе, детском саду и т.п.), изготовление портрета ребенка или семейное фото в студии.

И.В. Нарский отмечает, что сейчас многие взгляды «классиков» теории и истории фотографии представляются наивными и устаревшими. «Поиск прямых взаимосвязей между фотографическими изображениями и состоянием общества не учитывал того, что авторы визуальных объектов ведут диалог между собой; что изображение является ответом не только на актуальные вопросы жизни, но и на другие, образцовые изображения; что прорывы в изобразитель-

¹ Цит. по: Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 112.

² Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 112.

ных практиках, как правило, не имеют ничего общего с социальными изменениями»¹. Тем не менее, некоторые их взгляды остаются актуальными сегодня, частично они стали отправной точкой для новых исследований визуальных свидетельств.

В настоящее время исследования фотографии в рамках визуальной социологии предпринимаются достаточно часто. Одним из наиболее значимых ученых в данной области считается немецкий социолог Штефан Гушкер. В своей диссертации «Мир изображений и жизненная действительность: социологическое исследование роли частных фотографий в придании смысла собственной жизни» (2002) он предпринимает попытку показать важность не только того, что изображено на снимке, но и того, как его обладатель относится к нему.

При работе с фотоизображениями Ш. Гушкер предлагает собственную методику исследования, которая заключается в делении процесса фотографии на три составляющих: дофотографическая, фотографическая и постфотографическая ситуации².

Ш. Гушкер в своей работе показывает, что «владельцы частных фотографий убеждены, что с помощью фото они проверяют и перепроверяют свои воспоминания, хотя в действительности фотографии и их использование – источник конструирования воспоминаний»³. В итоге, он считает, что постфотографическая ситуация представляет собой попытку человека объяснить собственную жизнь.

Концепция Ш. Гушкера стала ярким примером современного направления в науке – визуальной социологии. Соответствуя логике данного направления, фотография способна содержать в себе информацию об обществе. Для него характерен подход к фотоизображению как к визуальному образу, который накапливает комплекс значений на протяжении всего времени производства и трансляции изображения, а не задается одномоментным актом съемки или публикации снимка. Таким образом, наиболее значимым оказывается время использования фотоснимка, потому что именно на этом этапе фотография наполняется теми смыслами, которые ее обладатель способен и заинтересован ей придать.

В историческом исследовании такого рода рассмотренный выше подход имеет место быть, хоть и нуждается в некоторой корректировке. На наш взгляд, частная фотография больше подходит социологическим и этнологическим исследованиям, поэтому в историческом исследовании визуальные источники должны пониматься гораздо шире. Вместе с приватной фотографией историче-

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 137-142.

³ Там же. С. 167.

ское исследование не исключает публичную фотографию (в виде репортажной фотографии), которая может отражать проблемы всего города, представлять новости и события горожан, а не отдельного человека. Такая фотография может содержать социальный заказ или быть нацеленной на отражение отдельных аспектов городской жизни. Заказчиками таких фотографий выступают не только конкретные личности, но также влияние оказывает социальная политика города и страны в целом. Если провести параллель между частной фотопрактикой и фотографией в историческом контексте, то аналогом постфотографической ситуации может стать реакция современников, возникающая в прессе, иных письменных источниках, на публикацию того или иного снимка.

Исследования в рамках визуальной истории является относительно молодым направлением. Западные историки чаще обращают внимание на важность и перспективность новых подходов. Опираясь на накопленные в рамках других наук подходы исследования визуальных свидетельств, историки пытаются создать собственную методологию. Большинство попыток неизбежно находятся на стыке наук, имеют междисциплинарный характер, что подчеркивает состояние научной сферы современного общества.

В западной научной мысли во второй половине XX века начали формироваться новые подходы в работе с изображениями. Начали акцентировать внимание на том, что существующие методы исследования фотографии, основанные на истории искусства или истории технологии, делящие фотографию на «художественную» и «документальную», не являются единственно верными. «Такие критики, как Розалинд Краусс, Даглас Кримп, Алан Секула заявили о необходимости изучения фотографии в рамках культурного контекста ее появления и восприятия, как отражения социальных и исторических процессов»¹. К примеру, американский критик искусства Р. Краусс в своем эссе «Дискурсивные пространства фотографии» (издано в 1982 г.) отмечала, что «эстетический», искусствоведческий подход в исследовании фотографии зачастую оказывается узким, не дающим полного, желаемого результата².

Одним из возможных методов исследования фотографии видится «археологический» метод. Одной из последовательниц такого метода является Розалинд Краусс, которая предлагает рассматривать фотографию в качестве «архива», как его видел Мишель Фуко в своей «Археологии знания». Смысл такого подхода заключается в том, что фотография воспринимается как «архив», который хранит информацию об историко-культурном контексте, в рамках которого

¹ Гурьева М.М. Повседневная фотография в современном культурном контексте: Дис. канд. филос. наук. СПб., 2009. С. 39.

² Krauss R. Photography's Discursive Spaces: Landscape/View // Art Journal, Vol. 42, No. 4, The Crisis in the Discipline. 1982. С. 316-317. URL: <http://www.jstor.org/pss/776691> (дата обращения: 23.04.11).

она была создана. «Археологический» метод делает несущественными по отдельности традиционные способы понимания фотографии.

Если раньше было принято рассматривать фотографию как вид искусства, как совокупность технологий или как вид коммуникации, то в данном случае, все эти и им подобные смыслы объединяются в единый комплекс¹. Важными задачами перед исследователями истории фотографии становятся сопоставление «взглядов зрителя и фотографа в их историческом изменении»².

Одними из наиболее обоснованных на сегодняшний день являются концепции исторического исследования визуальных источников, описанные в монографиях английского историка культуры Питера Берка (род. 1937) «Угол зрения: использование образов как исторических источников» (2001) и Бернда Река (Роек) (род. 1953) «Историческое око. Произведения искусства как свидетели своего времени. От Ренессанса до Революции» (2004).

Авторы работ считают, что визуальные свидетельства, произведения искусства, могут выступать в качестве исторических источников. Изображения могут содержать некоторую информацию, способную рассказать об обществе, социальных особенностях, которые могут не отмечать письменные тексты. С другой стороны, изобразительное искусство не так реалистично, как это может показаться. Особенно важно такую оговорку делать в отношении фотографии, которая часто своим документальным характером подменяет истинную реальность. В данном смысле, необходимо упомянуть творческую составляющую намерений художников и фотографов. Часто еще большее воздействие оказывают интересы заказчиков, не совпадающие с реальным положением вещей. П. Берк отмечает это как «хорошую новость для историков», обуславливающую интерес к источникам такого рода в целях изучения менталитета, идеологии, идентичности и т.д. «Материализованный образ или непосредственное изображение являются хорошими свидетельствами о ментальном или метафорическом «имидже» себя или других»³.

Один из способов работы с произведением искусства П. Берк и Б. Рек видят в обращении к побочной, непреднамеренной информации, запечатленной на изображении. Изучение таких фрагментов и деталей изображения становится столь же важным для историка инструментом, каким является прочтение ис-

¹ Фуко М. Археология знания: Пер. с фр./Общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 136-137.

² Цит. по: Гурьева М.М. Повседневная фотография в современном культурном контексте: Дис. канд. филос. наук. СПб., 2009. С. 43-44.

³ Burke P. Eyewitnessing: the uses of images as historical evidence. London, 2001. С. 30.

точника. Б. Рек обращает внимание на то, что «искусство сообщает непреднамеренно значительно больше, чем специально»¹.

Особое внимание историки уделяют источниковой значимости портрета. При съемке портрета фотограф и его модель достаточно тесно общаются, намного ближе, чем при другом виде съемки. Портрету всегда уделялось большое внимание. При заказе своего изображения человек стремился показать себя в лучшем виде. Чаще всего это могло стать стремлением показать того, кем бы хотел быть. Средствами фотографии это удастся сделать. По мнению П. Берка, особенно такая трансформация отмечается применительно ко времени появления и распространения парадного фотопортрета, который становится популярным во второй половине XIX века. Заказной портрет предстает как специфический документ «саморепрезентации», как «защитная реакция от реальности»: «Портреты, фотографические, живописные ли, отражают не столько социальную действительность, сколько социальные иллюзии, не нормальную жизнь, а специфические представления»². Такой подход дает нам право полагать, что фотопортреты могут служить историческими источниками ценностей менталитета, повседневности и т.д. В XX веке характер портретной фотографии часто меняется, особенно это касается русской фотографии, что связано со сменой политического строя.

И.В. Нарский отмечает, что в работах П. Берка и Б. Река существует ряд принципиально важных сходных положений. Многие принципиальные вопросы оба автора решают подобным образом. Тем не менее, позиции ученых представляют две возможные исследовательские стратегии. П. Берк предлагает акцент анализа делать на самом изображении, не умаляя при этом значимость исторического контекста. Б. Рек пытается показать первостепенную важность общественных условий, в которых возникает художественное произведение. По мнению ученых, визуальное свидетельство должно исследоваться только в историческом контексте. Взгляд на изображение не дает прямого представления о социуме, об особенностях культуры и быта. Задача анализа изображения в том, чтобы понять, как человек видел и хотел видеть себя и свое окружение.

Значительный вклад в понимание исторического значения фотографии внес Йенс Егер в работе «Фотография: Картины Нового времени» (2000). Под историческим исследованием изображения, в том числе фотографии, он предлагает понимать «исследовательское направление, которое призвано изучать не определенные типы изображений, а их историческую обусловленность, трансформацию их восприятия и использования, а также общественную и культур-

¹ Цит. по: Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 206.

² Burke P. Eyewitnessing: the uses of images as historical evidence. London, 2001. С. 28.

ную роль в конкретные исторические эпохи и в конкретно-исторических обществах»¹. Как уже отмечалось, нельзя судить об эпохе, исследуя только изображение в чистом виде. Она документировала не реальный порядок вещей, а желательный. Для полноты исследования необходимо учитывать исторический контекст, исследуя более традиционные источники.

Среди российских историков, отмечавших важность исследования фотографии в качестве исторического источника, необходимо выделить челябинского историка, доктора исторических наук, профессора И.В. Нарского. В своей работе «Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство» автором выделена линия разных методик, применяемых к анализу фотоснимка. В настоящее время такая исследовательская стратегия представляется как современный, комплексный подход к изучению феномена фотографии в его историческом значении.

Итак, в начале XXI в. ученые начинают признавать за визуальными источниками статус исторических свидетельств. Некоторые исследователи отмечают, что такая тенденция формируется за счет того, что процедуры внешней критики визуальных и вербальных источников совпадают. То есть визуальные свидетельства предстают как «культурный конструкт, подлежащий вследствие этого «чтению» и интерпретации в той же мере, в какой этим процедурам поддается литературный текст»². Они перестают восприниматься как второстепенные источники. В связи с этим, при работе с ними одной из основных задач становится их контекстуализация. Без рассмотрения контекста значение и достоверность источника резко падает. В данном случае перед историком при рассмотрении фотографии в качестве основных должны стать вопросы: «где, когда, кем, зачем и для кого они снимались и изготавливались, входили ли в серию и почему выделены владельцем, где хранились и занимали ли почетное место, как воспринимались и интерпретировались обладателями и пр.»³. Необходимо учитывать неотделимость фотографии от формирующего ее историко-культурного контекста, а также ее влияния на этот контекст. Кроме этого, для работы с изображениями исследователь должен ориентироваться в поле визуальных источников, владеть их «языком», без которого невозможно их полно-

¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С. 238.

²Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/usmanova_visualniy/ (дата обращения: 23.04.2011)

³ Нарский И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С.57.

ценное понимание. В настоящее время такой «язык», новая историческая теория работы с визуальными свидетельствами, только начинает разрабатываться.

Также при исследовании фотографии необходимо понимать, что она не обладает каким-либо одним, единым значением. Наоборот, чаще всего изображение имеет множество разных коннотаций. В работе с фотографиями важной задачей является постановка вопросов, от которой будет зависеть их конечная интерпретация.

Т.Н. Шимолина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

На рубеже XX-XXI веков интерес к проблемам истории регионов в отечественной науке оказался чрезвычайно высок. Причины этого многообразны. Это и общая демократизация всех сфер жизни, поощрение инициативы «снизу» в 1990-е годы; и открытие новых, неосвоенных в советское время источников, и вследствие этого появление новых тем исследования; и, наконец, общемировые тенденции глобализации, вызвавшие потребность в защите региональных особенностей, в сохранении разнообразия. Всему этому мы обязаны появлением особой отрасли - регионалистики, которая в наши дни активно заявляет о себе. Как для любой становящейся науки, для нее характерен целый ряд проблем.

Ключевым для этой науки является понятие региона, вытеснившее слишком спорный термин «провинция», что отчасти справедливо, так как за долгий период использования в бытовом языке и в языке власти этот термин приобрел оценочно негативную окраску. И все же говоря о регионах, как правило, имеют в виду провинциальные регионы, так как регион концентрации столичной культуры подразумевается само собой разумеющимся объектом изучения. А вот право провинциальных регионов на изучение, на наличие чего-то ценного как будто еще требуется доказать. Таким образом, одной из проблем регионалистики является сам факт ее существования: научная несомненность и одновременно обывательская сомнительность предмета.

Серьезная проблема практически любой становящейся науки - некоторая терминологическая нечеткость. Понятие «регион» заимствовано из политической географии, и до сих пор требуются уточнения для того, чтобы превратить его в полноценную историческую категорию. Можно ли считать понятия региона, провинции, периферии синонимами? Очевидно, нет, хотя часто они используются именно так, в том числе и в научных текстах. Наконец, необходимым антонимом к провинции является понятие столицы. Все эти понятия требуют уточнения. В целом все многообразие значений можно свести к трем ос-

новным трактовкам: территориально-географической, культурно-географической и ценностной.

Первая четко определяет столицу как административный центр, а провинцию - как все, что этим центром не является. Однако это объяснение относится скорее к сфере политической географии и не может считаться исчерпывающим для истории. Более научно говорить не о столице, а о «центре», так как ясно, что столица как место резиденции власти и столица как центр культуры и истории, как ее репрезентант далеко не всегда тождественны.

Ценностная трактовка больше характерна для бытового понимания и фиксирует значение центра как однозначно положительного места, а провинции - как чего-то косного, отсталого и бедного. Провинция в буквальном переводе с латинского - «то, что должно быть завоевано», «завоеванная территория». Словарь Брокгауза-Ефрона дает именно такие значения: «...3) Вражеская область, которая назначается полководцу как театр военных действий. 4) Внеиталийское владение, население которого обращено в римское подданство, вносит подати и подчиняется римскому наместнику»¹. То есть это не просто территория, удаленная от другой территории - столицы, это территория, удаленная от магистральных рубежей развития, от новейших достижений, она по отношению к столице является как бы вчерашним днем. Это широко распространенное в массовом (и не только) сознании ценностное определение провинции фиксируют многие словари советского времени. В частности, в словаре С. И. Ожегова слово «провинциальный» прямо объясняется как «отсталый, наивный и простоватый»². Оценочное понимание столицы и провинции особенно характерно для авторитарных государств: «постепенно возникавшая иерархия людей накладывалась на постепенно возникавшую иерархию пространств, в результате чего «хорошие» с точки зрения культуры люди оказывались ближе к Москве или даже к центру Москвы, а «плохие» занимали периферию»³.

Разумеется, для целей регионалистики такое определение не подходит. Не случайно почти во всех словарях, где дается подобная трактовка, она отмечается ремарками “разг.”, “перен.”, то есть не рассматривается как нечто, имеющее объективную значимость. Быть может, негативные ассоциации, связанные со словом «провинция», действительно мешают его научному употреблению, и имеет смысл отказаться от него в пользу термина «периферия», которое воспринимается нами безоценочно - просто как «нецентральная территория».

¹ Энциклопедический словарь - Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон, 1890. М.: Изд. центр «Терра», 1990. Т. 49.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989, С. 604.

³ Паперный В. З. Культура 2. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 109.

Значительно более интересна культурно-географическая трактовка понятий. Центр и периферия в этом случае понимаются как две полноправные составляющие общенациональной культуры, отличные друг от друга и находящиеся в состоянии диалога. «Образ центра - один из фундаментальных символов человечества. Это символ начала, абсолютной реальности, места конденсации и сосуществования противоположных сил, наиболее концентрированной энергии... Это символ творческой силы и конца всех вещей»¹. А провинция в этом случае трактуется как «...3. Местность, находящаяся вдали от столицы или крупных культурных центров, вообще - территория страны в отличие от столицы»². Здесь удачно применено слово «в отличие», которое характеризует провинцию как нечто самостоятельное в духовном отношении, какую-то иную культуру, с которой необходим диалог. Тогда понятие «регион» должно обозначать просто некую территорию, характеризующуюся общими природно-географическими и историко-культурными особенностями. Центральность либо периферийность региона - его конкретно-ситуативная характеристика, а не объективно присущая ему как понятию составляющая.

Очевидно, что при изучении истории региона необходимо учитывать его центральное или периферийное положение в общенациональной истории, а также степень удаленности периферийных регионов от центральных. При этом большая удаленность от центра вовсе не обязательно будет автоматически означать большую отсталость, а, скорее всего, большую самобытность, оригинальность и, возможно, даже наличие многих качеств центра. Разумеется, иерархия пространства четче выражена в государствах авторитарных, но это не означает ее отсутствия в государствах демократических. Деление на центр и периферию изначально присуще пространству и имеет под собой вполне объективные основания, которые можно и нужно выявлять в процессе изучения региона.

Для периферии характерна большая специализированность, утилитарность (регионы промышленные, курортные, портовые, сельскохозяйственные), в то время как центр - это все богатство разнообразия самореализации, пространство выбора. Не случайно по отношению к периферии употребляются слова «житница», «кузница», «кладовая», «опорный край державы» и т.п., а в столице России находится «выставка достижений народного хозяйства».

Не случайны столь частые в истории смены столиц при смене парадигм развития. Они были обусловлены причинами не только политического, но и се-

¹ Семиотика пространства: Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999, с.326.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Т. 3., С. 902

миотического порядка: новизна требовала нового центра (таковы были действия египетского фараона Эхнатона, императора Карла Великого, киевского князя Святослава, Петра I, В.И. Ленина). Причем порой элемент новизны еще усиливался постройкой совершенно нового города, как правило, на окраине привычного старого мира, так что переносилась не только столица, но перестраивалась вся пространственная организация общества. Периферия могла приобрести статус центра, хотя бы местного, и в результате действий людей, представлявших собой оппозицию существующему укладу и типу государства. Таковы, например, некоторые города Урала, которые в годы зарождения капитализма в России превратились в столицы почти автономных маленьких государств-вотчин (Невьянск, затем Нижний Тагил Демидовых, Усолье Строгановых). Таков был Магадан - столица «государства в государстве» - ГУЛАГа.

Таким образом, центр - это «пространство возможностей», а периферия - место ограниченного выбора. Окраины традиционно связываются с работой, делом, в то время как центр - с праздностью, развлечениями. Именно труд провинции обеспечивает величие центра. Житель провинции является в центр в свободное от работы время, чтобы потратить там заработанные деньги и пообщаться к оживлению, повышенному ритму существования. Центр - репрезентант культуры и истории всего региона, своего рода его символ. «Город как замкнутое пространство может находиться в двояком отношении к окружающей его Земле: он может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, быть им в некотором идеальном смысле (так Рим-город вместе с тем и Рим-мир), но он может быть и его антитезой. *Urbis* и *orbis terrarum* могут восприниматься как две враждебные сущности... В случае, когда город относится к окружающему миру как храм, стоящий в центре города к нему самому, то есть когда он является идеализированной моделью вселенной, он, как правило, расположен в центре Земли. Вернее, где бы он ни был расположен, ему приписывается центральное положение, он считается центром. Иерусалим, Рим, Москва в разных текстах выступают именно как центры некоторых миров»¹.

В центре отдельные явления региональной истории испытываются на прочность: приобретают своего рода огранку и пускаются в оборот либо теряются и гибнут. На периферии идет черновая работа, оттуда поставляется сырье, там черпаются идеи. В то же время провинция хранит наследие прошлого либо закладывает фундамент для будущего, а столица воплощает в себе все многообразие настоящего. «Высокая привлекательность (промышленного города) в первые два десятилетия, пока город строится и существует скорее в мечтах и ожиданиях, сменяется через 40 лет резким спадом привлекательности реально

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.С.320.

построенных городов. Основные доминанты в привлекательности такого типа городов - ценность «новизны», нового образа жизни, романтика становления и преодоления, эффект собственного участия - город строится «на наших глазах» и «нашими руками»... Через 40 лет горожане ощущают, что живут в городах несбывшейся мечты»¹.

Дихотомия «центр-периферия» является одной из важнейших для понимания особенностей развития истории как региональной, так и общенациональной. Сложность заключается в том, что понятие центра архетипично, и выделять центр можно бесконечно. Любой регион имеет свой центр и свою периферию, поэтому любую точку пространства, отмеченную человеческой деятельностью, необходимо рассматривать как бы в трех плоскостях: как саморазвивающуюся систему, как провинцию, испытывающую влияние со стороны некоего центра, и как центр, к которому тяготеют свои собственные провинции.

Один из важнейших постулатов регионалистики - уверенность в самоценности любого периферийного региона, в наличии у него собственных законов функционирования и развития. Однако при изучении этих особенностей нельзя не учитывать фактор многочисленных влияний извне, без которого также невозможно было бы никакое развитие. Эти влияния проникают как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикаль проникновения зеркальна: сверху, из центра, и снизу, из собственных провинций. Этот тип взаимодействия, как правило, агрессивный: регион выступает либо в качестве жертвы, которой что-то навязывается силой, либо в качестве агрессора, который сам что-то присваивает, отбирает или диктует. Причем эта агрессия не обязательно будет буквальной. Бьющая в глаза привлекательность центра, разнообразие предлагаемых им возможностей, соблазны действуют не менее эффективно, чем прямые приказы. По горизонтали регион несвободен от проникновения влияний со стороны соседей. Таким образом, можно сказать, что любая точка пространства, освоенная людьми, - это перекресток различных влияний и заимствований. Изучение источников этих влияний, а также процессов преобразования чужого в свое является, наверное, самым сложным, но при этом абсолютно необходимым элементом любого регионоведческого исследования.

Наконец, практическая значимость регионалистики видится сейчас в сохранении исторического наследия и проектировании дальнейшего развития региона в соответствии с его собственными традициями, которые, возможно, были отчасти забыты и теперь подлежат восстановлению. И опять же при всей очевидной правильности этого утверждения сохраняются некоторые сомнения.

¹ Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27-30 июля 1995 г.): В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Архитектон, 1998, С.46.

Традиция - уже не традиция, если она требует восстановления. Любая реконструкция будет искусственной и, следовательно, вряд ли жизнеспособной. Традиции и артефакты, безусловно, подлежат изучению. Но именно как часть прошлого, как намек на возможное будущее, может быть, как предостережение, а не как прямое руководство к действию. Примерами могут служить так популярные сейчас в Европе и России этнографические музеи, всевозможные заповедники, сам статус которых говорит о том, что перед нами нечто отличное от реальной живой жизни. Быть может, далеко не все традиции следует сохранять и развивать. Например, едва ли перспективным на сегодняшний день является развитие Южного Зауралья как исключительно сельскохозяйственного региона, что не отвечает современным тенденциям ни в промышленности, ни в экономике, ни в экологии, ни в духовной культуре.

Были обозначены, безусловно, не все существующие проблемы и спорные моменты, но лишь те, которые показались наиболее важными. В их решении, возможно, заложены дальнейшие перспективы развития регионалистики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Гоголев Игорь Борисович** - соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
2. **Ершов Михаил Николаевич** - кандидат исторических наук, доцент Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск
3. **Козельчук Татьяна Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
4. **Коновалов Сергей Сергеевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
5. **Копылов Вячеслав Петрович** – соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
6. **Кряжев Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
7. **Кулинич Александр Игоревич** – старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
8. **Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета, г. Курган
9. **Менщиков Игорь Самуилович** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
10. **Могутнов Андрей Валерьевич** – аспирант кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета, г. Челябинск
11. **Могутнов Валерий Петрович** - доктор исторических наук, профессор
12. **Павлуцких Геннадий Геннадьевич** - кандидат исторических наук, доцент.
13. **Подливалов Валерий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент.
14. **Савельев Вадим Геннадьевич** - кандидат исторических наук, доцент.

15. **Тершукова Екатерина Васильевна** – главный специалист, заведующий научным методическим сектором ГУ «НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области»

16. **Фёдоров Сергей Георгиевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган.

17. **Федченко Михаил Николаевич** - доктор исторических наук, профессор кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган.

18. **Шимолина Татьяна Николаевна** – ассистент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган.

19. **Шихардин Николай Владимирович** – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной работы КГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Менщиков И.С.</i> ИСТОРИОПИСАНИЕ ИСТОРИОГРАФИЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	3
<i>Менщиков И.С.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	5
<i>Менщиков В.В.</i> КОНСТРУИРУЮЩАЯ РОЛЬ ЛОКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ	15
<i>Ершов М.Ф.</i> РОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВ ГОРОДОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	25
<i>Коновалов С.С.</i> БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 60-70-х гг. XIX ВЕКА НА УРАЛЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	38
<i>Федоров С.Г.</i> ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	51
<i>Шихардин Н.В.</i> АНРИ ЛЕФЕВР: РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.....	66
<i>Менщиков И.С.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ЛОКАЛЬНЫХ СТРУКТУР	79
<i>Федченко М. Н.</i> ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА (1946 – 1950 гг.)	84
<i>Подливалов В.В.</i> ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ АГРАРНИКОВ В 1954 ГОДУ В с. МАЛЬЦЕВО ШАДРИНСКОГО РАЙОНА	101
<i>Подливалов В.В.</i> ПРИЕЗД ХРУЩЕВА В КУРГАН В 1961 ГОДУ С ЦЕЛЬЮ ВРУЧЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ НАГРАДЫ.....	118
<i>Савельев В.Г.</i> ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В 1920-е ГОДЫ.....	128
<i>Кряжев Ю.Н.</i> РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	132

<i>Могутнов В.П., Могутнов А.В.</i>	
ОБОРОННО-МАССОВАЯ РАБОТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЕЁ НЕОБХОДИМОСТИ.....	144
<i>Копылов В.П.</i>	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КУРГАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (1952-1985 гг.).....	149
<i>Гоголев И.Б.</i>	
РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ XVIII – XIX ВЕКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО	167
<i>Павлуцких Г.Г.</i>	
ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ И ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ	177
<i>Козельчук Т.В., Тершукова Е.В.</i>	
МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	186
<i>Кулинич А.И.</i>	
ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	193
<i>Шимолина Т.Н.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ.....	210

Научное издание

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
ИСТОРИОПИСАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛОКАЛИСТИКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор Н. А. Леготина

Подписано в печать	Формат 60X80 1/16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ. л.	Уч.- изд. л.
Заказ	Тираж	Цена свободная

Редакционно – издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет